

КРУТОЙ СЮЖЕТ

1'94

КЭМПО - БОЕВИК

Annotation

Журнал «Крутой сюжет» задуман как дайджест для публикации наиболее захватывающих боевиков, герои которых используют приемы и методы боевых искусств. Слово «дайджест» означает, что мы избавляем вас от траты времени на чтение второстепенных описаний, скучных рассуждений, всего того, что мешает развитию динамического сюжета.

- [Владимир Моргунов](#)
 - [Владимир Моргунов](#)
 - [Владимир Моргунов](#)
 - [Вадим Гетманенко](#)
-

Владимир Моргунов

Вадим Гетманенко

КРУТОЙ СЮЖЕТ

1994, № 01

Владимир Моргунов

ЗАПИСКИ АРБАЛЕТЧИКА

Сергей освобождается никак не раньше шести вечера, это меня очень устраивает. Его мать тоже на работе, а сестра в институте. Через десять минут я подъезжаю к дому. Точнее, оставляю мотоцикл на площадке перед магазином «Тысяча мелочей». Скамейки перед нужным подъездом пусты, отсюда это хорошо видно. Ну, слава Богу. Набросив хитрый хомутик на руль мотоцикла и защелкнув его, я прихватываю чемоданчик и отправляюсь к подъезду.

Стараясь двигаться расслабленно и неторопливо, отпираю дверцу распределительного телефонного щита. В это время слышатся легкие, быстрые шаги на лестнице. Парнишка лет шестнадцати-восемнадцати, в светлой куртке и голубых джинсах, прическа странная, как у многих из нынешней молодежи. Мне двадцать девять, я уже не могу себя относить к «их» поколению. Скорее всего парень не обратил на меня особого внимания, ведь в раскрытом чемоданчике передо мной телефонная трубка со шнуром, инструмент. Меня иногда спрашивают на улице: «Извините, молодой человек, вы не телемастер?» Все из-за сочетания моей внешности с видом чемоданчика. А телемастером я мог бы стать по совместительству, чтобы подработать. Так сделал один мой бывший коллега. Хотя «бывший» можно скорее отнести ко мне. Это я уже третью неделю не работаю.

Вот здесь подсоединяется телефон квартиры Сергея. Штучка, не больше чем батарейка «Крона», повисает на контактах. Не стоит зажимать слишком сильно, все равно завтра придется снимать. То-то удивятся настоящие телефонные монтеры, если им придется осматривать щит сегодня. Очень нежелательный вариант, конечно...

* * *

Набирают номер. Торопливо записываю. Есть соединение. Ага, это его сестра, говорит с подружкой. Минут пятнадцать трепа, не такого уж и беспредметного, я узнаю, что подружка, кажется, «подзалетела». Потом мать Сергея разговаривает с каким-то мужчиной. И только где-то в половине седьмого включается мой друг. Но интересующего меня разговора все нет. Обманул или забыл? Придется напомнить. Я освобождаю одно ухо из наушников, подтягиваю к себе телефон и накручиваю диск, отмечая машинально, как каждая цифра «проходит» в наушниках. Все-таки здорово я научился узнавать номера на слух.

Трубку берет Сергей.

— Ну, ты мне можешь сказать что-нибудь утешительное? — спрашиваю я. — Брось валять дурака, неужели забыл?

Он вспоминает. Или делает вид, что вспоминает. Но я с него не слезу. Если он не блефовал, то, значит, дело это совсем простое — раздобыть «дурь».

Сергей набирает 5-3-5-9-8-2. Смотрю в записи — он его уже раз набирал перед этим, но тогда никто не ответил. Удивительно, до чего обязательный малый, никогда бы не подумал, и зря мне показалось, что он забыл что-то или не хочет...

Номер отвечает. Голос низкий, сипловатый, не очень приятный.

— Дело к тебе есть, — это Сергей после краткого приветствия.

— Что за дело?

— Одному моему знакомому порошок нужен.

— Какой порошок?

— Стиральный, ясное дело.

— Что за знакомый?

— Ты его не знаешь, но мужик он надежный, это я на себя беру. Обещал заплатить, сколько надо.

- А что ему надо конкретно?
- Покруче что-нибудь.
- Угу...
- Так ты пошукаешь?
- Поглядим. Скажи этому лоху, чтобы две сотни готовил.

* * *

Было ли у меня тогда предчувствие? Сейчас, спустя полгода, мне кажется, что было. Я позвонил Ане из Ленинграда за два дня до окончания командировки. Звонил, разумеется, вечером. Сообщил, что билет на самолет я уже взял, что купил ей кое-что — сюрприз, конечно. Спросил, как она себя чувствует — третий месяц беременности. Чувствовала она себя хорошо. На работе, как всегда, масса хлопот и сложностей. Я сказал, что надо уходить оттуда, а она возразила — без году неделю работаю, все образуется, надо «притереться».

На следующий день я позвонил домой снова. Но в этот раз трубку никто не взял. Аня могла задержаться на работе — я позвонил туда, не смог пробиться. Что ж, она могла еще поехать к моим родителям, но последнее было маловероятным.

Рейс мой отложили на четыре часа с минутами. Хорошо, что вообще выпустили — весной в наши края лучше добираться поездом, туманы через день да каждый день. Когда я подходил к дому, то увидел, что окна нашей квартиры на втором этаже освещены. Значит, Аня дома.

Я взбежал, нажал кнопку звонка. Мне не отпирали. Я позвонил еще раз и, не дожидаясь, открыл замок своим ключом.

Аня лежала слева от входной двери, головой ко входу на кухню...

Пять колотых ран, две из которых были смертельными, — это судмедэкспертиза заключила.

* * *

У Сергея я появляюсь через день после того, как получаю подтверждение о наличии «товара».

— Все — хоккей, — подмигивает мой маленький мафиозо. — Две бумаги с тебя.

Я становлюсь бедней на двести рублей, но приобретаю пять ампул омнопона.

— Это уж по знакомству, — он смотрит на меня изучающе. — Отчаянный ты, однако. Не пил, не курил всю сознательную жизнь, монахом, можно сказать, был, а тут вдруг...

Сергея я знаю давно — уже лет восемь. И он знает, что случилось у меня в марте этого года. Он, наверное, полагает, что колоться омнопон в моем положении не худший выход, хотя, возможно, и не лучший. Вообще этого маленького воришку можно отнести к философам. Башка у него функционирует исправно, и в самообладании ему не откажешь. Да еще вдобавок ко всему он ничего не «наварил» на мне в этот раз: именно двести рублей за омнопон Крысин и потребовал. Тот самый Крысин В. В., абонент 53-59-82.

* * *

Яма-буси одновременно означает и монах-отшельник и воин гор. Произношение одинаковое, но во втором иероглифе написания разнятся. Воинами гор в средние века называли ниндзя. Еще их называли черными воинами. Их одеяние было темным, и действовали они под покровом темноты.

Когда-то я себя в шутку называл яма-буси. В политехническом я учился на телемеханика, и, надо сказать, был в то время порядочным разгильдяем, потому что много времени учебе не уделял, а занимался самбо, читал индийскую «Махабхарату», китайскую «Книгу перемен» и вообще жизнь вел достаточно рассеянную. Мой тренер по борьбе, да и приятели, утверждали, что мне не хватает

спортивной злости, что с моей техникой пора уже быть трехкратным чемпионом Союза, а не кандидатом в мастера.

«Мастера» я так и не получил. Наверное, тогда действительно чего-то не хватило — то ли злости, то ли настойчивости. И я не нашел лучше выхода, как бросить на последнем курсе самбо и заняться скалолазанием и каратэ. С Аней я познакомился на соревнованиях по скалолазанию, все почти по Высоцкому, разве что был я не в пример герою той песенки половчей. И я привез ее из другого города. Сюда, где ей суждено было погибнуть.

Все было так давно. Или недавно?

Будильник поднимает меня без четверти пять каждое утро. Впрочем, очень часто я просыпаюсь без его напоминания. Месяца полтора после гибели Ани я вообще не мог спать. Полчаса кошмарного забытья за ночь, не больше.

Я натягиваю спортивный костюм, надеваю кеды и прихватываю с собой рюкзачок. А уж в рюкзачке у меня все, что надо. Выбежав из подъезда, шлепаю по асфальту, шаркающий звук отскакивает от бетонных коробок домов. Еще темно, на востоке только светло-серая полоса по небу. Путь мой — на пустырь. Там — стройка. Поставили колонны, положили на них балки и на этом — все. На неопределенное время. То есть скорее всего надолго. Меня это в данный момент устраивает, — наличие такого сооружения для тренинга. Начинаю с того, что извлекаю из рюкзака арбалет. Собственно, внешне он арбалет мало напоминает, потому что пружина у него цилиндрическая и спрятана внутри. Но уж мощная — восемьдесят килограммов усилие для ее взведения. Я взвожу пружину, упираясь в скобу ногой, потом вставляю в ствол стальной якорек с тремя зазубренными на концах лапами. К якорьку привязана капроновая веревка, другой ее конец я прижимаю к земле ногой.

Арбалет негромко щелкает и якорек перелетает через балку на высоте метров в пятнадцать, веревка ложится росчерком на серое полотно неба. Годится, с первого раза положил. Я раскачиваю веревку снизу до тех пор, пока она не захлестывает одну из лап якорька. Теперь необходимо осторожно подтянуть якорек к балке, чтобы он лапами уперся

в нее снизу. Есть. И — наверх. У меня на руках вратарские перчатки с шероховатой, в пупырышках, поверхностью. Руки быстро перебирают натянутую струну веревки, сейчас я форму набрал приличную. Добравшись до балки, перебрасываю через нее ногу, сажусь верхом, поднимаю веревку наверх. Вытащив из рюкзака на спине свой верный арбалет, заряжаю его. Для этого приходится лечь на балку, охватив ее сбоку и снизу левой рукой, а ногой отжимать скобу осторожно, чтобы не потерять равновесия — тут высота этажей на пять, мне еще на некоторое время сохранить себя надо, дел много предстоит важных. Теперь вытянуть веревку и смотать ее кольцами. Сколько до следующей балки? Метров десять, пожалуй. Щелчок, полет якорька. Опять осторожно подтягиваю его, чтобы зацепить за ребра балки. Веревка натянута достаточно сильно, но прыгать мне надо строго вниз, чтобы натяг сохранился. Я спрашиваю себя: «Мне страшно?» И отвечаю сам себе: «Уже абсолютно ничего не имеет значения, но весьма желательно сейчас не сорваться». Ветер свистит в ушах, я живым маятником лечу по дуге вниз-вперед, прохожу положение равновесия, взлетаю, опять возвращаюсь. До земли метра три-четыре, шмякнуться уже не опасно. Но надо подниматься наверх. Руки ноют, болят в суставах, однако я не поддаюсь соблазну схватить веревку ногами.

* * *

...Вещи в квартире были тогда разбросаны. Но украдено немного — мои финские зимние ботинки, Анино кожаное пальто, оно у входа на вешалке висело. Еще несколько золотых вещиц взяли. В шкафу рылись, но не особенно сильно.

И буквально через неделю меня вызвали в «уголовку» — опознать золотые серьги. Чистая случайность — задержали какого-то типа, сбывавшего эти серьги на «пяточке» около универмага за двести рублей, то есть за бесценок, особенно если нынешнюю цену учесть. Мне как-то даже не поверилось, что это могут быть именно Анины серьги, которые мы с ней два года назад выбирали в ювелирном. Но я подтвердил, что у моей жены были точно такие же — в виде ягодок на

черенках. А еще через несколько дней мне показали и перстень в виде ракушки. Тут уж совпадения в обычном смысле слова быть не могло. И оба сбытчика краденого показали: «грузил» им товар некто Ярмолицкий. Тридцать лет, четыре судимости, наркоман.

На Ярмолицком все точно сходилось — «пальцы» его нашли на стене прихожей. Только мне не все понятно было. Точнее сказать — не совсем понятно стало, когда я приобрел способность более или менее четко воспринимать окружающую действительность. Непонятно вот что: если он вломился в квартиру с целью ограбления, то почему не взял наши обручальные кольца в ящике шкафа? Их не долго надо было искать. Мои новые джинсы в шкафу, в котором он рылся, тоже остались. Импортное платье — его ведь под одежду легко спрятать, тем более в сумку или что там у этого грабителя Ярмолицкого с собой было. А совсем новые туфельки?

Я про все это у Петриченко спросил, он следователем работал в РОВД соседнего района. То ли это его собственные соображения были, то ли в самом деле что-то знал, только сказал Петриченко, что наркоман он и есть наркоман — когда «ломка» приближается, на все пойдет ради дозы, о соизмеримости цели и средств речи нету.

* * *

Мне виден Крысин, деловито и неторопливо размещающийся в купе. Кожаный плащ снял, кепочку снял, повесил, волосы пригладил, уселся. Я наблюдал за ним до тех пор, пока поезд не двинулся. Гражданин Крысин задал мне трудную задачу — поставил сигнализацию на входной двери своей квартиры. Моя милиция его бережет — торговца наркотиками, автомобильными запчастями и еще наверняка чем-нибудь, за две с небольшим недели слежки мне при всем желании не составить полного портрета героя.

Гражданин Крысин живет на третьем этаже пятиэтажного дома. Крыша двускатная, крыта шифером, так что о проникновении на балкон сверху говорить не приходится.

Придется подниматься по стене, сложности особой это не представляет.

Я возвращаюсь домой, включаю телевизор. Мне нужно дождаться той поры, когда все наверняка уснут. В половине второго выключаю телевизор, гашу свет, запираю квартиру. Мотоцикл у меня во дворе в сарайчике. Ночью довольно свежо, несмотря на то, что сентябрь стоит теплый. Редкие машины, прохожих и вовсе нет, в поздних троллейбусах по одному-два пассажира.

К дому Крысина я добираюсь минут за десять. Мотоцикл ставится за углом, на руль набрасывается хомутик с защелкой. Что способствует успеху моего нынешнего предприятия, так это почти полное отсутствие освещения у дома. Фонарь не функционирует, высокие тополя прикрывают стену чуть ли не до самого верха от слабого света с бульвара.

Подхожу к стене, привязываю на ноги «кошки», поудобнее пристраиваю рюкзачок за спиной. Подниматься будем потихонечку, спешить-то некуда. Я на ощупь нахожу зазубринами шов в кладке, широко расставив руки, впиваюсь в стену пальцами. Есть первый шажок вверх, второй... Равновесие удерживаю нормально.

Мне остается двадцать-тридцать сантиметров до балкона второго этажа, когда со стороны бульвара слышатся вдруг торопливые шаги. Вот этого мне только не хватало — чтобы поздний прохожий оказался живущим в этом доме. Прижавшись левой щекой к стене, я жду. Хотя здесь и темно, но на светлой стене я наверняка хорошо виден. Нет, шаги по-прежнему слышны с того же расстояния, кто-то идет по бульвару параллельно дому. Я упираюсь еще раз «кошкой», осторожно разгибаю ногу и мертвой хваткой цепляюсь за бетон балконной плиты.

Отдыхаю несколько минут, потом взбираюсь на перила, берусь руками за стальные прутья ограждения на балконе Крысина и секунд через десять уже удовлетворенно созерцаю приоткрытую форточку. Вот это хорошо, что он ее не захлопнул. Такой осторожный, такой предусмотрительный, поставил сигнализацию на дверь, а окошко проигнорировал. Крысин верит своим соседям, это уж точно. Сняв «кошки» и

упрятав их в рюкзачок, я без труда пролезаю в форточку. Вероятность того, что Крысин оставил в своей квартире кого-то на время своего отсутствия, практически равна нулю. Я все-таки немного уже знаю его — скрытного, осторожного, не очень доверяющего (точнее: совсем не доверяющего) ни деловым партнерам, ни партнершам по любовным утехам.

Задержав тяжелые шторы, на ощупь нахожу выключатель. Да, такую квартиру необходимо снабжать сигнализацией. Барахла-то, барахла... И гордый красавец «Шарп». Надо все посмотреть не спеша. Видеокассеты у него надписаны. Названия по-русски, на многих необходимые пояснения: «порнуха», «ужас», «каратэ». Н-да, просто и понятно. Тут мне скорее всего смотреть нечего. Хотя... «Разное» написано на кассете. Включаю телевизор, без труда нахожу канал, на котором Крысин просматривает все эти «ужасы» и «крутую порнуху». И в «разном» ничего оригинального. Записи телепередач. Детектив по Агате Кристи... «Песня-88».

Выключив телевизор, я начинаю обыскивать квартиру. В ночном столике лежат две старые записные книжки. На переписывание их содержания уходит часа два. Мой друг Сережа тоже здесь представлен домашним и служебным телефонами.

В шкафу для одежды я нахожу несколько упаковок с морфином. Господи, да мне же Аня говорила, что у них в отделении эти ампулы на вес золота, только инфарктникам, а этот гад их даже спрятать как следует не удосужился. Откуда они у него?

И вдруг что-то со мной произошло, словно щелкнуло в голове. Я стою у открытого шкафа в квартире Крысина, мгновенно вспомнив все, что Аня рассказывала о сложностях в своей работе на новом месте — в терапевтическом отделении областной клинической больницы. И все события — те, что уже произошли, те, что происходят сейчас, и те, которые я могу как-то прогнозировать, укладываются в четкую систему...

Сбыл Крысин «дурь», кроме Сергея, еще двоим хлюпикам каким-то. Уж они на грабителей и убийц наверняка не похожи. А Ярмолицкий был похож? Он загнулся недели через две после того, как в газете была помещена его фотография и был объявлен розыск. Смерть от переохлаждения. Он был залит водкой и напичкан «дурью» по самые ноздри перед тем, как заснуть мертвецким сном, переходящим в сон мертвеца, на мокрых листьях в лесополосе при температуре, близкой к нулю по Цельсию.

Случай, все случай? «Ты ничего не сможешь изменить, Стас, — говорю я сам себе. — Их много, это мутный поток, который способен накрыть каждого. Ежедневно в этом большом городе кого-то грабят, насилуют, избивают до полусмерти. Кому ты собираешься мстить, распространителям наркотиков? Тогда убей Сергея, убей Крысина, найди еще нескольких, им подобных, и убей. То, что Ярмолицкий вломился именно в твою квартиру, когда в ней не было тебя, но была Аня — трагическое совпадение».

«Нет, — тотчас же возражаю сам себе, — не просто совпадение. Что-то слишком много совпадений. Ведь этот Ярмолицкий наверняка не был законченным идиотом. Вряд ли он стал бы сбывать на грабленное первым попавшимся. Однако потребовалось всего две недели на то, чтобы он полностью „засветился“, и еще две недели на то, чтобы перестать существовать вообще. Пусть это небесная кара, бывает и такое, но почему тогда труп Ярмолицкого так быстро нашли — всего через два или три дня после смерти? Ведь лесополоса находится в местах малонаселенных, на границе с соседней областью...»

* * *

Эту квартиру в одном из домов нового микрорайона накануне посетил Крысин. И ушел не пустым, насколько я смог определить. Я направляюсь туда в десять часов утра. Неподалеку от нужного дома несколько телефонов-автоматов, и я начинаю слушать редкие гудки: один, два, три... Когда проходит десятый, вешаю трубку на рычаг. Что ж, похоже, этот

Виталий Петрович ушел на работу, как и подавляющее большинство обитателей микрорайона.

Лифт возносит меня на шестой этаж. Квартира номер 22 напротив лифта. В трех дверях из четырех на этой площадке врезаны «глазки». Один стоит исключить — в двери двадцать второй квартиры. Там только что звонил-разрывался телефон, а трубку никто не взял. Что теперь — позвонить в три остальные квартиры, спрашивая какого-нибудь мифического Панкратова? Нет, в одной из квартир наверняка кто-то будет дома, в последующих действиях знание этого факта спокойствия мне не прибавит.

Итак, у Виталия Петровича два замка. Нижний открывается плоским ключом, верхний круглым. Виталий Петрович, в отличие от Крысина, охрану своей квартиры милиции не поручил. Сначала попробуем верхний замочек. На какую глубину должен входить ключ? Так, нормально. Где у него прорезь? Я поочередно прокручиваю шесть эксцентрично насаженных на общую ось колец. Здесь прорезь и здесь, а начиная с того места, похоже, лыска. Стоп, лифт загудел! Если меня здесь застигнут, я даже не представляю, как буду себя вести.

Лифт остановился двумя или тремя этажами ниже, двери раскрываются, звук шагов, щелчок, гул. Кто-то вниз поехал. Я продолжаю упражняться в определении конфигурации верхнего ключа. Минут через десять мне удастся найти нужный набор. Верхний замок отпирается плавно и без усилий. Ну, Стас, с посвящением в «домушники» тебя! С плоской отмычкой дело должно пойти быстрее. Как бы не так. На нижний замок у меня уходит в два раза больше времени. Я поминутно оглядываюсь, словно могу определить, наблюдает ли кто за мной в «глазок». Может, надо было эти самые «глазки» залепить? Ладно, если кто и позвонил уже по 02, то ждать осталось недолго.

Замок неожиданно щелкает, и дверь, на которую я слегка давил, распаивается в прихожую. Я врываюсь внутрь, захлопываю за собой дверь, прижимаюсь к ней спиной. А спина-то у меня мокрая. Что, если за мной все-таки выехали?

Сигать с балкона по веревке вниз? Веревку я с собой прихватил, и еще кое-что...

Носовым платком протираю замки — на них я опирался руками. Потом извлекаю из-за пазухи тонкие перчатки из синтетики, туфли сбрасываю...

Обыск стараюсь делать не спеша, запоминая, как лежит та или иная вещь, как повернут ключ в замке того или иного ящика. Очень скоро я натыкаюсь на плоский прямоугольный чехол из зеленой пластмассы, в нем хозяин хранит документы. Паспорт: Болотин Виталий Петрович, 24 марта 1948 года. Женат, разведен. Диплом. Та-та-та... Фармацевт! Еще один диплом, полученный позже, это уж наверняка на заочном добывал образование. Экономический факультет. Справка, справка, выписка из трудовой книжки... Книжка сберегательная: весьма не густо. Да и обстановочка у него в квартире поскромнее, нежели у Крысина. О чем это говорит? Пока ни о чем. Женской одежды в шкафах нет. А квартира двухкомнатная, и дом этот — не кооперативный.

Телефон у Болотина богатый, с электронной памятью, с сенсорным набором. Трудно даже сказать, на сколько это тянет в рублях. Красноречивая деталь. И магнитофончик двухкассетный импортный, и костюмчик-тройка шерстяной бельгийский в шкафу — в глаза не бросается, никакой мишуры, но все дорогое, добротное. Виталий Петрович — бедный человек, поскольку дешевых вещей не покупает. Вон и мебель у него с первого взгляда совсем невидной кажется, старомодной, но ведь она из настоящего дерева, а не из клееной стружки и опилок.

Да, эту квартиру надо оборудовать микрофонами с особой любовью и тщательностью. В телефоне ковыряться не стоит — столь дорогую и тонкую вещь можно и попортить ненароком. А вот в коробочку, в розетку для подсоединения телефонного провода мы некую штучку вставим. А на чердаке поставим усилитель. Прием будет надежным и чистым, иначе грош цена мне как радиоинженеру.

* * *

Петриченко до этого я встречал месяца два назад. Он, как всегда собранный и сосредоточенный, летел куда-то, выдвинув вперед свою каменную челюсть. При его службе подобный имидж как нельзя кстати. А сейчас я Петриченко не узнавал. Он не выглядел человеком, испытывающим постоянную нехватку времени. Совсем наоборот — его движения и даже манера вести разговор приобрели некую замедленность, словно бы мне показывали прежнего Петриченко, отснятого «рапидом». Он вяло подал мне руку, а раньше его рукопожатие было скорее похоже на апперкот.

По этим коротким ударам я Петриченко хорошо знал. Года три назад я бросил заниматься каратэ, мы с Петриченко были в одной весовой категории — до 75 кг. Он пониже меня, но плотней. А руками-корягами своими кирпичи крушил в соревнованиях по разбиванию предметов — только пыль столбом стояла. Ладонь у него и сейчас шершавая, словно кора дерева.

— Здорово, Стас, — элегически произнес Петриченко.

— Привет, Пинкертон, — сказал я. — Жизнь в поиске, то бишь в сыске?

— Нет, — ответил он, как-то странно глядя на меня.

— Что значит — нет?

— Надоело все, — сказал он. — Ты что, для того меня позвал, чтобы на холоде держать? Давай-ка в «Шоколадницу» зайдем.

Он сразу заказал коньяк. — Надоело, я говорю. Надоело зарабатывать «бабки» для начальства. Надоело невиновных делать виноватыми и наоборот. Надоело пребывать постоянно в дерьме, рыться в отбросах. Вот, кстати. Лена с клиентом. Вон, у колонны. Узнала меня. Но, как говорится, ни тени смущения. Я ведь и раньше не мог ее достать. Да-да, даже эту шлюху.

Я осторожно повернул голову в том направлении, куда глядел Петриченко. Мужчина лет на двадцать старше компаньонки. Женщина одета со вкусом и в то же время с той простотой, которая возможна только при значительных

средствах. Не в пример прочим дамам, одетым по-провинциальному кричаще. Да, не отрекомендуй мне только что Петриченко эту самую Лену, я бы решил, что профессор с молоденькой аспиранткой забежали мимоходом выпить по чашечке кофе, обсуждая тему ее диссертации.

— И почему же ты не мог ее «достать»? — я задал вопрос таким тоном, словно ответ меня не интересовал. Такую уж манеру я усвоил в беседах с Петриченко. Хотя, конечно, он сообщал мне иногда сведения «не для широкой публики» — его выражение — или, во всяком случае, давал информацию, достаточную для того, чтобы делать выводы.

— У нее крепкое прикрытие.

— Понятно. Прикрытие — это сутенер. С французского буквально переводится как «покровитель».

— Да, покровитель, — хмыкнул Петриченко. — Он с них, путан, три шкуры дерет, этот покровитель.

— Ты говоришь, словно знаешь его, — осторожно-безразлично сказал я.

— Я его знаю. — Он разлил коньяк по рюмкам, поднял свою, понюхал.

— Разбавляют, мерзавцы. — И выпил одним глотком.

— Да, — продолжал Петриченко, — то, что у них, шлюх этих, начальник есть, — верняк. Эту Лену и подружек ее по промыслу видели несколько раз с одним типом. Крутой мужик, лапу на проституцию в двух или трех районах наложил. Они его боятся, «ночные бабочки».

— Странно получается, — пожал я плечами. — Ведь не один ты об этом знаешь.

— Ну да, не один я. — Петриченко пристально на меня взглянул. — У него, знаешь, кто лучший друг? Начальник горотдела БХСС Польшин. Слыхал о таком?

Я отрицательно покачал головой. На самом же деле о Польшине я слышал. Вернее, я разговор Болотина с Польшиным слышал. Даже два разговора: один раз Болотин звонил тому на службу, а в другой раз...

— Ты уж совсем меня заинтриговал, Сашка, — вздохнул я.

Будь у меня хоть капельку литературного таланта, я бы такой роман забабахал из жизни «ночных бабочек». Простой советский мент вступает в схватку с торговцами женщинами и выигрывает. А что это за «крутой тип»?

— Бывший спортсмен. Мастер спорта по вольной борьбе. Говорят, когда-то на республике вполне успешно боролся. Штогрин.

Наверное, я вздрогнул. Ну, таких совпадений не бывает. Прямо наваждение какое-то! Недавно в беседе — в той, второй Польшин сказал: «Штогрин, значит, надо послать, он мозги живо вправит». Как же все это сразу переварить?.. Машинально я спросил Петриченко:

— Так ты совсем ушел или?..

— Очень стремлюсь, — он разлил остатки коньяка, — во всяком случае на службу уже больше месяца не хожу. Рапорт подал и на работе не появляюсь. А они регулярно меня вызывают, беседуют, призывают остаться. Но я — ни в какую.

* * *

Сегодня дежурит Здоровяк. Есть еще Спортсмен. Так что охрана у «веселых домиков» немногочисленна.

Я наблюдаю за Здоровяком, а он, в свою очередь, наблюдает за светящимся окошком в одном из домиков. То ли нездоровый интерес проявляет, то ли наоборот — заботится о безопасности и комфорте. Вообще-то у них все чинно — подъезжает машина, девочка с клиентом проходит в домик, и никто их там не тревожит. Девочек я уже насчитал пятерых. Лены, которую показал мне Петриченко, среди них не было. Может быть, этим предприятием не Штогрин командует, а я просто подгоняю факты под придуманную мной версию?

Одно ясно: долго возиться с «веселыми домиками» нет времени. Нужен ускоритель реакции. Или, если угодно, детонатор. Но взрыв должен быть не очень громким. Мне свое

присутствие обнаруживать нежелательно, не говоря уже о том, чтобы навести их на какие-то выводы. Но выхода у меня нет. Будь я Петриченко, я бы на допрос кого-то вызвал или осведомителей порасспросил с пристрастием. А у меня статус совсем не тот. Они мне башку «в момент» отвернут, если «вычислят». Хотя «в момент» — это сильно сказано, это еще надо будет посмотреть, скольким я успею отвернуть. Так что дернем слегка за ниточку, внесем сумятицу в их спаянное пошлой жадой обогащения «семейство».

Я неслышно соскальзываю со стены и иду вслед за Здоровяком, который возвращается в свою клетушку при котельной. Котельная допотопная, конечно, углем отапливается, но наверное, в домиках тепло, потому что охранники, они же кочегары, топливо подбрасывают часто.

Здоровяк не успевает дойти до двери, когда я вырастаю перед ним. Лампа под жестяным конусом сверху освещает его лицо, искаженное почти суеверным ужасом — еще бы, перед ним существо в маске на пол-лица и в каком-то темном балахоне. То ли инопланетянин, то ли привидение, из ночного тумана возникшее.

Естественно, что реакция Здоровяка, мягко говоря, неадекватная. Попросту он вообще никак не успевает среагировать. Струя из баллончика заставляет его огромное тело обмякнуть, сложиться и распластаться на бетонных плитах перед котельной. Я выдергиваю широкий пояс у него из брюк, заламываю руки назад, связываю. Из связки ключей выбираю тот, что отпирает дверь его клетушки. Телефон на столе работает, гудок есть. Нет ли где «пушки» или «пера»? Здоровяка-то я хорошо обыскал, при нем ничего не было. Под подушкой нет, под матрасом — тоже. В аптечке? Аналогично. Н-да, неаккуратно как-то получается — такой важный объект ребята охраняют и совсем не вооружены...

Возвращаюсь на улицу, оглядываюсь осторожно вокруг — может, кто-то еще подстраховывает одинокого сторожа? Похоже, что нет, я бы раньше заметил. Но времени у меня совсем нет. Вбежав в комнату, быстро свинчиваю крышку с той стороны трубки, где размещается микрофон, вставляю

туда еще один, только раза в два меньше, завинчиваю трубку. Этот битюг не должен догадаться.

Теперь ремень на запястьях Здравяка разрезать — чтобы ему долго не возиться, когда очухается. Пусть попробует сразу позвонить, должен позвонить. Я разбегаюсь, влезаю на крышу котельной, прохожу по ней, спускаюсь на забор, с забора — в непроглядную темень. Стоп! Эдак можно вообще незнамо куда забежать. Тут-то у меня с собой приемничек маломощный, принимает в радиусе всего сорока метров от источника. А источник в данном случае — трубка телефона. Я вытаскиваю стебель антенны, достаю из-за пазухи наушники. Какой-то треск, шум. Но я же проверял, работал ведь! Так и подмывает вновь перемахнуть через забор, проверить установку микрофона.

Я подавляю в зародыше это дикое, абсурдное желание. Тем более, что в наушниках слышатся уже какие-то отчетливо различаемые звуки: стук, шарканье, лязг. Все правильно — Здравяк ищет ключи. Долго тебе, любезный, придется их искать: вот они, ключики. А где же дубликаты? Ведь тут наверняка не только ключи от котельной, от пристройки, но и от домиков. Если дубликаты существуют, то они сейчас достаточно далеко от этого места. Они у Хозяина. Впрочем, все это домыслы. Подождем-ка развития событий.

Есть! Снял трубку. Набор пошел. Из шести цифр две я нечетко разобрал. Но все-таки что-то есть.

— Николай Петрович, — густой бас, какому же еще голосу быть у Здравяка. — Это Женя говорит...

* * *

Я осторожно открываю дверь своей квартиры, прислушиваюсь. Зачем я это делаю? А затем, что считать себя мудрее других — верный способ быть обманутым. В моем конкретном случае это дорого будет стоить. Охотник запросто может прекратиться в дичь. Главное — все время оставаться в густой тени. Сегодня я из нее немножко высунулся. Ну так ведь и рисковать стоило.

В ванной горячей воды нет. Это часто случается — не подают ее ночью. В три часа ночи мало кому горячая вода может понадобиться. Я мычу, охватываемый ледяными струями, моюсь. Потом завариваю крепчайший чай — настоящий «Файнест Индия Ти», для безработного, может и роскошь. Беру лист бумаги и начинаю рисовать кружочки, квадратики, стрелки. Занимаюсь этим практически каждый вечер, а если быть предельно точным — каждую ночь. Потому что вечерами я очень занят. Днем, правда, тоже.

Значит, содержит эти домики Штогрин. Точнее, он делает на них бизнес. А сами домики, в количестве трех штук, называются базой отдыха завода металлоизделий. И подарочек такой Штогрину сделал все тот же Польшин. А Польшин получил их в пользование от директора завода металлоизделий Войнорубова. Для чего базу отдыха строил Войнорубов, остается только гадать. Но уж, во всяком случае, никак не для того, чтобы в этих уютненьких двухэтажных коттеджиках отдыхали, сменяли друг друга, широкие массы работяг и конторских служащих завода. Что же, у Польшина с Войнорубовым дружеские отношения? Скорее всего, что нет. Польшин прищучил на чем-то товарища директора, и тот ему заплатил отступного. Наверняка он и сам туда заезжает, Войнорубов, в домики. Но это уж его личное дело, данная информация для меня ценности не представляет.

Ценность представляют слова, сказанные Польшиным на квартире у Болотина: «Штогрин, значит, надо послать...» То ли Польшин просто проговорился о Штогрине у бывшего фармацевта, а ныне скромного снабженца, и по совместительству крупного поставщика наркотиков, то ли Болотин и бывший спортсмен отлично знают друг друга...

* * *

Я жду их уже второй вечер. Вчера проторчал в своей засаде с восьми до полуночи. Конец ноября выдался на удивление теплым, о снеге и морозе только мечтать приходится. И тем не менее заоченеть можно запросто, если не делать специальных упражнений.

Дом заведующей продмагом Карпачевой находится сразу за детской площадкой, а детская площадка отделяет район частной застройки от девятиэтажек. Тихое место. Свет в доме Карпачевой горит допоздна, но кто есть в доме, я определить не могу, потому что на всех окнах либо ставни, либо толстые занавески. Сегодня на веранду выходил какой-то мужчина, скорее всего, это муж Карпачевой.

«Уазик» выкатывается из-за поворота неслышно, включены у него фары ближнего света. По тому, как уверенно машина маневрирует по этим переулочкам да закоулочкам, я понимаю: остановится она вот у этого большого, угрюмого на вид дома, похожего больше на какой-нибудь склад или сельский магазин.

Передняя дверь раскрывается, из нее на ходу выпрыгивает мужчина, судя по резвости и упругости движений, молодой и спортивный. Мужчина распахивает заднюю дверь, и через несколько секунд три темные фигуры деловито направляются к калитке. Я на мгновение представляю себя на месте Карпачевой, и от деловитости, слаженности троих визитеров мне становится не по себе. Значит, водитель остался в машине. Он мне виден нечетко, я скорее догадываюсь о его присутствии — фонарей на улице нет, а девятиэтажный дом сюда обращен глухой торцевой стеной.

От калитки слышится треск, лязг, и эти трое уже возле входа в дом. Я выбираюсь из своего укрытия в беседке, проскальзываю вдоль стены девятиэтажки, оббегаю площадку и пустырь по дуге, чтобы выйти к дому Карпачевой с тыла. Перемахнув через высокий сплошной, без щелей, забор, спрыгиваю в густой малинник. Во дворе горит фонарь, висящий на столбе, он освещает чистую площадку, покрытую асфальтом, летнюю пристройку, душ. В огороде тускло блестят пленки парников.

Я отбрасываю капюшон и опускаю на лицо маску, чувствуя легкое покалывание в кончиках пальцев и сухость во рту. Окно на задней стене светится. Подбегаю к окну, заглядываю сбоку. И вижу интенсивный допрос в самом разгаре. Высокий спортивный парень в джинсовой куртке с

белым искусственным мехом внутри нависает над низенькой кругленькой женщиной и очках и что-то говорит. Мне ничего не слышно через двойные рамы, но результат я наблюдаю: женщина сразу как-то съеживается. У женщины очки в простенькой пластмассовой оправе, одета она в застиранный халат, на ногах толстые вязаные носки и разбитые домашние тапочки. И это — объект рэкета?

Парень резко выбрасывает руку вперед, очки на женщине от удара разбиваются, а сама она откидывается на стену, ударяясь о нее головой. Теперь-то мне слышен истошный вопль. Второй из налетчиков почти одновременно бьет наотмашь мужчину в вязаной куртке и спортивных брюках — того самого, которого я видел на веранде. Третий рэкетир мне не виден, но я догадываюсь, что он стоит у стены, сбоку от окна.

Я выхватываю арбалет из-за спины и бью им в стекло. Двое налетчиков поворачиваются в мою сторону, а третий возникает вдруг, закрывая свет из окна. Арбалет слегка вздрагивает в моей руке, и тень отшатывается от окна, превращаясь на свету в человека в черной кожаной куртке. Он еще не ощутил боли по-настоящему, но лицо его уже перекосилось от первой ее полны и от ужаса происшедшего.

Те двое не станут ломиться в окно, они бегут к выходу на веранду. Я перепрыгиваю через небольшой заборчик и в нужный момент оказываюсь у двери, раскрытой во двор. Когда один из рэкетиров появляется на пороге, я пинаю дверь ногой. Слышится звон разбитого стекла, бегущий валится снопом на цементированный порожек. Я резко прыгаю в сторону, опускаюсь на одно колено и одновременно забрасываю правую руку в специальный карман под воротником. Рука крепко захватывает тонкий стальной стержень. Бросок следует в тот момент, когда силуэт бегущего человека почти достигает невидимой линии, при пересечении которой он встретится с летящим металлическим предметом, стрелкой, сильно утолщенной на одном конце. Внутри этого утолщения залита ртуть, поэтому стрелка всегда втыкается в цель нужным концом. Данный конкретный случай исключения не составляет: бегущий вскрикивает и мгновенно

останавливает бег, прижимая руки к животу и оседая на землю.

Ни секунды не оставаться на одном месте, иначе окажешься потенциальной мишенью. Я взлетаю назад и вбок, толкаюсь руками и приземляюсь метрах в трех от того места, где только что был. Все сделано вовремя — тут же мне в уши вступает громкий треск. Спутать его с чем-либо трудно — это пистолетный выстрел. Свиста пули я не слышу, она прошла достаточно далеко от меня.

Однако игре в догонялки не время и не место. Я делаю несколько скачков зигзагами и скрываюсь за стеною дома. Потом наискосок пересекаю огород и перепрыгиваю через забор на соседнюю усадьбу. В том дворе собака сразу заходится истошным лаем, даже хрипеть начинает от усердия. Я снимаю маску, потом взвожу пружину арбалета и прячу его за спину, под капюшон, там у меня для этого приспособлен карман. Перепрыгиваю через забор на улицу и иду вниз, удаляясь от дома Карпачевой.

* * *

Этой ночью Болотину звонят. И звонит ему Польшин.

— Послушай, тут срочное дело, — говорит он.

— Ночь на дворе, — ворчит Болотин. — До утра нельзя подождать, что ли?

— Слушай, ты кончай эти... — тон непререкаемый, повелительный.

— Да что уж так смертельно? — Болотин явно растерян.

— Смертельно. Надо двоих ребят пристроить в травматологию или хирургию.

— Куда?

— Ну, в ту больницу.

— Но ведь у меня нет там своих людей, это же только в терапии...

— ...твою мать! — удивленно хрипит Польшин. — Они загнуться могут, а ты мне тут рассусоливаешь. Как из дерьма вас вытаскивать, так вы согласны, а как долги отдавать...

— Ладно, съезжу сейчас, попробую устроить, — сдается Болотин.

— Пробовать ни хрена! Через два часа самое позднее чтоб все было в ажуре!

* * *

Итак, Карпачева богатая воровка и дура. Не добили ее молодцы Штогрин, добьют когда-нибудь экспроприаторы из другой «команды». И никуда она не побежит жаловаться, потому что товарищ Польшин обложил ее данью на свету и дает «наводку» ребяткам, которые орудуют в полутьме. Сто выстрелов из ста в «яблочко» — у Польшина досье на каждую потенциальную жертву Штогрин.

Интересно, а почему Штогрин этим занимается? Всего три года назад он работал завмагом — данные у меня все из того же источника, от Петриченко (как бы ему не показался подозрительным мой пристальный интерес к этой одиозной фигуре). Работал, значит, завмагом, а потом вдруг резко к избранной стезе охладел. Несмотря на дружбу с Польшиним, который уже не менее пяти лет является городским начальником отдела по борьбе с хищениями. Вроде бы должен себя чувствовать Штогрин за ним как за каменной стеной.

А если в этой задачке кое-какие величины с обратным знаком подставить, то решение тоже достаточно тривиальным будет выглядеть. Компаньоном, соучастником, подельником Польшин Штогрин мог просто вынудить стать. Ведь, как ни крути, Штогрин делает всю грязную работу, а Польшин — работу «белого человека». Прессинг в служебном кабинете можно не учитывать, риск несоизмерим.

Но Штогрин тоже не высовывается особенно. Во время последней операции по выколачиванию материальных средств из старухи Карпачевой глава командос в машине

сидел. И только в самый критический момент покинул транспортное средство, но и здесь не ринулся сломя голову в гущу событий, а пальбу затеял.

Вообще-то они быстро ретировались вчера. Я, обежав целый квартал поселка, успел вернуться на место происшествия слишком поздно: «уазик» мне, что называется, хвост показал. И ни в доме, ни во дворе у Карпачевых никого не осталось. Хозяев, впрочем, я тоже не заметил, потому позвонил сегодня, справлялся относительно заведующей магазином, жива ли, здорова ли?

* * *

На всякий случай я проверяю и вторую дверь, ту, что обращена к зданию института. Просто перестраховка, дверь, конечно же, заперта. У главного входа в мастерские я делаю то, что проделывал по крайней мере раз пятьдесят уже — на ощупь нахожу спрятанный под брезентовым козырьком пульт, щелкаю кнопками: 4-2-4-3-5-7. Сначала бразильская футбольная система конца 50-х, потом три простых числа подряд. Дока Алехин, великий программист. Специалист, флюсу подобный, как и большинство специалистов.

Теперь дверь аккуратненько за собой притворим. Вообще-то от электронной сигнализации толку, почитай, никакого, только звоночек здесь звенит, и то не очень громко, если кто-то, не зная кода, пытается дверь открыть. Надо бы вывести сигнал на пульт дежурного в здании института. Ладно, это уж совсем не мое дело.

Два больших окна мастерской смотрят на глухой бетонный забор.

Горит или не горит свет внутри, с улицы не увидишь. То, что дежурные сюда не заглядывают, установлено мною опытным путем. Не первый месяц тружусь здесь по ночам.

Включаю освещение, ставлю сумку на стул, потом нахожу ключ, спрятанный, как полагают работяги, в достаточно укромном месте — аккурат на том самом стальном ящике, в котором и размещается рубильник.

Здесь много чего можно сделать. Если умеешь, конечно. Токарный, фрезерный, строгальный станки, небольшая печь для закалки, установка индукционного нагрева, ванна гальваники. Мой арбалет, мои крючья, стрелки для метаний и много еще всяких хитрых приспособлений сделано мной здесь.

А вот за той дверью и переходом в другой корпус — моя бывшая лаборатория. Этой дверью обычно не пользуются. Когда-то ключ от нее был только у Марсюка, завлаба. Сейчас он его наверняка потерял. Я помню, как на профсоюзном собрании обсуждался вопрос: открыть ли эту дверь для удобства сотрудников, вынужденных проникать в мастерскую через улицу, обходя главный корпус. Директор одним махом прервал зарождающуюся дискуссию: нечего любому и каждому фланировать по лаборатории приборостроения. Смешно вспоминать. Какой чепухой занимаются люди.

Для меня эта дверь не препятствие. Как и сейф, в котором старший инженер Ольга Зюзина хранит тиристоры, микросхемы, светодиоды — словом, все, что называется элементной базой. Скоро новый год, и благодаря мне Марсюк тысяч на десять этих самых элементов спишет...

* * *

Да, у них тут все продумано до мелочей. Наверное, кто-то сидел с карандашиком над листком бумаги и прорисовывал вот эту подъездную дорогу — как-никак пятьдесят метров асфальта вроде бы в никуда — в эти глухие стальные ворота, откатывающиеся вдоль стены. Знатные ворота, преодолеть их можно разве что с помощью танка. И смотрят ворота на парк, и подъезд к ним сделан с глухой улочки, вдоль которой стоят вроде бы необитаемые одноэтажные домишки. Вот и сейчас в них света нет. И вход автономный в эту сауну тоже предусмотрел этот кто-то. Дежурный у центрального входа может и не знать, что там делается. Но, скорее всего, дежурного предупреждают, когда не нужно интересоваться сауной.

Мороз чувствуется порядочный. В свете далеких фонарей марка видны редкие снежинки. Машина притулилась у стены, почти с ней сливаясь. Я освещаю фонариком номерную табличку. Сходится, та машина, что надо. На всякий случай я дергаю за ручку входной двери. Как же, так они тебе и позабудут ее запереть. Солидная дверь, прочная, сколоченная из толстых деревянных брусков.

Я немножко отступаю от стены, разбегаюсь и с первой попытки хватаюсь за нижнюю ступеньку пожарной лестницы. С чердака, взломав люк, попадаю в какую-то кладовку — ведра, швабры, тряпье. Дверной запор я снимаю своей универсальной «фомкой» с изящной небрежностью. Пожалуй, многим чердачникам и домушникам я сейчас солидную фору мог бы дать. Да, спортзал здесь, ступени ведут вниз ко входу в него. И сауна на том месте, на каком ей положено быть. Хорошо, когда строят в соответствии с чертежами.

Ключа в замке входной двери нет. Предусмотрительная публика, ведь сюда изнутри никак проникнуть невозможно, а они ключ все-таки забрали. На двери, сделанной из такого же прочного, покрытого лаком бруса, что и дверь входная, табличка: «Восстановительный центр». А сама дверь, естественно, заперта. Что ж, приступаем к действию второму. Те же, и неизвестный в маске. Поправляю маску и капюшон, сумку перебрасываю за спину, арбалет перехватываю поудобнее. Два шага назад от двери, разбег, прыжок, удар ногой под ручку, туда, где видна замочная скважина. Раздается треск, дверь открывается, но нога у меня ноет.

Свет, очень яркий после полутьмы коридора, бьет по глазам. Большой самовар на столе, мягкие шикарные кресла, толстый ковер на полу, брошенные махровые полотенца. А людей нет, они там, в парилке, вон их одежда висит в полуоткрытом шкафу. Что же они, грохота не слышали, что ли? Я проскальзываю ко входу в парилку.

Дверь оттуда распаивается, мужчина, шагнувший за порог, получает сокрушительный удар в челюсть и укладывается на мягкий ковер. Знатный нокаут, минут пять очухиваться будет. Я защелкиваю наручники на запястьях

мужчины, оттаскиваю его подальше от двери. И в это время раздается женский визг.

— Тихо! — арбалет перелетает в мою правую руку из левой, глядит на нее заостренным кончиком стрелки. Богатая женщина, что называется. Роскошное тело. Но в данный момент оно абсолютно не привлекает моего внимания.

— Тихо! — повторяю я. — Эта штука бьет абсолютно беззвучно, но сразу наповал. Сюда! — команду я, отступая от входа.

Она выходит вперед, с ужасом глядя на распростертое тело мужчины, замечает наручники.

— Оденьтесь, живо, — указываю я на халат, лежащий на спинке кресла. — Садитесь. И сразу будем говорить о деле. Вы — Любовь Григорьевна Семергей, старшая медсестра терапевтического отделения клинической больницы номер один. Вон тот голый джентльмен — главврач этого отделения Черныш Борис Федорович. У него, между прочим, двое взрослых детей. Но до вашей нравственности мне дела нет.

Выражение панического страха на ее лице исчезло, она уже достаточно владеет собой. Н-да, дело мне приходится иметь отнюдь не с размазнями. Возможно, я проявил рыцарство не по средствам, позволив ей одеться.

— Любовь Григорьевна, — произношу я с нажимом. — Еще раз хочу повторить: эта штука убивает сразу. Так что я не собираюсь подбрасывать материалы о вас в прокуратуру, хотя знаю многое. Я просто щелкну вот этой железкой, и одной медсестрой, ворующей морфий, гидрохлорид кокаина, ноксирон и прочие сильнодействующие препараты, станет меньше. Вы будете отвечать на мои вопросы честно и без утайки. В дальнейшем шума тоже поднимать не будете. И партнеру своему, — я киваю на Черныша, который уже пришел в себя, но не шевелится, пытаюсь сообразить, очевидно, что же это с ним произошло, — и партнеру своему то же самое настоятельно посоветуете. Меня интересует, какое участие во всем вашем деле принимал некий Болотин, — я замечаю, как она вздрагивает. Не такая уж твердая баба. — Еще меня интересует, каким образом у вас

сходилось число ампул — ведь должны сдавать пустые тютелька в тютельку?

* * *

Слышится шорох за дверью, потом щелканье ключа в замке. Я приникаю к «глазку». Он. Похоже, один. Как только Болотин шагает в прихожую и привычно, автоматически тянется к выключателю, я охватываю его сзади левой рукой за плечи, а правой бью по сонным артериям большим и указательным пальцами. В кун-фу этот прием называется достаточно экзотически: «пасть тигра». Я попадаю точно, потому что Болотин моментально обмякает, со стоном бормоча что-то.

Я волоку его в комнату, стаскиваю с него пальто, сажаю в кресло и надежно обвязываю капроновой веревкой — охватываю каждую руку, пропуская веревку под мышки, завожу за спинку кресла, обвязываю ноги, благо ножки кресла достаточно длинные, еще раз протаскиваю через спинку, делаю петлю вокруг шеи, а в завершение вяжу сзади узел, который и с посторонней помощью Болотину трудно было бы развязать.

Теперь подожду. Он будет приходить в себя, надо придержать его, а то еще вторично удавится петлей. Очухивается Болотин не скоро, с минуту еще приходит в себя, да и то после того, как я хлопаю его по щекам и брызгаю водой в лицо. Крупная волна проходит по телу, дрожь настолько сильная, что ножки кресла стучат по полу. Болотин с шумом втягивает и себя воздух, открывает глаза, вначале глядит бессмысленно, потом на лице его читается самый настоящий животный ужас.

— Ага, — говорю я. — С приездом, пассажир. Будем беседовать, Болотин. Мы с тобою вдвоем, и нас, как сказано в романсе, не видел никто. Если ты хочешь еще немножко пожить, то расскажешь мне все, что знаешь. Я задаю вопросы, ты отвечаешь. И только в такой раскладке, если хочешь сохранить здоровье.

Я вынимаю из-за пазухи стальную палочку. Щелчок — и палочка становится вдвое длинней, из нее выскакивает тонкое обоюдоострое лезвие.

— Вот, — медленно подношу лезвие к его подбородку. — Особенно запугивать не хочу, чтобы ты преждевременно не загнулся со страху, но глотку вскрою в полсекунды. Однако сделаю это только в том случае, если ты уж слишком будешь упорствовать в молчании. Мне ни к чему дарить тебе такую почти что героическую смерть. Я дам тебе возможность умирать долго, мучительно и некрасиво. Острие впивается ему в подбородок. Болотин пытается отпрянуть, но только сильнее вдавливаются в спинку кресла.

— Что тебе надо? — хрипит он.

— Идею с воровством и продажей лекарств Семергей подал ты?

— Она сама мне предложила.

— Не лги, — я резким тычком вонзаю лезвие в спинку кресла рядом с плечом Болотина, так что разрезаю рукав свитера. — Семергей сдала тебя с потрохами. У тебя выход на аптечный склад, у тебя знакомые в аптекоуправлении, ты бывший провизор, идею ты вынашивал наверняка давно, а года два назад все это дело и раскрутил. А крутится оно вокруг больничной аптеки, где у тебя давняя подруга, некая Фойгель Ирина Владимировна, распоряжается выдачей. Семергей по должности положено составлять заявки на получение медпрепаратов, и том числе и наркотических средств. Вот наркотиков-то она и получала из аптеки в несколько раз больше, чем необходимо, на целую роту наркоманов хватало. Вместо пустых ампул Семергей сдавала стекляшки из-под чего-нибудь безобидного, только надписи на них стирала. Еще она в терапевтическом отделении вместо промедола колола димедрол и анальгин, а промедол уходил опять же к тебе. Ключи от шкафа А хранятся у Семергей и Черныша, твоего знакомого и по совместительству любовника Семергей. Ты-то все эти тонкости знаешь куда лучше меня. Ну, все сходится?

Болотин молчит. Я встаю и резко бью его ногой. Удар носком тяжелого альпийского ботинка приходится чуть повыше челюсти, в щеку, слышится хруст. Полнокровное лицо Болотина мгновенно бледнеет. Как бы не окочурился, гад!

— Слушай, подонок, я же тебе обещал определенное количество здоровья в обмен на информацию. А получается наоборот — я рассказываю, ты, дерьмо, благосклонно внимаешь. У тебя расчеты с Фойгель за несколько месяцев. Ты Семергей таким образом контролировал. Ты понимаешь, что будет с тобой, если эти расчеты попадут к твоему покровителю Польшину в виде второго экземпляра? Он же поймет, что ты его надувал. Он тебя на части изрежет — руками Штогрина, конечно.

— Что я должен сказать? — сдавленно произносит Болотин.

— В начале этого года у них там, в больнице, «прокол» случился: какая-то врачиха случайно в их «кухню» влезла. Живо вспоминай, что дальше было!

— Семергей сразу мне сказала.

— А ты так же оперативно посоветовался с Польшиным?

Он кивает.

— И что с той женщиной стало?

— Не знаю. Он кого-то послал к ней разобраться.

— Врешь, подонок, — я бью его наотмашь в правую бровь и скулу. Шершавая перчатка рвет кожу, бровь мгновенно вспухает багровым рубцом и начинает кровоточить. — Ты Ярмолицкого, наркаша этого, ему подставил!

— Он сам приказал так сделать. Это он все... — Кровь тонкой струйкой сбегает по скуле, глаз Болотина начинает заплывать.

— Кого он послал вместе с Ярмолицким? Штогрина?

— Нет. Винокурова, кажется.

— Кажется, или в самом деле Винокурова?

— Да, его.

— Кто такой Винокуров?

— Ну, он вместе со Штогриным.

— Чем он занимается, где живет?

— Где живет, точно не знаю. На Мироновке где-то... Каратэ он преподает в спортшколе, что ниже Центрального рынка. В той школе легкоатлетический манеж.

О других он говорит много и охотно. Но ведь я именно это и хотел узнать — кто. Удивительно устроено это двуногое животное. Вот сидит Болотин, такой элегантный и самоуверенный доселе, с такими выбритыми до синевы, глазированными пухлыми щечками, а теперь одна щечка вспухла, пара зубов расшаталась или раскрошилась, глаз закрылся, и поет Болотин соловьем. Попробовал бы я эффект такого пения вызвать тем, что говорил бы ему «вы», задавал корректные вопросы-уловки. Подчиненные товарища Берии все-таки добивались успеха с наивысшим КПД.

— Как вы убрали Ярмолицкого? Кто его вывез?

— Я только за рулем сидел. А так вообще-то его везли Штогрин и Винокуров. Они мне сказали, я повез.

— Вы его бросили в леске и сразу уехали?

— Нет, на следующее утро пошли посмотреть.

— И?..

— Он уже готов был.

— И что сказал Штогрин?

— Что сказал? Не помню... Кажется, вроде того, что все, мол, с концами.

— Семергей и Черныш об этом не знали?

— Ну, как... Они знали, конечно, что эта... женщина умерла. Только ведь ее Ярмолицкий убил. А Ярмолицкий им зачем? Не знаю, может, и догадывались.

Я встаю, выхожу в прихожую, неторопливо вскрываю телефонную розетку, действуя клинком вместо отвертки.

Вынимаю оттуда микрофон. Потом возвращаюсь в комнату, снимаю с верха богатой «стенки» магнитофон. Так же неторопливо выкручиваю шурупы, снимаю крышку, извлекаю из-под нее еще одно устройство. Это уже посложнее устроено, оно информацию «выстреливало» само по мере накопления, поскольку подсоединено было в схему магнитофона.

Выпученные от природы глаза Болотина сейчас готовы выскочить из орбит — даже закрывшийся правый глаз.

— Не ожидал, — констатирую я. — Бывает. О многом мы не догадываемся. До поры, до времени, конечно.

Взгляд мой падает на шарф, валяющийся на полу. Великолепный шарф из синего мохера. Этим шарфом я плотно обвязываю Болотину рот, закрепляя концы на затылке. Он мычит.

— Потерпи, дружище. Одному оставаться страшно, но твои друзья тебя вскоре освободят.

Прихватываю сумку, окидываю взглядом напоследок квартиру Болотина — ничего не забыл? Ну, следов-то я сейчас оставил множество, излишняя осторожность, пожалуй, уже ни к чему.

У двери приникаю к глазку. Площадка освещена, на ней никого нет. Быстро сдергиваю маску, открываю оба замка, выхожу, захлопываю за собой дверь. Быстро пересекаю площадку, бегу вниз по ступенькам лестницы. Никого не встречаю до самого низа. Отворачиваю рукав куртки — половина десятого. Все смотрят «Время». Кто-то всесильный и всеблагий хранит меня.

Иду быстро, переходя временами на бег. Так преодолеваю несколько кварталов. Мне необходимо успокоиться, обдумать все напоследок. И решение у меня появляется. То есть я понимаю это только после того, как обнаруживаю, что доехал до конечной остановки автобуса и остался один в салоне. Теперь в свой бывший институт, до него несколько трамвайных остановок.

Через полчаса я уже искал писчую бумагу, роясь в столе у Зюзиной. Слава Богу, несколько листов нашлось, правда, слегка отличающихся цветом.

Расчехляю машинку, делаю три закладки и на четырех с половиной страницах излагаю все, что знаю о Болотине, Семергей, Черныше, Штогрине. Стараюсь особенно подчеркнуть роль Польшина, хотя никакими особенными доказательствами не располагаю, кроме нескольких магнитофонных записей да потенциальных показаний Болотина и Штогрин. Пишу, что в хирургическом отделении клинической больницы номер один находится некий Копыльцов с проникающим ранением в брюшную полость. Состояние Копыльцова тяжелое, хотя находится он там уже вторую неделю. Стрелка прошла печень, пробила нижнюю часть правого легкого и застряла в позвоночнике. Находится Копыльцов в больнице под своим именем, но в истории болезни или причин ее возникновения наверняка присутствует туфта.

Я совсем не уверен, что заговорят упоминаемые мной завмаг Карпачева или представитель торгово-закупочного кооператива Гринбейн, хотя первую попытались лишить части наворованного, а второго довольно успешно лишили. И хорошо сознаю, что не заговорит заведующий плодоовощной базой Рычков, потому что найден он убитым еще прошлой зимой. Доказательств причастности фирмы «Польшин, Штогрин и компания» к этому делу у меня никаких, но в данном случае это значения не имеет. Рычкова я упоминаю, надеясь, что сей факт в Польшина «выстрелит». Сутнерство Штогрин я упоминаю тоже скорее для количества, опять же на Польшина это должным образом подействует.

Потом я сочиняю, уже в одном экземпляре, поздравление Польшину с наступающим Новым годом. Бросаю взгляд на настенный календарь — через двое суток и полчаса с небольшим это событие произойдет. Вряд ли для Польшина оно будет сопровождаться приятными воспоминаниями, на то и рассчитываю, больше мне полагаться не на что.

Особенно я выделяю откровенность Болотина, его неоценимую помощь в сборе мной столь ценной информации,

советую Польшину навестить своего друга на дому.

* * *

Вести в нашем городе разносятся на удивление быстро. Закон геометрической прогрессии не в состоянии описать процесса распространения вестей в нашем городе — слишком вяло, медленно выглядит все в этой геометрической прогрессии.

На следующий день после самоубийства Польшина об этом знал практически весь город. Об этом в транспорте, на улицах, и магазинах — и логично предположить, что и в постелях, на кухнях, у мусоросборников — говорили люди, ранее совсем мало слышавшие о самоубийце.

Но ведь и события случились шумные. Польшин ломился в квартиру Штогрин, палил через дверь, ранил хозяина квартиры. Потом он приехал к Болотину, взломал дверь и пристрелил беднягу Виталия Петровича. А в завершение спектакля спустился к своей машине, стоявшей перед домом и застрелился, сев перед этим на переднее сиденье и не закрыв дверцу (вот именно, даже такие подробности упоминались в многочисленных устных сообщениях).

И версии излагались — их было несколько, но разнились они в основном деталями, а побудительным мотивом убийства и самоубийства являлись какие-то крупные хищения, осуществляемые Болотиным (он ведь работал снабженцем), и постоянно отчисляемая от них Польшину часть прибыли. Потом Болотина якобы кто-то выдал — упоминалась женщина-бухгалтер, работающая на организацию Болотина, — информация просочилась в служебные кабинеты непосредственного начальства Польшина, последний попытался поделить доходами с болотинского предприятия, но его предложения были отвергнуты как гнусные и позорящие честь работника органов и т. д. Словом, Польшин был поставлен в безвыходное положение своим же начальством. И ничего ему не оставалось сделать, кроме того, что он сделал.

Честное слово, меня иногда не то что подмывало сообщить еще раз в разные инстанции более подробно все, что я знал о Болотине и Польшине, но уж, во всяком случае, прервать ехидным вопросом очередного распространителя версий — из числа своих знакомых, разумеется.

Я специально встретился с Петриченко, изобразив эту встречу как стопроцентно случайную, хотя готовил ее несколько дней. Петриченко все-таки уговорили остаться на службе, поэтому он был со мной более официален, чем в последнюю нашу встречу в «Шоколаднице».

— Послушай, — спросил я его как бы между прочим, — ты не слыхал такой фамилии — Винокуров?

— А зачем он тебе? — вот уж ментовская привычка: чуть что, сразу буквально «руки за голову; признавайся во всем!»

— Ни за чем, — пожал я плечами. — Говорят, стремительно выдвинулся в число самых больших бойцов в городе. Да и бабки приличные косит — несколько групп ведет, в старые добрые времена такого бума каратэ не было.

— Я бы тебе не советовал с ним связываться, — внушительно произнес Петриченко. Глядел он на меня при этом в упор.

— Что значит — связываться? В каком смысле?

— В любом. Зацепили тут его по одному делу. В бегах он сейчас.

То, что он сейчас в бегах, для меня новостью не было, я сам разыскивал его уже несколько дней. Но вот то, что они «зацепили», — и пожалуй, не одного только Винокурова, меня, честно говоря, удивило.

* * *

Искренне мое сочувствие филерам всех времен и народов. Сейчас в спецорганах такой род деятельности называется, кажется, внешним наблюдением. Эта квартира мне уже основательно осточертела за два с лишним месяца.

И в завершение всего я топчусь под лестницей на первом этаже пятый час, начиная с полуночи, когда к жене Винокурова проскользнул тот, амплуа которого во все времена и у всех народов определялось однозначно. Салонно-литературно-щадяще-лицемерное название его — любовник, поглубже и поточнее он определяется как хахаль, но уж совсем точное определение, как нельзя более точно отвечающее его непосредственным, специальным функциям, звучит непечатно.

Вообще-то в данном случае получилась, что называется, накладка. Визит партнера вроде бы и не был оговорен участвующими сторонами заранее, хотя, конечно, условия визиту благоприятствуют — мать объекта наблюдения (с моей стороны) и объекта страсти (со стороны ночного визитера) сегодня дежурит в ночную смену. Возвращается она утром, в половине седьмого или даже чуть раньше.

Мне можно было бы перенести свою акцию и на какой-нибудь другой день — точнее — на другую ночь — но, чувствую, кредит, отпущенный мне временем, иссяк, действие с какого-то момента начинает неоправданно затягиваться. «Каким-то моментом» является вчерашний день, именно тогда в почтовом ящике квартиры номер шесть, появилась открытка со штемпелем краев, достаточно отсюда удаленных. Это уже вторая весточка оттуда, первая была из места, отстоящего от второго километров на тридцать, или, может, того меньше — насколько можно доверять масштабным картам.

И еще одна вещь меня в связи с данными событиями интересует: занимаются ли товарищи из ведомства моего знакомого Петриченко тем же, то есть перлюстрацией корреспонденции, поступающей на имя Винокуровой Елены. Очень даже может быть. Только им для этого, разумеется, не приходится вскрывать отмычкой почтовый ящик, у них прав и возможностей побольше.

Около половины шестого утра со второго этажа слышен негромкий щелчок открываемой двери, приглушенные голоса, потом в полутора метрах от меня проскальзывает мужской силуэт. Выждав несколько минут, я выхожу из своего укрытия.

Преодолеваю один лестничный марш и практически мгновенно открываю оба замка в двери. И, чисто рефлекторно уже, совершаю необходимый ритуал маскарада-камуфляжа в прихожей.

Но, похоже, соломенная вдова не успела еще забыться нецензурно приятным из-за своей кратковременности утренним сном.

— Мам, это ты? — слышится из спальни.

То-то она сейчас просчитывает варианты: не встретила ли мать у дома кого, не столкнулась ли она с этим кем-то в подъезде, и что было бы, приди она на десять минут раньше. Впрочем, приход на десять минут раньше, как и приход в данное время, не укладывается в привычные рамки, поэтому Винокурова кричит озабоченно и подозрительно:

— Мам?!

* * *

Здесь уже совсем тепло, градусов двадцать, а то и больше. И деревья, названия которых в большинстве своем мне неведомы, покрыты сочной, мясистой зеленью, и цветы, яркие, большие, пахнут дурманяще-тревожно — может, потому, что не привык я к такому расточительству природы. Наша серо-белая степь в это время только начинает смотреться в разгорающуюся голубизну небесного купола.

Он бежит по утрам. И не только бежит, но и проделывает множество специальных упражнений, растяжек, прыжков, имитирует удары. Все это мне ведомо, сам когда-то дышал утренним воздухом, радостно и безмятежно ощущая усталость от большой работы, предвкушая впереди жизнь многообещающую, богатую интересными событиями. А что же он может предвкушать? Как не крути, его удел сейчас только предчувствия.

Успею ли я спросить его, что чувствовал он, когда поднимался на этот небольшой взгорочек?

На этот раз я без маски. Ее присутствие по многим причинам бессмысленно.

— Привет, Винокуров! — окликаю я его.

Он делает по инерции еще шаг и застывает на месте, успев перед этим отставить одну ногу назад и выбросив руки вперед — левую на уровне ключиц, правую у солнечного сплетения. Похвально, все отработано уже до автоматизма, он профессионал.

У меня получается не хуже, потому что арбалет, который я держу у пояса, выбрасывает стрелку, и стрелка ударяет Винокурова в бедро чуть влево от паха. Он крикает, то ли от изумления, то ли от боли, и падает на колени.

— О'кей, Винокуров, здоровье тебе больше не понадобится. — Я приближаюсь к нему, прикидывая на всякий случай, нет ли у него в кармане спортивной курточки оружия. Но Винокуров в данном случае проявил беспечность и неосмотрительность — карманы пусты. Он пытается захватить мою руку, когда я обыскиваю его, но правила подобных игр знакомы не только ему. Удар коленом в лицо опрокидывает его навзничь.

— Зря дергаешься, Винокуров, — я упираюсь ногой в скобу арбалета, взводя пружину. — Зря дергаешься. — Стрелка послушно входит в ствол.

Он приподнимается, поджимая под себя скрещенные ноги. Взгляд его осмыслен и напряжен, он не исключает возможности окончания поединка в свою пользу.

— Винокуров, год назад ты вместе с одним наркашом проник в мою квартиру. Меня совсем не интересует, Штогрин ли тебя послал с таким ответственным поручением — убрать свидетельницу, — или ты проявил желание сам это сделать. Мне необходимо знать, как все тогда было. Ну?!

Винокуров сделал попытку сгруппироваться. Прыгнуть, что ли, идиот, собирался? Рана слишком серьезна для подобных упражнений, он оседает с посеревшим лицом, кусая от боли бескровные губы.

— Я жду, Винокуров. Кто это сделал — ты или Ярмолицкий?

— Не я, — впервые в жизни слышу его голос. — Я только...

— Ты только держал, да?! Конечно, как же с ней мог справиться этот дохляк с исколотыми венами.

Стрелка, негромко взвизгнув — она слегка закручивается на выходе из ствола, попадая усиками в скошенные прорези, — вошла Винокурову в ямку между ключицами.

* * *

Я возвращаюсь домой поздно. Настолько поздно, что даже этот автобус уже полупустой. Часть ночи и весь день я трясся в поезде, зажатый в углу купе проводника несвежим бельем и коробками с каким-то барахлом, а теперь вот остался только этот автобус.

Мне уже некуда больше идти. Я не совсем уверен, что и в свою квартиру мне есть смысл возвращаться. У того дома в Гантиади, где жил два с лишним месяца Винокуров, я заметил двоих мужчин, явно не местных и, очень может быть, не желавших снять жилье на время. Это вчера было, часа в четыре вечера. Впрочем, меня им уже не достать.

Напротив сидят женщина, мужчина и маленький мальчик. Они разместились втроем на одном сиденье. Мне показалось вначале — дед с бабой внука везут, но, присмотревшись, я понял: отец и мать с «поздним» ребенком.

Существо тишайшее и спокойное. Мне вдруг показалось, что мой ребенок тоже обязательно был бы таким. Глядя на таких детей, я почему-то думаю об одном и том же: как трудно им будет в жизни и смогут ли они ее одолеть?

Владимир Моргунов

ВЕТЕР ЗАНСКАРА

Это упражнение я усложнил для себя. Вообще-то оно называется «свая», или «стоячая свая». Надо немного согнуть ноги в коленях, руки выставить перед собой на уровне груди ладонями внутрь — как будто охватываешь ствол дерева или, действительно, сваю. Теперь ноги я сгибаю до прямого угла, а в руки беру достаточно тяжелый камень.

«Свая» занимает около часа времени. Да, этого земного, реального времени. Кому рассказать, только пальцем у виска повертит... А потом, после «сваи», приступаю к специфическим передвижениям на полусогнутых ногах — для меня это активная медитация, а с точки зрения непосвященного — самое подходящее занятие для тех, у кого «крыша поехала».

Подобным вещам я отвожу утренние часы. Летом с пяти утра, осенью и весной часов с семи-восьми. Словом, как только светает, так и начинаю самоистязание на своей небольшой полянке. Место достаточно укромное, поскольку, во-первых, специфика моих занятий этого требует, а, во-вторых, я вообще шума и скопления даже небольшою количества подобных себе особей терпеть не могу.

И вот в одно майское утро я изображал «сваю» и вдруг...

— Что это за чмо?!

Слова, произнесенные достаточно громко, вывели меня из транса. Четверо парней вывалились на поляну в половине седьмого утра. На тех, кто совершает утренние пробежки, они не были похожи — не та экипировка, не тот вид. За несколько секунд я смог рассмотреть их достаточно хорошо и сделать кое-какие предположения относительно причины их появления здесь в столь ранний час, да еще в такую погоду — мелкий дождик то и дело принимался накрапывать.

Так вот, относительно экипировки: у троих за плечами были рюкзаки, которые туристы называют станковыми. В них

можно напихать уйму всего. Действительно, у этих парней рюкзаки просто раздувались. Но груз у них не был тяжелым, уж очень легко они их несли, слишком прямо держались. Возглавлял процессию носильщиков детина без рюкзака, одетый и нейлоновую штормовку. Рост за метр восемьдесят, довольно заметное пузо, большие кулаки. Этот детина как раз и поинтересовался, что я за «чмо». Он сам, чувствовалось, явно опешил. Не планировалась в его экспедиции ни встреча со мной, ни с кем-то другим в этот час и на этом месте. Пройти я ему не мешал, так как стоял в четырех-пяти метрах от тропинки, соединяющей два просвета в кустах с противоположных концов полянки. Догадаться, что я процентов на восемьдесят определил характер их экспедиции (браконьеры или нечто в этом роде), он не мог. И все же вожак принял меры превентивного характера. Глаза его — глаза хитрого, но глуповатого животного — скользнули по мне, определяя сколько секунд я продержусь против него и куда побегу.

А бежать мне, по его прикидке, было некуда, потому что двое носильщиков так и остались стоять у входа на полянку, а третий, пройдя вперед, перекрыл вход. То ли это было результатом их выучки в процессе совместных действий, то ли просто случайно так получилось, только здоровяк ситуацией остался доволен. За спиной у меня были густейшие кусты. По его расчетам я был обречен. Его рука скользнула под штормовку, и еще до того, как она оттуда вернулась, я уже знал, что этот тип достанет. Он был все же довольно медлителен, но не это главное — действия, которые он намерен был совершить через четверть секунды, через полсекунды, через две секунды, невидимыми волнами расходились вокруг него. Существует достаточно заштампованный оборот речи «его намерения можно прочесть по глазам». Разумеется, глаза — важный источник передачи информации, но все дело в том, что информация считывается (теми, кто умеет это делать) не только с них. А здоровяк прямо-таки излучал свои последующие действия. Если бы его дурацкую энергию можно было перевести в звуковые сигналы типа сирены или набатного колокола, он бы всю округу всполошил.

Итак, этот малый тащил уже свою руку-корягу назад, и у меня не было никаких сомнений относительно того, что он в своей коряге держит. Я сделал длинный плавный шаг, а потом поворот на носке передней ноги, чтобы стать сбоку от него. В данном случае это было задачей первостепенной. Я ушел из того пространства, в которое он собирался палить из обреза охотничьего ружья. Вертикальное расположение стволов, пять патронов, перезарядка за счет отдачи. Мечта любого бандита.

Моя правая ладонь охватила слоновое запястье его правой руки, в которой он держал обрез. Потом я сделал длинный шаг по диагонали вперед левой ногой и повернулся на ней, унося правую ногу по кругу назад. Естественно, при этом я давил на захваченное запястье, а левой рукой, по пути прихватившей нижний край штормовки, описал большую дугу. Перелетая, чтобы приземлиться туда, куда было нужно мне, и так, как хотел я, он успел нажать на спуск. Видимо, пуля пролетела совсем близко от третьего «загонщика», того, что раньше прошел к выходу с полянки, потому что он резко пригнулся. Падая, этот амбал воткнулся локтем полусогнутой правой руки в землю, и локоть сразу подвергся давлению наехавшей на него туши. Я отпустил его запястье и перехватил обрез, который он уже практически не держал. Затем переместился назад, к кустам.

— Хоп, джентльмены, — крикнул я. — Спокойно. Разъясняю ситуацию. В этой пушке осталось четыре патрона. Вас тоже четверо. Никто не будет обижен.

Я, разумеется, блефовал. Было бы хорошо хоть в двоих попасть, если бы они начали прыгать с места на место. В обращении с огнестрельным оружием опыта у меня чуть больше нуля. Однако они поверили в мое обещание никого не обидеть. Трое замерли, стоя на своих местах, а четвертый, поверженный, сидел, прижимая левой рукой свою правую к боку. На лице его сквозь гримасу боли проступало изумление, переходящее в суеверный страх.

— Поэтому, — продолжал я, — вы сейчас потопаете, куда шли, а я останусь здесь. Ясно?

Я сделал движение стволом, побуждая толстого главара встать и присоединиться к своим товарищам.

— Топайте, парни, топайте. Вам непонятно, что ли?

Время играло на них. С каждой секундой ситуация склонялась к паритету, а это означало неопределенность развязки. Мне совсем не хотелось стрелять.

— Слушай, друг, — заговорил один из троих «носильщиков» тоном самым что ни на есть дружелюбным, подразумевающим в произошедшем только милое недоразумение. — Пукалку-то верни, а? Разряди и верни. Зачем она тебе?

— Нет, джентльмены, — сухо ответил я. — Не вам диктовать условия. Скажите спасибо, что я не проверяю рюкзаки.

Этим «проверяю» я их добил. Они переглянулись и пошли по тропинке — в том направлении, в каком шли раньше.

Я подождал пару минут, а потом побежал в противоположном направлении. Откуда они двигались в такую рань? Метрах в двухстах начинался большой, вытянутый в длину пруд, на другом его конце находилось село Михайловка. Только оттуда они могли идти, потому что следующий населенный пункт за селом был километрах в десяти. Ладно, после будем соображать... А сейчас надо на всякий случай проверить, куда двинулись эти «туристы».

Естественно, я не использовал тропинку, по которой пошли они. Им ведь ничего не стоило спрятаться — то, что я мог быть только из города, и дурак бы догадался. Я промчался вдоль стены кустарника с другой стороны от моей полянки, пересек неширокую полосу лесопосадки и увидел их, идущих к шоссе. Они поминутно останавливались, говорили о чем-то между собой, оглядывались. Передо мной была полоса вспаханной земли, шириной метров в двадцать, отделявшая лес от шоссе. Они находились примерно на середине полосы, переходя ее по дорожке, когда я выглянул...

* * *

В отличие от меня, моя мать изредка общается с соседями по дому. На скамейках перед нашей блочной коробкой обычно торчат три или четыре особи женского пола пенсионного возраста и одна особь пола мужского, у последней особи есть кот по кличке Васька. Имени котовладельца я не знаю, да и знать не хочу. Но как-то мать в очередной раз начала излагать хронику текущих событий. Обычно эта устная информация пролетает сквозь меня, как нейтрино, не задерживаясь и не оставляя следов. Но тут оказалось, что этот тип, хозяин кота Василия, рассказал о том, что его родственника, сторожа зверофермы в Михайловке, связали, собак повесили, а звероферму обокрали. Так все встало на свои места. И обрез, и удивительно легкие рюкзаки, и поведение главаря.

* * *

Кабинет просторный, пол застелен толстым синтетическим ковром, справа во всю стену — книжные шкафы. Светло-зеленые занавески на окнах с противоположной стороны раздвинуты, над столом портрет Горбачева. Директор фирмы «Оникс» Виктор Сергеевич Гладышев — так гласила надпись на двери — удивлен: посетитель прорвался к нему, миновав секретаршу. Но мне это сделать было несложно — достаточно одного взгляда на ее переносицу. Этим я вовсе не хочу сказать, что загипнотизировал девицу. Просто я достаточно хороший физиономист, в чем могу признаться без лишней скромности. На Востоке лицо предпочитают ладони, то есть, по лицу узнают о человеке быстрее, больше и эффективнее, чем по линиям на ладони. О секретарше я в долю секунды узнал достаточно, чтобы нейтрализовать ее и проникнуть в кабинет без доклада.

Босс примерно моего роста, упитанности выше средней, так что тянет килограммов на сто десять. У него аккуратно подстриженные усы, аккуратная прическа, рубаха из

джинсовой ткани чуть не лопается на пышном, раскормленном торсе.

— У вас есть звероферма в селе Михайловка, — говорю я, вовсе не спрашивая, но констатируя факт.

— Есть, — в голосе директора фирмы «Оникс» слышится недоверие. — А вы, собственно, кто такой?

Замедленная реакция позволяет секретарше только сейчас заглянуть в дверь, но Гладышев кивком отсылает ее.

— Я, собственно, случайный прохожий, но знаю, что вашу звероферму ограбили несколько дней назад. Сторожа угрожали обрезом. Собак удавили. Очевидно, похитили несколько десятков шкур.

— Откуда у вас эти сведения? — совсем уж недоверчиво спрашивает босс.

— Сведения у меня оттуда — с места событий. Я столкнулся с грабителями недалеко от фермы. И у одного из них отобрал обрез охотничьего ружья. Но это, я думаю, неинтересно. Интересно другое: грабители сели в ожидавший их на шоссе микроавтобус «Ныса» с номером СБВ 13–46 и уехали в направлении города. Это все происходило между микрорайоном Куршино и селом Михайловка. Номер машины вы можете записать. Это облегчит поиски, если захотите их предпринять.

— Какой, вы говорите, номер? — теперь уже тон господина Гладышева бесстрастно-деловит, хотя процентов пятьдесят вероятности он оставляет на шизофрению или непонятный авантюризм пришельца.

Я повторяю, он записывает на листке плотной мелованной бумаги. Теперь приходит время второй стадии недоверия, базирующейся на тех самых пятидесяти процентах.

— Вы отобрали обрез?

Процентов девяносто вероятности, что он занимался каким-нибудь силовым видом спорта, скорее всего, борьбой. Крупнокостный и упитанный господин директор ставит под сомнение мою способность не только отобрать у кого-либо

обрез, но и вообще противостоять человеку, чей вес хоть немного превышает пять пудов. Вес господина директора значительно больше и ему очень хочется проверить меня на излом, изгиб, кручение, растяжение и, может быть, даже на срез. Да, он мог заниматься только борьбой.

— Я так понимаю, что вы не верите в историю с обрезом? — спрашиваю я господина Гладышева.

— Нет, почему же... — тянет он. Ему все больше хочется побороться с наглым молодым человеком, неизвестно каким образом проникшим в его роскошный кабинет. Единственным сдерживающим фактором является сомнение Гладышева в моей психической полноценности. Но наконец он отмечает и этот последний барьер.

— Вот что, — говорит он, и глаза его блестят. Он вообще порядочный хитрован, как я начинаю понимать. — Вот что: я возьму тот карандаш, как будто это нож, а вы попытайтесь его у меня отнять.

Заводной босс стремительно выхватывает из пластмассового стаканчика цветной карандаш размером с городошную битку и быстро выходит из-за стола на свободное пространство. Я, естественно, на этом пространстве как стоял, так и стою, сесть Гладышев забыл мне предложить.

Я отмечаю, что одет он в новые синие джинсы, но не в какую-то пошлую «Мальвину», а в нечто достаточно благородное из толстого «коттона», обут же в роскошные коричневые мокасины. Эти мокасины легко и неслышно порхают по ковру — Гладышев не чувствует себя обремененным собственным центнером с лишним. Он крепко держит кончик карандаша в своей мощной волосатой ладони, делая им размашистые движения перед собой. Да, все правильно, г-н директор принадлежит к человеческим особям типа атакующего, нахрапистого, таким уж он уродился, такова его карма. Вот Гладышев изобразил карандашом в воздухе широкий полукруг справа налево, едва не чиркнув кончиком по моему подбородку (такой может не только чиркнуть, сомневаться не стоит), а я делаю обеими руками движение вслед за его рукой, скольжу ладонями сначала по локтю, потом по толстому, напоминающему бревно предплечью,

разгоняя руку с зажатым в ней карандашом еще больше, заставляя ее описывать более широкую дугу. Теперь захватить запястье обеими руками покрепче, быстрый оборот на месте на носочках, руку г-на директора по дуге с ускорением вниз, и вот он летит на спину, предварительно отсалютовав локтем в потолок и коснувшись кулаком своей правой лопатки. Разумеется, он роняет карандаш-исполнин еще до того, как касается спиной и плечами пола. Полученная в молодости физическая подготовка и остатки координации позволяют ему прокатиться по ковру, задев по пути стул, отчего тот с грохотом соприкасается со столом. Хорошо, если на звук прибежит секретарша, хуже, если малый из коридора перед приемной, у него под курткой наверняка спрятан «макар». Только пальбы здесь не хватало.

Но, к счастью, двойная дверь кабинета хорошо поглощает шум. Или секретарша не придавала никакого значения звукам, доносящимся из кабинета шефа. Гладышев встает с ковра уже у стены. Вид его скорее выражает крайнее любопытство, чем смущение или, тем паче, негодование. Гладышев оптимист, умеет владеть собой, но он не совсем понял, что же такое с ним случилось. А если выразаться точнее, он совсем ничего не понял.

— Хм, как это у тебя получилось? Еще раз можешь изобразить? Я ведь сам в молодости вольной борьбой занимался, по первому разряду работал.

И здесь он пытается сравнить счет очков — его шваркнули об пол, он моментально переходит на «ты» ничтоже сумняшеся предполагая, что я по-прежнему буду говорить ему «вы».

— Будем считать, что получилось это у меня экспромтом, во второй раз так уже не получится, — сухо отвечаю я. — Если вы записали номер машины, то мою миссию можно считать завершенной.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Погоди минуточку.

Тон его деловит и подразумевает строго вертикальную субординацию. Он лет на пятнадцать старше меня, к тому же

вон какой начальник, так что и в мыслях просто не держит, что должен поступать и говорить иначе.

— Послушай, — говорит он. — У меня к тебе предложение. Мне охранник нужен... Ты видел — там у меня на входе сидит бывший омоновец. Еще один уволился...

* * *

Сон длится долго. Там «на поверхности», то есть, в обычной жизни, где время измеряют посредством сравнений с циклами в механических или электронных устройствах, может пройти одна минута, а здесь... Нельзя сказать, что здесь время течет медленнее. Похоже, здесь его вообще не существует.

Небо не голубое, а золотисто-фиолетовое. Источник света, конечно, Солнце, но я ни разу не видел его здесь. Оно где-то за горизонтом, лучи его отражаются или преломляются таким образом, что равномерно освещают все пространство. И я способен осмысливать все происходящее здесь. Ну, вспомните: вам снился страшный сон, а вы говорили себе — нет, это не на самом деле, я сейчас проснусь. И иногда удавалось проснуться. Но для этого приходилось делать усилие, похожее на то, когда надо поднырнуть под какую-то преграду, уходящую глубоко в воду, чтобы вынырнуть с другой стороны. Вы погружаетесь, погружаетесь, легкие и сердце кажется сейчас разорвутся, в голове позванивает — а затем устремляетесь вверх, зеленоватый свет становится все ярче, и вот перед вами голубое небо и сверкающая гладь воды. А выныривая из омута кошмара, замечаешь будильник на столе, узор на занавеске, солнечный луч на стене...

С чего это у меня началось? С того момента, когда я понял. Понял что? На этот вопрос ответа у меня нет. Очень долго пришлось бы объяснять, да и объяснить в обычных словесных понятиях я бы не смог. К тому же сам не все понимал. Мне было четырнадцать лет, я тяжело заболел. Никому не интересно название моей болезни, поэтому лишь отмечу, что это было заболевание крови. Настолько серьезное, что я должен был умереть. Собственно, все к тому

шло. Я долго был в беспамятстве. Тот случай, когда говорят: «Сознание отключилось». Если бы только сознание, могу возразить я сейчас. Я словно падал в какую-то черную дыру и растворялся в ней. И вдруг я увидел этот фиолетово-золотистый свет, который постоянно вижу теперь. И мою умершую бабушку увидел. Она умерла за три года до того, как я заболел, так что я хорошо ее помнил. Это была бабушка, я ее отчетливо видел. И в то же время это была не она. Словами этого выразить нельзя. Она была гораздо значительнее и серьезнее и неизмеримо более мудрой, чем в этой (или в той?) жизни. В общем, я не могу выразиться: «Бабушка мне сказала». Она — та вечная, мудрая женщина — сказала: «Коля, тебе еще рано». Она не сказала: «Тебе рано сюда» или: «Тебе рано умирать». Опять-таки она и не говорила вовсе — я не помню, чтобы губы ее разжимались, слова, прозвучавшие в моем сознании, как угодно можно определить.

Итак, во мне прозвучало: «Ты не должен». А я в свою очередь задал вопрос: «Баб, а как?» И она мне ответила: «Надо подольше удержать это небо». Мне стало очень грустно. Я понимал, что не могу удержать это небо. Оно стало блекнуть, темнеть, бабушка тоже стала куда-то уходить. Но в моем сознании возникло: «Ты сможешь». И мне стало трудно, как не бывало никогда в жизни раньше, как не бывало трудно здесь впоследствии. Но небо появилось снова. Золотистый свет все прибывал. Потом пришли облегчение, усталость, покой. Не помню, сколько длилось это состояние, но я начал испытывать беспокойство, и беспокойство было предметным, смысл его укладывался в определенную формулу: «Как там мама? Она так долго ждет меня».

Свет усилился и неожиданно преобразился в молочно-белый. Я увидел полутемное помещение, блеск никеля и стекла, зажимы, трубочки... Вспомнилось все, что было до того, как я провалился в забытие. Но отчетливо помнилось и видение: фиолетово-золотистый свет, вечная женщина с внешностью бабушки, с седыми мягкими волосами. Я помнил, что остался жить в этом мире, в этой действительности, однако приобрел некую спокойную уверенность...

Я начал заниматься спортом. То есть, не то чтобы сразу по выздоровлению. Обычно рассказывают: «В детстве я был хилым, все меня обижали, и вот однажды я сказал себе...» Именно однажды. То есть, в понедельник такого-то числа такого-то месяца записал на дверной притолоке: «Начинаю новую жизнь» и принялся за строительство своего тела. После того, как я выкарабкался из болезни, и до этого дня прошло два года. Я и в самом деле был тощим, при росте метр восемьдесят весил всего шестьдесят пять килограммов. Ленка Шаврин из нашего класса всегда говорил: «Тебя, доходягу, только в стройбат и возьмут, как отбракованного. Или в железнодорожные войска — шпалой». Ну, понятно, длинных и тощих наряду с «фитилями», «шнурками», «сосисками» зовут еще шпалами. И это еще не самые обидные прозвища.

* * *

Я стал охранником в фирме «Оникс», хотя скорее мое амплуа можно назвать «человек прикрытия», а если быть предельно точным, то телохранитель.

Уже через два дня после того, как в мою трудовую книжку девица из канцелярии Гладышева вклеила штамп с надписью «Оникс», я принял участие в переговорах. Переговоры происходили в квартире жилого дома, снятой под офис. На двери квартиры не было таблички с номером, как не было и названия фирмы. Собственно говоря, слово «фирма» подходило к группе собравшихся там мужчин в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет не больше, чем термин «сервисное обслуживание» относится к привокзальной проститутке. Ребята в кожаных куртках, с прическами в стиле пятидесятых, оглушительно пахнущие дорогим одеколоном, лишь первые секунды пытались изображать официальность речи (о ее литературной правильности говорить не приходилось), потом они соскользнули на аргю пивных и подворотен, на «феню», «суржик» или как это еще называется. Лет пять-семь назад эти парни в лучшем случае сбывали состряпанные где-нибудь в Польше

«полуфирмовые» шмотки. Теперь они воровали по-крупному, перепродавая листовой металл, сигареты, кофе, лес и бензин.

Предметом данных переговоров являлась облицовочная плитка. Естественно, интересы сторон пересекались, соединялись, сталкивались в главном пункте — в цене. Рисковый Гладышев пошел на эту встречу лишь потому, что чуял капитальную наживу. У него в офисе был факс и телекс, ему звонили директора госпредприятий, выпускавшие продукцию на сотни миллионов рублей, шушера вроде этих хамов в «коже» толкалась у него в приемной, не смея послушаться секретаря Свету двадцати лет от роду и удручающе тупую. Очень даже могло быть, что плитка краденая.

Но меня деловая сторона мало интересовала, хотя я механически все отмечал. В этой квартире, интерьер которой смахивал на притон, мне было скучно. Конечно, пара ребят из персонала фирмы на партнера субтильной нервной конституции произвела бы впечатление устрашающее своими шейными, грудными, дельтовидными мышцами, а также мышцами двухглавыми и трехглавыми, сиречь бицепсами и трицепсами. И физиономии у них были злодейские. Но они являлись типичными «рыжими клоунами» из дешевых боевиков, чья функция заключается в том, чтобы подчеркивать превосходство положительного героя и в ста случаях из ста безнадежно проигрывать в финале. Похоже, они совсем не отдавали себе отчета в том, как смотрятся со стороны. Их вводила в заблуждение реакция дилетантов. А к последним, увы, относился и Гладышев, хотя он и считал себя психологом, свободно ориентирующимся в потемках чужих душ.

Да, мой шеф, как личность с эмоциональностью выше средней, был в плохом смысле слова заморожен внешним видом этих «качков». Мне же было достаточно одного взгляда вскользь, что называется по касательной, чтобы определить удручающую ограниченность, их отвратительную координацию, медлительность, потенциальную трусость и податливость. Потому я и скучал.

Линия поведения, определенная мне для данной ситуации Гладышевым, со стороны, наверное, могла быть обозначена термином «услужливый придурок». То есть, я должен был скрывать, в чем на самом деле заключаются мои обязанности. В лучшем случае я изображал не слишком компетентного консультанта по коммерческой части, с весьма ограниченными полномочиями. Если статист в театре произносит фразы вроде: «Кушать подано», то я по возможности отпускал краткие замечания типа: «Реально», «Приемлемо», «Вряд ли». Гладышев положил мне жалованье выше оклада квалифицированного рабочего на «благополучном» предприятии, так что придурка можно было изображать, не слишком, конечно, увлекаясь.

Относительно плитки договоренность не была достигнута. Во-первых, не сошлись в цене, а во-вторых, Гладышев не соглашался на предварительную оплату, потому что эти лихие ребята запросто могли его «кинуть», как это называлось на их профессиональном сленге. Мы — то есть, Гладышев и я — холодно попрощались, встали и пошли к выходу. Никто вроде бы не мешал нашему перемещению, но двое культуристов как бы случайно встали у нас на пути, словно из-за своей неповоротливости не смогли найти другого места, кроме как между нами и дверью. Я шел первым и спокойно взял одного из мускулистых ребят за локоть, избрав того, который был в тонком шерстяном свитере и кожаной безрукавке. Он был уверен, что если я упрусь в его согнутую в локте руку даже обеими руками, то все равно никакого результата не достигну. В ответ на мое прикосновение чудовищные его мышцы напряглись, приобретая твердость булыжника. Этот процесс запросто мог бы сопровождаться скрипом и скрежетом.

Но я знал, где размещается кнопка, отключающая этого большого биоробота. Пальцы мои скользнули по его руке, обтянутой тонкой шерстью, поднялись чуть выше локтя и надавили. Твердое мясо подалось под пальцами, как размякший в жару пластилин. «Качок» вздрогнул, потом мгновенно обмяк, так что мне пришлось даже чуть поддержать его. Глядя в мгновенно побелевшее лицо и затуманенные дурнотой глаза, я очень вежливо и участливо произнес: «Извини», отстранил его и шагнул к двери. Причем

«отстранил» я его так, чтобы он навалился на своего ошарашенного товарища. Расположение замков на двери я хорошо запомнил, когда мы с Гладышевым входили в квартиру, поэтому справиться с ними большого труда не составило. Партнеры по переговорам нашему уходу, естественно, не собирались препятствовать, демонстрация мощи «амбала» носила характер профилактический, если вообще не ритуальный — чужак привык всех изумлять и поражать. Через несколько минут его изумление перейдет в панику, а к вечеру он вообще будет в состоянии шока, потому что рука его повиснет плетью, и он с ужасом почувствует головокружение и тошноту. Дня через два все придет в норму, но меня этот амбал запомнит надолго.

Я не сторонник подавления чужой воли, мне совсем не нравится сокрушать тела и побеждать характеры. Мне очень немного нужно для существования на этой земле. Но нельзя в то же время сказать, что я во всех случаях ускользаю от стычек и схваток, хотя, конечно, по мере возможности стараюсь их избегать. Последним заметным столкновением можно считать проведенный месяца два назад спарринг каратистом...

У меня есть приятель, который преподает айкидо. Мне самому айкидо нравится, я не прочь покрутить пару раз в неделю эту самую «динамическую сферу» — есть такое понятие в айкидо. Но дело в том, что при самостоятельных занятиях я достигаю гораздо большего, как бы парадоксально это ни звучало. Занятия с партнером мне претят однообразием и механицизмом. Странное дело — самостоятельно я могу отрабатывать движение, повторяя его сотни раз, но проделав то же самое всего раз десять с партнером, начинаю скучать.

Кстати, когда мы отрабатывали приемы с моим приятелем, то нельзя было заметить хотя бы два совершенно одинаково исполненных движения. Собственно, высшая сущность айкидо в том и заключается, но моему приятелю, кроме чисто эстетического удовольствия от экспромтов и вариаций, надо еще тренировать учеников, которые платят ему за занятия. И наставничество за деньги отбирает у него

абсолютное большинство времени. Шоу перед публикой мы устраиваем достаточно редко.

Так вот, на этого моего приятеля попытались «наехать», если использовать современную терминологию, распространенную в известных кругах. В том зале, где преподает он, занимаются еще каратисты и кикбоксеры. Парни, этот маховик завертевшие, давно поняли, что теперь избалованную публику танцами-ката в зал не заманишь, надо подавать товар лицом. И они товар подавали. Спарринги на каждом занятии проводили такие, что никаких видео-боевиков не надо смотреть. Так вот, айкидо начинали заниматься с десяти вечера, а эти наследники Чака Норриса и Брюса Ли к десяти должны были закругляться. Но так уж получалось, что они постоянно «заигрывались».

Казалось бы, лучшего и желать не надо — три часа выделяют им в самое удобное вечернее время, зал просторный, айкидо, с его скрупулезным оттачиванием приемов и проблематичностью в смысле достижения скорого и заметного результата, явно не способно переманить к себе занимающихся, но... Это уж психологи в состоянии поместить людей, подобных Кочетову, шефу каратистов-кикбоксеров, в определенную клетку своей классификации. А по мне у него была карма пожирателя, захватчика, агрессора. Он явно вытеснял моего мягкого в обращении приятеля — хотя вовсе не слабохарактерного! — из зала. Беседы, их на стыке смены групп носили практически всегда один и тот же характер — вызов со стороны Кочетова на поединок и вежливый отказ со стороны моего приятеля. Плюс неприкрытая реклама искусства мордобоя руками и ногами и столь же неприкрытое охаивание «этих шманцев» — характеристика, выданная Кочетовым айкидо.

Дело для моего приятеля осложнялось тем, что Кочетов был настоящим бойцом, не из тех прохиндеев, которые еще несколько лет назад объявляли себя сэнсеями всех сэнсеев. Нет, этот худощавый, среднего роста, внешне не очень приметный мужчина в возрасте под тридцать в любой момент был готов «вправить мозги» всем желающим, невзирая на разницу в росте и весе. Я сам был свидетелем недавнего поединка Кочетова с одним из его лучших учеников,

увешанным разными званиями, выезжавшим даже за рубеж и там успешно выступавшим. Ученик был выше учителя сантиметров на двадцать. К тому же двухметровый детина обладал неплохой «растяжкой», то есть, эластичностью мышц и подвижностью в суставах — ноги его так и реяли над головой Кочетова. Именно реяли, потому что попасть в голову ему ни разу не удавалось. Зато уж Кочетов попадал почти во всех случаях, когда ему того хотелось. Завершил он схватку эффектным прыжковым ударом, развернувшись в воздухе и поразив своего рослого воспитанника пяткой в грудь, отчего тот потерял равновесие и завалил стойки со штангой в углу, куда был раньше еще оттеснен настырным сэнсеем.

И вот я бросил вызов этой совершенной машине. Мне было достаточно понаблюдать за ним пару раз (а я наблюдал его спарринги как минимум трижды), чтобы составить полное представление о Кочетове как о специалисте. Прыгуч, резок, координирован, но реагирует только после действия противника, его выручает быстрая реакция. Работает короткими связками: либо два удара, либо блок плюс удар, либо ложный выпад плюс акцентированный удар. Типичный боксер. Однако Кочетов плохо бил по быстро движущейся мишени, это являлось главным его недостатком.

В тот раз я сказал ему:

— Слушай, что ты привязался к человеку. Неважно в конце концов, что за стиль, школу или даже вид борьбы ты представляешь. Вверху все сходится. Если человек близок к вершине, то не имеет значения, дзюдоист он, специалист по тайскому боксу или каратэ.

Я выделил слова «если близок к вершине» и, произнося их, посмотрел в глаза Кочетову. В ответ он сказал то, что должен был сказать:

— Философствовать все мастера.

— Почему же философствовать, — пожал я плечами, — могу и поработать с тобой пару минут.

— Почему так мало? — сощурился он. — На большее дышалки не хватит?

— Будем считать, что так, — согласился я.

И мы вышли на татами. Покрытие в зале в самом деле можно было приравнять к матам из рисовой соломы — достаточно жесткое, но все же не голый пол.

Разумеется, Кочетов напал первым. Вернее, не напал, а имитировал нападение. Я ушел в сторону — именно в ту, в которую нужно было ему. И он нанес удар, который должен был нанести — в каратэ это называется маваши-гери, то есть круговой удар ногой. Бил он, как обычно, быстро. Быстро для кого угодно: для своих учеников, для бойца его уровня, для обычного человека, который ни разу за свою жизнь серьезно не дрался, но только не для меня. Он нес ногу так долго, что я успел поразмыслить — естественно, в данное понятие я вкладываю свой смысл — над тем, что с этой ногой делать: захватить ее, заблокировать или... Я выбрал вариант «или», то есть, дождался, пока его ступня почти коснется моего левого виска, сделал молниеносный нырок, а левой рукой провел его ногу дальше по кругу. И он оказался спиной ко мне — как раз в тот момент, когда я приблизился вплотную к нему. Затем я схватил своего противника за воротник куртки и сильно потянул назад и вниз. Естественно, он упал, но упал, как падает хорошо тренированный человек — сгруппировавшись, согнув спину колесом, моментально придя после переворота на согнутые ноги и быстро выпрямившись.

Я не стал производить лишних действий, как то: догонять катившегося противника, изображать добивание или в самом деле пинать его ногой, но просто подождал, пока он снова станет лицом ко мне. Я мог бы сыграть в его игру, эффектно стрельнув круговым ударом ноги в его челюсть, у меня бы хорошо получилось. Но я не стал этого делать, а просто изобразил атаку правым прямым ударом руки ему в голову, намеренно подставив живот под ответный удар. Он «купился», как зеленый новичок. И в следующее мгновение рухнул на пол, вскинув к светильникам на потолке грязно-белые ступни.

Когда он поднимался с пола, я сокрушенно покачал головой, словно со мной, а не с ним такой конфуз приключился. Он разъярился (несколько его учеников еще

оставались в зале, и кроме того за боем наблюдали все айкидока) и ринулся на меня, атакуя довольно примитивной связкой: ногой в корпус, потом рукой в голову. Ни один из ударов не достиг цели, потому что я оказался сбоку от Кочетова. А оказавшись там, я нанес хрестоматийный удар крюком в его незащищенное солнечное сплетение. Но исполнение удара было моим, короче говоря, нетривиальным. Он согнулся пополам, потом подогнулись его колени, потом мой противник лег на бок...

В чувство его привели не раньше, чем через минуту. Только в чувство, потому что он не мог ни дышать толком, ни тем более двигаться, просто сидел на пятках, тупо смотрел перед собой и со всхлипами втягивал воздух в легкие. Это был знаменитый — в данном определении нет ни тени иронии — Кочетов, побеждавший соперников в собственной стране и за ее пределами, где он и его ученики нещадно избивали изнеженных достатком, цивилизацией и комфортом европейцев.

В общем, после того случая мой приятель смог вовремя начинать тренировки. Кочетов оказался весьма понятливым. В данном случае я мог стопроцентно рассчитывать на этого накачанного быка, несмотря на его природную тупость. Все поступки подобных типов берут начало в инстинкте самосохранения, а он у них, как правило, переразвит...

* * *

Это место не имеет географической привязки на планете Земля. Если моему телу когда-либо будет суждено переместиться туда, в горы, где днем всегда ярко светит солнце, я не найду его — виденного столько раз, знакомого до валуна у тропинки, до каждого камня в кладке стен. Хотя обнаружу много похожего: врезанные в горы дзонги — массивные монастыри-крепости, храмы, вокруг которых трепещут на высоких жердях десятки узких, длинных флажков со словами молитв, а внутри установлены большие и малые молитвенные барабаны, монахов в бордовых и шафрановых

тогах, чьи головы стрижены, и коричневые лица изборозжены глубокими складками.

Но где-то все же существует то место, куда я попадаю не только в снах, но и в своих утренних и вечерних медитациях. Оно постепенно дополняется деталями, оттенками, восприятие его становится все более четким и ярким. Сравните это с проявлением цветной фотографии и вы получите приемлемую аналогию.

Там цветут ярко-голубые маки, я вижу их не менее отчетливо, чем цветы на столике в своей комнате. Иногда, когда солнце бросает на них косой луч при закате или восходе, они начинают играть ярким пурпуром. Воздух там чист, он настолько прозрачен, что видны горы в фантастическом отдалении, километров за двести.

И какие горы! На фоне одной из них, просто подавляющей своим величием (вообще-то я был на Кавказе один раз, но таких размеров, таких пропорций даже представить себе не мог), я постоянно вижу гору поменьше, с очень крутыми, почти отвесными склонами, а на вершине ее строение. Оно представляет не совсем правильный куб, стены которого выложены из светло-серого камня. Я могу перемещаться над этой горой и этим строением, словно летая на вертолете, но внутрь его никогда еще не попадал. А вообще-то надо сказать, что я значительно расширил территорию своего местопребывания там за истекшие шесть лет. Именно столько времени прошло с тех пор, как я впервые попал туда.

Может показаться, что и это место, и мое присутствие там, детали ландшафта, строения, люди, их язык, который я уже понимаю — все это плод моего воображения, воспаленного медитациями. Но я никогда никому ничего не рассказываю, поэтому у меня нет необходимости что-то объяснять, доказывать или, тем паче, оправдываться..

Он появился сразу — четко, ясно, определенно. Лицо и фигура запомнились мне настолько, что я узнал его со второй встречи. А до этого видел во сне книгу. Уж не знаю, сколько месяцев подряд она мне снилась. Это была книга о боевых искусствах, но материал в ней подавался весьма странно и нетрадиционно. Увидев ее в первый раз (кстати, гигантские

горы стали мне сниться одновременно) — нечетко, расплывчато — я проанализировал сон и успокоил себя тем, что не стоит расстраиваться, никаких откровений в этой книге быть не может, мало ли какие выверты во сне случаются. Я изучил к тому времени столько литературы по тайцзицюань, багуа, цигуну и другим «внутренним» школам, так много обо всем этом думал, что немудрено было и в «психушку» попасть, не то что видеть яркие, странные сны.

Итак, он появился вместе с пятым или шестым явлением книги. А вместе с ним появились три слова: лоо, чжуд и намшэ. То есть, слова прозвучали скорее где-то внутри моего сознания, словно ветер нашептал. Я не придавал им никакого значения, тем более, что первое мне было известно, как населенный пункт на побережье Черного моря, да еще какой населенный пункт... Вожденное обиталище людей шустрых, деловых и бесстыдных, «воротил» и «цеховиков», спекулянтов и путан, воров и рэкетиров.

Каково же было мое потрясение, когда через некоторое время я открыл для себя: по-тибетски «лоо» — холодный вихрь, становящийся все более холодным и все более стремительным по пути из Индии к Гималаям. Теперь я знал, где искать! Перерыв массу литературы — а чем еще заниматься недавнему выпускнику университета, получающему символическую зарплату и просто кожей ощущающему желание начальства поменьше видеть его — я нашел значения второго и третьего слов: «чжуд» по-тибетски означает тантру, название тайного учения, а «намшэ» — душу, дух.

Несомненно, случившееся можно было назвать неким прорывом. Во всяком случае, мои ощущения были схожи с теми, что я испытал во время болезни, когда мне явилась бабушка. Промежуток между этими событиями составлял около десяти лет, но я бы не стал утверждать, что между двумя «окнами» не существовало ни единого просвета. Все это время во мне происходили изменения.

Во-первых, выяснилось, что я не просто хорошо координирован, но координирован потрясающе, как выразился тренер по фехтованию — мой первый наставник в

моим первым спортивным увлечением. А ведь раньше я не мог похвастаться ловкостью. Да и откуда ей взяться, ведь двигательные навыки закладываются у человека в возрасте лет до восьми, а я был тихим, робким, малоподвижным, «книжным», «домашним» с тех пор, как себя помнил. И вот в пятнадцать лет неожиданные проявления — молниеносной реакции, ловкости, быстроты. Слово меня в трехлетнем возрасте отдали в секцию акробатики или спортивных игр.

Во-вторых, у меня «прорезались» способности к точным наукам, особенно к математике. Раньше я одинаково хорошо успевал по всем предметам, что называется звезд с неба не хватал, но и троек тоже, а предпочтение отдавал тем наукам, которые принято называть гуманитарными. Но придя после каникул в восьмой класс, я поразил преподавательницу математики, к концу учебного года занял первое место в областной олимпиаде, а в девятом классе уже участвовал в республиканской. После окончания школы я поступил на мехмат университета, который закончил без «красного» диплома и не остался в аспирантуре только потому, что уже тогда старался избегать суеты.

Смысл своего существования я видел не в достижении видимого успеха. В конце концов, самой рациональной можно было тогда считать карьеру нашего соседа по площадке, шофера, возившего какого-то начальника, а в свободное время (которого у него было предостаточно) занимавшегося частным извозом и обретшего таким образом гараж с новенькими «Жигулями», просторный коттедж за городом, мебельные гарнитуры, видеотехнику и прочее.

Однако меня тоже можно было назвать существом алчущим, только в другом смысле, ибо я возжелал выведать (сколь наивно романтичен я все же был в ту пору) через своего нам-шэ сокровенные тайны боевого искусства тибетских лам. У здешних «учителей», в большинстве своем просто ловких шарлатанов, мне давно нечему было учиться. Хотя, этого человека в монашеской одежде с желтой накидкой, следовало называть не шифу, как зовут мастеров-наставников китайцы, а скорее чой-гэргэном — так по-тибетски называется учитель, помогающий монаху на дому

изучать цан-нид, «истинное свойство», буддийское вероучение и культовую практику.

* * *

С Рындиным я познакомился летом. Он занимался переводами с английского, поставляя фирме «Оникс» детективы, которые Гладышев исправно печатал и очень выгодно продавал.

Рындин был узкоплечим, сутуловатым, с небольшим брюшком, вечно лохматым, небритым, хмурым. Мне казалось, он должен был носить очки — они просто напрашивались в виде неотъемлемой детали, но, как выяснилось, зрение у Рындина было нормальным. От него частенько пахло спиртным, когда я встречал его в офисе Гладышева, а встречал я его не реже раза в неделю. Вообще-то основное время он проводил у Канунникова, изможденного плешивого мужчины неопределенного возраста, служившего в «Ониксе» редактором. Из кабинета Канунникова во время визитов Рындина обычно доносились громкие крики, в иной тональности они не общались.

Вообще отношения Рындина с «Ониксом» поддерживались на грани скандала, а в конце августа он учинил в кабинете Гладышева то, что на казенном языке принято называть дебошем. Глуповатая Света, секретарша Гладышева, выбежала из приемной с испуганным выражением лица и позвала охранника-омоновца Володю, постоянно дежурившего у входа. Я как раз беседовал с Володей, ожидая, когда понадоблюсь Гладышеву.

— Там... шеф зовет. Надо... вывести Рындина — рывками выдавила из себя Света.

Когда мы с Володей вбежали в кабинет шефа, Рындин функционировал вовсю. Он обличал, срывал маски, уничтожал.

— Ты просто шакал, разъявшийся до размеров борова, — громко говорил он, выбрасывая в направлении внешне невозмутимого Гладышева, восседавшего на своем месте,

указующий перст. — Зря возомнил ты себя благородным хищником. Это такое же проявление паранойи, как и то, что ты считаешь себя писателем. Создатель низкопошибных детективов...

Тут жестикулирующий, мечущийся Рындин повернул голову в нашу с Володи сторону и осекся на мгновение. Вслед за этим он опять обратился к Гладышеву:

— Экая ты все же дешевка! Опричников, видите ли кликнул, Ивана Грозного из себя корчишь, параноик. Ты — мелкий торговец в храме...

— Вы нехорошо выглядите, сэр. Вы просто смешно выглядите. Самое главное, что вы никому ничего не докажете.

Это сказал я. Если бы я произнес это по-русски, реакция Рындина была бы, что называется, нулевой. А тут он дернулся, услышав полуродной для него английский, быстро обернулся ко мне, даже протрезвел на несколько секунд.

— Что?! — ошарашенно спросил он.

— Я хочу сказать, что вам лучше покинуть этот кабинет сейчас.

Реакция Гладышева и Володи в общем-то от реакции Рындина не отличалась. Это означало, что до сих пор мне удавалось производить впечатление весьма недалекого парня. Но Гладышев недолго пребывал в состоянии изумления. Он вообще быстро ориентировался в любой ситуации, быстро принимал решения.

— Коля, — обратился он ко мне, — проводи его.

«Проводи», наверное, означало не только за пределы кабинета или здания, во всяком случае, я для себя так решил. Взяв Рындина под худой, цыплячий какой-то локоть, я вывел его из роскошного гладышевского кабинета. Мы вместе прошли через приемную, провожаемые ошарашенно-любопытным взглядом Светы, потом по коридору, спустились по лестнице в холл на первом этаже. Рындин не сопротивлялся, его только иногда пошатывало из стороны в сторону.

— Вам лучше сейчас отправиться домой, — посоветовал я.

— Вы странный, необычный человек, — покачал головой Рындин. — Я всегда подозревал... Послушайте, — неожиданно тряхнул он седеющей нечесанной копной, — поехали ко мне!

Нормальная реакция «поддавшегося» человека, которому другой человек показался чем-то симпатичен — пригласить домой, потому как дома в подобных случаях еще «остается».

Я прикинул ситуацию и согласился. Мы вышли на улицу, где я остановил «частника», Рындин заплетающимся голосом назвал адрес. Оказалось, что он живет совсем недалеко от меня, только ближе к центру города. Когда приехали, он сразу потащил меня на кухню, извлек непочатую бутылку коньяка.

— Может быть, не надо? — вовсе не из соображений дипломатии спросил я.

— Надо... как вас зовут? Ах да, Коля... Надо, Коля! Послушайте, чего это вы работаете на Гладышева? Впрочем, ссори, вопрос бестактен и неуместен. Я же сам на него работал. Но теперь — все. Хватит горбиться, хватит своими мозгами питать его ненасытную утробу. Ох и живоглот! Знаете, я, вечный диссидент, начинаю жалеть, что гэкачеписты проиграли. Теперь такие, как Гладышев, рванут. Капитал, его препохабие, как выразился однажды эта дешевка Маяковский...

Тогда я пробыл у него недолго, не больше часа. Мне Рындин был мало интересен, хотя я чувствовал, что отвязаться от него будет не просто, что он своим существованием как-то вплетен в мое существование — во всяком случае, на время... Месяца не прошло, как я вспомнил его. Да не просто вспомнил. В тот вечер я сидел в своей комнате перед раскрытой дверью на балкон, пытался опять полететь над бескрайней цепью заснеженных вершин, окунуться в золотисто-фиолетовое сияние. И мне почти удалось сделать это, как вдруг возникло видение: подъезд дома Рындина. И чувство сильной тревоги. Потом в моем сознании выстроился весь сегодняшний вечер, с четким

соответствием каждой секунды определенному событию. Все начиналось с места и времени, в котором я находился сейчас — моя комната, балконная дверь, половина девятого. Я видел весь вечер, в деталях, но одновременно с вариациями типа: произойдет — не произойдет. И я выбрал вариант, при котором оказывался возле дома Рындина по улице Прямолинейной. Поэтому немедленно отправился к троллейбусной остановке — я чувствовал, что надо спешить.

Напротив этого дома был забор, отделявший двор от каких-то мастерских. У забора росли несколько кленов, дающих довольно густую тень. Отсюда, из-под фонарей, уже горевших, место под кленами казалось совершенно темным. Сбравшись направиться в тень, я почувствовал там чье-то присутствие. Я уже знал, что Рындина поджидают, но теперь ощутил точно, откуда исходит угроза.

Я сделал вид, что ищу нужный подъезд, поэтому медленно прошел вдоль всего дома, приближаясь к подъездам и присматриваясь к табличкам с номерами квартир. Конечно же, мне нужен был четвертый подъезд, крайний. Потому что трое парней расположились в тени напротив второго подъезда. Да, от них исходило самое настоящее силовое поле угрозы. Постояв несколько минут в крайнем подъезде, я вышел из него и направился дальше, под арку дома, расположенного перпендикулярно дому Рындина.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять эти трое появились в конусе света, отбрасываемого фонарем. С противоположной от меня стороны к ним приближался мужчина. Они ждали его? Ответом на мой вопрос стало падение подошедшего. Один из троих сделал подсечку — профессионально, но в то же время так, что стороннему наблюдателю могло показаться, будто он просто камешек отбросил со своего пути. Я не был сторонним наблюдателем и мне ничего не показалось. Я уже мчался, узнав в упавшем Рындина.

Один из троих, стоявший спиной ко мне, ударил его ногой. В следующее мгновение я ударил его ребром ладони в то место, где шея соединяется с черепом, то есть по воображаемой линии, соединяющей мочки ушей. Удар,

наносимый сюда, не влечет перелом шейных позвонков (последнее случается, если ударить сантиметра на два-три пониже), зато гарантирует потерю сознания как минимум на полминуты и сотрясение мозга средней тяжести. Этот боец исключением из правил не был, он рухнул на асфальт, как тук мокрого белья.

Оставшиеся двое, надо отдать им должное, очень быстро сориентировались в изменившейся обстановке, а то, что их товарищ всерьез и надолго выключен из борьбы, их не смутило. Ребята были молодые, подвижные, скопом — если о двоих можно так сказать не перли, а рассредоточились по обе стороны от меня, делая ложные выпады и замахы.

И мне, и им мешал восставший из праха Рындин, который бестолково прыгал, тыча кулаками в пространство — его обидчики успевали уворачиваться еще до того, как он успевал замахнуться. Рындина-то я и использовал, как прикрытие. Улучив момент, когда он бросился на одного из парней, а тот, схватив нападавшего за ворот куртки, просто шваркнул его об асфальт, я перепрыгнул через катившегося литератора и, сделав в воздухе разножку, залепил подъемом стопы в ухо молодому профессионалу, отчего тот прошелестел по твердой поверхности асфальта, словно сухой лист, гонимый осенним ветром.

Его напарник дрогнул, я это ощущал. На его месте я задал бы стрекача, чтобы выйти из боя с меньшими потерями. Он же предпочел сражаться, хотя и без прежнего напора. Я прыгнул в его направлении и, развернувшись в воздухе вокруг собственной оси, шарахнул его ногой по шее и ключице с такой силой, что у меня даже стопа заныла. Тут уж и третий террорист искушать судьбу не стал. После кувырка назад, который по законам физики он просто обязан был совершить после моего удара, молодой человек улепетнул достаточно быстрым спортивным шагом. Он мог, наверное, развить и большую скорость, но мой удар нарушил его координацию.

Оставленные им соратники опасности больше не представляли, хотя Рындин и пытался догнать одного из них, того, что пал первым от удара по затылку. Я остановил его,

тем более, что двое-трое прохожих уже наблюдали за нами с улицы, а еще несколько жильцов с балконов.

— Оставьте их в покое, — посоветовал я. — Инцидент исчерпан, они никогда вас уже не тронут, честное слово, я за них ручаюсь.

— Вы-то как здесь оказались? — проворчал Рындин.

— Да уж оказался...

— Эк вы лихо с ними разделались. Умеет Гладышев кадры подбирать.

— Не совсем, — возразил я. — Умелый подбор, кроме профессионализма, должен гарантировать еще и личную преданность.

— Не тривиально вы мыслите... — он внимательно взглянул на меня.

— Опять вас удивляет переразвитый для моих занятий мыслительный аппарат. В функции «гориллы» думать не входит — вы об этом сейчас подумали?

— Ничего я не подумал, — ворчливо возразил он. — Идемте лучше ко мне, а то торчим здесь, как... — Он не нашел подходящего сравнения, заменив его каким-то неопределенным жестом. — Идемте, — повторил Рындин, легонько подталкивая меня в спину ладонью.

— Мои сейчас в отпуске, в отъезде, посему я, как всякий соломенный вдовец и к тому же представитель богемы не мог не превратить свою квартиру в нечто среднее между свинарником и берлогой, — мрачно предупредил меня Рындин. Он был очень озабочен чем-то и абсолютно трезв.

— Кофе, немного коньяка и вот это черствое творение кулинарного искусства, которое когда-то называлось пряником — предложил мне Рындин.

— Вы не на шутку разозлили Гладышева, раз он решился на такие действия, — кивнув в ответ на его предложение, сказал я. Он удивленно обернулся от плиты, держа в руке горящую спичку и забыв о ней до тех пор, пока не обжег пальцы.

— Вы связываете эти события с ним? — какая-то надежда на отрицательный ответ слышалась в его вопросе.

— А вы?

— Закономерное, конечно, предположение... — начал он.

— Никакое это не предположение.

— Тогда что? У вас есть какие-то сведения?

— Сведения есть у вас. А я, можно сказать, случайно оказался в нужном месте в нужный момент. Гладышев настроен в отношении вас весьма решительно. Ведь обычно он предпочитает уклоняться от скандала.

— Да, — задумчиво глядя на крышку кофейника, произнес Рындин. — А если скандал и случается, то он делает вид, что ничего не произошло. Последите за кофе, я вам сейчас кое-что принесу.

Вернулся он быстро, держа в руках несколько листов машинописного текста. — Вот, — сказал Рындин. — Этот материал уже в типографии. Сейчас, в данную минуту, может быть, набирается. Газета «Город» вам на глаза попадалась? Тираж порядочный — сто тысяч, сейчас это большая редкость. Ее главный редактор Гусев — мой давний знакомый. Порядочный мерзавец, конечно, но нос по ветру держать умеет. И эту статью взялся печатать из-за ее «жарености». Теперь модно изобличать «бывших», искать «деньги партии». А тут все присутствует.

Он подал листки мне. Если отбросить риторику и достаточную дозу демагогии, статья содержала материал поистине взрывной, даже по теперешним временам, когда мало чему приходилось удивляться. В ней шаг за шагом описывалась история создания фирмы «Оникс», рассказывалось о таких злоупотреблениях, которые, появившись эта статья лет пять назад, наверняка имели бы следствием для ее героев несколько статей УК. Но я понимал и то, что раньше появление подобного материала санкционировалось высокими инстанциями и представляло собой один из последних пунктов плана по низвержению, по подготовке

карьерной и гражданской гибели. А теперь газетные и журнальные публикации прежнего веса не имели.

— Хм, — сказал я, прочтя статью и пожимая плечами. — Фактов много, действующих лиц тоже хватает, да и должности у них вон какие — что прежде, что теперь. Они наверняка потребуют опровержения. Или конкретных доказательств. Для каждого случая.

— Нет, я все же в вас не ошибся, — Рындин пристально посмотрел на меня. — Вы гораздо умнее, чем пытались казаться.

Я пожал плечами. Мне безразлична была оценка Рындиным моих интеллектуальных способностей. В данный момент меня занимали иные вещи. Первая: почему Рындин так доверился мне. Вторая: как глубоко он влез в это дело сам и насколько захочет посвятить в него меня. Ведь показать статью, содержание которой через несколько часов станет достоянием такого количества читателей, особым доверием не может объясняться. Хотя то, что я сделал для него четверть часа назад, могло бы расположить Рындина к большему. И тут, словно угадав мои мысли относительно его расположения ко мне, Рындин заявил:

— Я могу хоть сейчас показать вам копии тех документов, которые упоминаются в статье. Это договоры, которые стараются не демонстрировать широкому кругу лиц из-за их несоответствия законам. Это копии расписок, товарно-транспортных накладных, фальшивых ведомостей и вполне реальных платежных поручений на сумму до пятисот тысяч рублей. «Отмывались» деньги союзного ведомства и местного горкома партии. Господа партийцы вон как устроились — бывший заведом горкома теперь коммерческий директор «Оникса», правая рука Гладышева, бывший первый секретарь райкома, в здании которого фирма Гладышева располагается, возглавил дочернее малое предприятие. Или вот еще факт — бывший дом отдыха, так называемые «обкомовские дачи». Вы помните шум, поднятый по их поводу во время забастовки два года назад?

— Помню, — ответил я. — Эти дачи были отданы под какой-то детский санаторий или нечто в этом роде.

— Были, да не все, — вскинулся Рындин. — У партии деньги были нескитанные, она могла эти дачи в порядке содержать, нынешние хозяева — нет. Короче, средств на содержание строений и всего прочего стало не хватать, вот «Оникс» без лишнего шума и откупил несколько, и еще надо разобраться, для чего он их откупил... Какой мелочью показались мне тогда эти дачи, несмотря на мое предчувствие чего-то большего, стоявшего за обычным воровством, хотя и широкомасштабным.

Статья в газете «Город» появилась на следующий день, как Рындин и предсказывал. Естественным было ожидание возражений, хотя бы просто звонков в редакцию газеты. И я напрямик спросил об этом Рындина, позвонив ему через пару дней после появления статьи.

— Пока ничего, — деловито ответил Рындин, но я объясняю это растерянностью во вражьем стане и необходимостью перегруппировки у них. Я объяснял это совсем другими причинами, но возражения свои не стал Рындину высказывать. Он начал борьбу с Гладышевым, ведомый скорее личной обидой, чем соображениями высокой морали или, тем более, заботой о всеобщей справедливости. Он наверняка не смог продумать всех возможных ходов, учесть все детали, в результате оглушительной выстрел на поверку оказался холостым.

Влезать во все хитросплетения борьбы Рындина с Гладышевым я совсем не хотел, это вообще противоречило моему образу жизни. Но... Предчувствия у меня были. Кое-что из построенной мной схемы начало сбываться. Так, например, Гладышев заявил мне на четвертый или пятый день после вечернего визита к Рындину:

— Тебе надо выйти на охрану киоска. Киосков у него было несколько, охраняли их по контракту омовцы. Я не стал уточнять, разорвал ли он с ними контракт, не спросил, чем объясняется изменение моего статуса. Я все знал. Те трое незадачливых молодых людей, что пытались избить Рындина, конечно, опознали меня, я ведь все время был на виду — то ли в офисе Гладышева, то ли выезжая с ним куда.

— Нет, на охрану киоска я не выйду, — просто ответил я. — И если у вас не будет особых возражений, я хотел бы забрать свою трудовую книжку из вашего... — я намеренно сделал паузу, — учреждения.

— Что ж, — Гладышев не выразил удивления, — нет проблем.

* * *

Обнаружив в почтовом ящике листок бумаги с напечатанным на машинке посланием: «Николай! Приходите сегодня вечером ко мне. Вы мне очень нужны. Рындин. 16.09.91», я сразу почувствовал, как на меня накатывает тревога. Под машинописным текстом была какая-то закорючка, очевидно, подпись Рындина. Но я его почерка не знал.

Почему он не позвонил мне? Я спросил мать, она сказала, что в мое отсутствие вообще никаких телефонных звонков не было, разве что в то время, когда она ненадолго уходила из дома. Рындин мог узнать мой адрес по номеру телефона, который узнал, позвонив в справочную. Итак, я ему срочно понадобился, он звонит — допустим, в то время, когда моя мать отлучилась — телефон не отвечает. Тогда Рындин набирает номер справочной, узнает мой адрес, печатает на машинке записку, направляется ко мне, благо это совсем недалеко, дома у меня по-прежнему никого не застает, но на этаж не поднимается, чтобы воткнуть записку в дверь, как это обычно делается, оставляет ее в почтовом ящике. Выстроенная мной цепочка событий выглядела не совсем логично, мешало последнее звено. Если уж я ему так срочно понадобился, то Рындин наверняка оставил бы записку в двери.

Поэтому любой благоразумный человек на моем месте эту записку порвал бы, или вообще сжег. Но в общепринятом смысле слова я благоразумным не был. Поэтому спрятал записку в нагрудный карман куртки, сказал матери, что выйду прогуляться, и направился на улицу Прямолинейную.

К дому Рындина я подошел около девяти. Наползавший туман делал темный воздух словно осязаемым. Сыро, глухо, мрачно. Окна квартиры Рындина не светились. Все, как надо — то есть, все противоречило букве и духу записки, лежавшей в нагрудном кармане.

Лифт вознес меня на пятый этаж. В кабине вместе со мной ехала низкая толстая женщина. Не знаю, что мешало ей громко и требовательно спросить: «Вы кто такой? Вы к кому?» — от нее просто исходили вибрации некоего властного любопытства. Я вышел, а она поехала на один из верхних этажей. Когда выходил, она чуть не прожгла мне спину взглядом. То-то она меня запомнила, зафиксировала.

Дверь квартиры Рындина оказалась не запертой на замок. А чтобы она не распахнулась, кто-то воткнул между нею и дверной коробкой сложенную вчетверо бумажку. Этот «кто-то» Рындиным не был, я это уже знал, чувствовал. Что ж, надо входить. Я придержал бумажку, чтобы она не вывалилась, и осторожно толкнул дверь. Дверь легко подалась, света нигде в квартире не было. Я нащупал выключатель, включил освещение в прихожей. Отпустил защелку замка, развернул бумажку. Никаких пометок. Вынул из кармана записку. Абсолютно одинаковые, стандартные «четвертушки».

Пройдя в раскрытую дверь гостиной, обнаружил Рындина лежащим на небольшом диванчике и попытался получше рассмотреть его. Спит? Пьян? Нет, он не спал и не был пьян. Его уже не существовало, здесь присутствовало только то, что называется телом Рындина.

В другой комнате, служившей Рындину спальней и кабинетом одновременно, я зажег свет и сразу увидел пишущую машинку. В ней был вставлен лист точно такой плотной желтоватой бумаги, как у записки, оказавшейся в моем почтовом ящике, и как у прокладки в двери квартиры.

Этот листок словно призывал — напечатай что-нибудь, сравни шрифт. Я мог бы и не делать этого, так как заранее был уверен, что записку, посланную мне, печатали на этой «Оптиме», принадлежащей Рындину. Но все же отстучал несколько слов и убедился, что предположения мои верны. То

есть верны не только в той части, что записка напечатана здесь, но и в отношении того, что сделал это не Рындин.

Вынув листок из машинки, я сложил его и спрятал в карман, присоединив к двум предыдущим. Потом достал из кармана носовой платок и не спеша протер части машинки, которых касался руками. Незачем смущать и путать тех, кто будет здесь после меня. До меня все равно никаких отпечатков ни на клавишах, ни на ручке валика не существовало. Выключив свет в спальне, я опять вернулся в гостиную и зажег освещение там — я принял вызов.

Рындин лежал на спине. Не похоже, что смерть застала его во время сна. Во всяком случае он проснулся, умирая. Поза явно напряженная, пальцы рук сжаты, голова рядом с подушкой, подбородок задран кверху, открывает шею, свободную от... Кажется, это называется странгуляционной полосой. Если бы его удавили, полоса бы присутствовала. Ее не было.

Инфаркт, инсульт? Или ткнули чем-то по шее, переломив позвонки? Я провел ладонью в сантиметре от поверхности головы и шеи Рындина, прислушался к своим ощущениям. Потом точно так же пронес ладонь над всем его телом, не прикасаясь. Смерть вошла через голову. Или шею. Я еще не настолько владел искусством определять подобные вещи, чтобы назвать точное место входа. Это будет названо инсультом, а может, сердечной недостаточностью. Картина никаких сомнений и подозрений у судебно-медицинских экспертов не вызовет. Я набрал «ноль-два» на кнопках телефонного аппарата, стоявшего на столике неподалеку от дивана. «Служебный» мужской голос отозвался немедленно. Вспомнив номер дома и квартиры Рындина, я сообщил их дежурному и кратко обрисовал ситуацию. Да, буду оставаться здесь до приезда ваших сотрудников, зовут меня Горюнов Николай Семенович. Кем приходился Рындину? Просто знакомым. Потом я вызвал «скорую», с ними разговор длился дольше, но тоже обещали приехать.

Милиция появилась через двенадцать минут — молодой лейтенант, старшина неопределенного возраста, и мужчина в костюме-тройке, с короткой стрижкой и слегка одутловатым

лицом. Из-за отворота его пиджака выглядывал пистолет в наплечной кобуре. Мужчина в штатском показал свое удостоверение оперуполномоченного уголовного розыска.

Потом он записал, что мне тридцать один год, что я несудим, в данный момент служу охранником в «Ониксе». О своем увольнении оттуда я умолчал. Безработный, находящийся в чужой квартире рядом с трупом малознамого человека — такой набор данных мог оказаться достаточным, чтобы из разряда свидетелей перейти в разряд подозреваемых, а потом, глядишь, и в разряд похуже. Я сообщил им свою «легенду»; Рындин-де позвонил мне и, извинившись за беспокойство, попросил приехать к нему, потому что плохо себя чувствует и боится оставаться один. Версия выглядела вполне убедительно: конечно, я не был близким другом покойного, зато жил ближе всех его знакомых. А в «скорую» он мог просто не успеть позвонить.

* * *

Домой я вернулся в половине двенадцатого ночи. Похоже, что меня скоро оставят в покое. Подозревается смерть от острой сердечной недостаточности или чего-то в том роде. Так я, во всяком случае, понял из отрывистых фраз, которыми обменивались врач «скорой» и милицейский медик. Ну и пусть подозревают, их дело — написать заключение, пополнить статистику, вывести «процент». Я-то знал, что Рындина убили и понимал — как. Ни механических повреждений, ни капельки яда в крови и тканях, ни крохотной красной точки на вене, появляющейся, если убивают введением в нее нескольких кубиков воздуха.

Н-да, намерения у противной стороны серьезные, методы самые радикальные и изощренные. Но кто та «противная сторона»? Кого так задел неудачник и скандалист Рындин? Фирму «Оникс» своей разоблачительной статьей? Так подобные разоблачения сейчас свою остроту потеряли. «Деньги партии»? Не так уж много этих денег в фирме Гладышева «отмылось» — не та сфера, не тот масштаб. «Компетентные органы»? Ерунда, для них любые статьи,

даже самые отчаянные, не более, чем комариный укус. Да и намеки по поводу «органов» были у Рындина довольно туманные. Сам Гладышев? Для него слишком тонко. Но ведь «спецметоды» были! Рындина переправили в лучший мир, резко прервав циркуляцию его жизненной энергии.

* * *

Через несколько дней меня вызвал следователь прокуратуры Ищенко. Мужчина в синем костюме и розовом галстуке задавал мне вопросы типа: для чего я ходил к Рындину, почему я пошел к нему в тот вечер, не был ли я с ним в неприязненных отношениях? Нетрудно было предвидеть, что его раздражала бы неопределенность в ответах, немотивированность моих поступков.

Поэтому я избрал роль активно сочувствующего. То есть, я как бы одновременно сочувствовал и следователю в его стремлении разобраться в этом деле до конца и Рындину — в его справедливой борьбе с Гладышевым. Я, как и покойный, был последним недоволен. Причина недовольства? Так ведь Гладышев — жмот, разве можно в наше время столько платить? Кому он мало платил? Всем, кто у него — точнее, на него — работал. Рындина он особенно обижал: гонорары вообще нищенские выплачивал. Откуда мне было известно, что гонорары были нищенскими? Рындин говорил. Конкретно мне говорил? А он всем говорил, даже в газетной статье об этом упомянул.

Чувствовалось, что я следователю стал неинтересен. А чем я мог его заинтересовать? Он не сомневался, что я знаю причину смерти, точнее, диагноз — инфаркт одновременно с инсультом. Об этом я узнал от жены Рындина, которую разыскали, вызвали из отпуска. Рындину, оказывается, было сорок девять лет. Выглядел он моложе, несмотря на свой малоподвижный образ жизни и пристрастие к выпивке.

Но отсутствие интереса со стороны прокуратуры автоматически означает полное довольство сторон, поскольку интерес этот специфический, имеющий последствием для подозреваемого большие неприятности, а для следователя

прибавление хлопот и трудов. В данном случае следователь остался доволен моими ответами, а я — следователем, «попросившим» меня расписаться в протоколе допроса свидетеля. Затем меня отпустили и я мог забыть обо всем.

Однако забывать мне не хотелось. Тем более, что с некоторых пор я ничего не забывал. Мог, например, вспомнить любое событие до мельчайших деталей. Рындинская рукопись, страница за страницей, строчка за строчкой, тоже исключения не составляла.

Итак, отключившись от всего того, что называется внешними раздражителями, я увидел перед собой те листки машинописного текста, которые мне давал прочесть Рындин у него на квартире. Потом я столь же внимательно «просмотрел» статью в газете. Правильно, не все из рукописи попало в газету. В редакции сняли бездоказательные обвинения или, во всяком случае, слабо аргументированные, например, о связях Гладышева с «органами». Однако зачем понадобилось изымать из статьи упоминание о дачах? Ведь, как утверждал Рындин, по этому факту все было доказано. Выбросили, потому что не влезало в номер? Возможно, очень даже возможно. А еще что «сократили»? Оказывается, исчез абзац о малом предприятии «Рица». Рындин писал, что функции «Рицы» расплывчаты, неопределенны (он называл ее деятельность «шаманством»), что она создана для сокрытия средств от налогов. Ну, в этом я не разбираюсь, в прелестях бухучета и налогообложения. Но криминала тут особого нет, сейчас все так делают. Допустим, появился «сигнал» о том, что в «Рице» фирма «Оникс» скрывает некие суммы от налогообложения. Представителю налоговой инспекции выделяется часть этих сумм, и опять восстанавливается ровное, безмятежное течение жизни. Так почему все-таки материал о «Рице» не попал в газету?

* * *

Сон давно перестал для меня быть тем, чем он является для подавляющего большинства людей. Да, мое тело полностью расслаблено, но сознание остается бдительным,

хотя — вот парадокс! — мозг словно объят крепким сном. Иначе чем можно объяснить бодрость и свежесть при пробуждении? И свои давние успехи в фехтовании, и более поздние в ушу, я наверняка могу считать следствием того, что «прокручивал» приемы в уме, сначала бодрствуя, а потом находясь в состоянии так называемого «бдительного сна» (термин из заметки в одном американском журнале, попавшемся мне на глаза совсем недавно). Я сам придумывал противника: то левшу, то обладающего высоким прыжком, то в совершенстве владеющего техникой подсечек. Мне было очень трудно одолеть такого противника даже на десятый раз, но когда это наконец удавалось сделать, я замечал, что и в «нормальной» жизни чувствую себя более уверенно, что у меня прибавилось навыков в технике боя. Когда я прочел об этом феномене, то убедился, что пополнил армию изобретателей велосипедов, однако я шел своим путем, а это значит, что и в дальнейшем могу рассчитывать на себя, что мне дано до очень многого доходить самому.

А дошел я, с точки зрения обычного человека, до весьма впечатляющих результатов. Мне в спину можно неожиданно метнуть нож или топор — из любой позиции, под любым углом, с любой скоростью — и я, обернувшись, обязательно поймаю летящую смерть за рукоятку или топорище, не говоря уже о том, что смогу уклониться от любого предмета, за исключением пули. Я сгибаю пальцами стальную пластину толщиной в пять миллиметров, а медный пятак для меня все равно, что кусок мягкого пластилина. Я могу обходиться без пищи до сорока дней, выполняя при этом физическую работу любой интенсивности. Меня не побить в рукопашной схватке никакому противнику, потому что за несколько мгновений до начала любых его действий я знаю, какими они будут по направлению, скорости и силе, с точностью до миллиметра, до углового градуса, до доли секунды. Более того, в тот момент, когда противник начинает атаковать, его движения словно замедляются для меня, они как бы «растягиваются» по времени раза в три, поэтому совершенно неважно, будет врагов двое или шестеро.

Но, достигнув того, что на языке банальных понятий называется физическим совершенством, я понял, что сделал

лишь один шаг вверх по склону горы, вершина которой скрыта за облаками. Я точно знаю, что до вершины не доберусь в этой своей жизни, существуя в облике человека. И знаю еще, что должен пройти свой земной путь до конца, ибо только здесь можно сделать очень много необходимых вещей, что называется, представлена уникальная возможность. К тому же сама эта жизнь, существование в облике человека вовсе не наскучило мне. Наоборот, здесь столько интересного и неповторимого!

* * *

Конец сентября и начало октября в наших краях великолепны. Волшебного цвета высокое небо, тихие вечера, запах прелых листьев и горьковатого дыма, печально-ласковый свет нежаркого солнца.

В один из таких погожих дней я решил прогуляться к тому месту, где размещалась загородная база малого предприятия «Рица». Рейсовый автобус довез меня до развилки, потом он продолжил путь, свернув влево под указатель «село Коренное — 5 км», а я пошел прямо. Метров через пятьдесят мне встретился еще один указатель на этот раз вправо: «поселок Дубки».

Может быть, когда-то здесь и росли дубки, но сейчас остался только невысокий кустарник. Справа от дороги, метрах в двухстах от развилки тянулся ряд усадеб. Высокий, сплошной забор, крыши двухэтажных коттеджей едва возвышались над ним. На территории внутри ограды густо растут березки, сосенки, елочки. Дубков по-прежнему не наблюдалось даже внутри. Значит, такая топонимика объясняется исторически — может, когда что и росло. С тыла к усадьбам прилегал длинный пруд. Ближний берег ухожен, посыпан чистым песочком, а на противоположном можно рассмотреть бетонные столбы с натянутой между ними колючей проволокой. Ясно, нечего здесь посторонним шляться.

Я остановился шагах в двадцати от ограды крайней усадьбы, и все краски осеннего дня поблекли для меня,

отключенного от видимой части этого мира, погружавшегося в невидимую его часть, или, что то же самое, в неосознаваемую часть собственной психики. Через несколько минут я ощутил внутри себя ответ — по каким признакам надо искать интересующий меня дом. Вынырнув из транса, я медленно пошел по обочине шоссе вдоль бетонного забора высотой в полтора человеческого роста.

Забор тянулся на полкилометра, то есть, поселок состоял примерно из двух десятков усадеб. Пришлось пройти до самого его конца, чтобы почувствовать: здесь. Подойти к крайней усадьбе можно было с трех сторон. Но, спустившись вдоль глухой ограды вниз, к пруду, я обнаружил, что одна из сторон выпадает: пространство от края участка до воды было затянуто густой проволоочной сеткой. Значит, господа из «Рицы» подход с тыла обезопасили дополнительно. Но они не сделали одной очень нужной, прямо-таки необходимой вещи: не завели собак. Да, я чувствовал, что собак здесь нет. Впрочем, если бы я и ошибался в своих ощущениях, то собаки давно выдали бы себя лаем или рычанием. Даже самые умные и осторожные из этих бестий рычат, учуяв человека.

Немного отойдя от забора и убедившись, что его верх не усеян битым стеклом и не утыкан стальными пиками, я разбежался и в долю секунды оказался на верху ограды — естественно, лежа, распластавшись по неширокому торцу бетонной плиты. И сразу заметил то, ради чего пришел сюда.

На веранде — поверх больших стекол в алюминиевых рамах стальная ажурная решетка — расположились в позе для медитации несколько мужчин. Перед ними стоит женщина в халате с высоким воротником и выделяет какие-то пассы. Я мгновенно соскользнул вниз по ту сторону ограды, предварительно успев отметить, что никто из присутствующих на веранде не обратил на меня внимания.

Внизу у забора оказалась грядка белых хризантем. Сразу вспомнился Басё:

Упала наземь,
Но неизбежно опять зацветет

Больная хризантема.

Нет, классическая поэзия не теряет своего очарования при любых обстоятельствах.

Я отполз, чтобы не быть видимым с веранды. Прокрутил мысленно все, что увидел лежа на ограде. Какова доля балагана в этом и что — серьезно? Халат женщины меня смущает. Не потому, что я считаю его маскарадом, способным воздействовать разве что на толпу, изю всех сил желающую быть обманутой. Наоборот, халат меня насторожил как раз своей неординарной нашивкой. Стилизованный белый лотос. Свидетельство о серьезности занятий или расчет на внешний эффект? Второе менее вероятно, потому что такой рисунок не столь броский, как ярко-красные иероглифы или резвящиеся драконы.

Ладно, надо действовать. Совсем немного времени, буквально долю секунды требуется мне для того, чтобы обрести то необычное состояние, при котором я становлюсь невидимым для других. Именно — не-ви-ди-мым. Для меня этот феномен нов, я, можно сказать, совершенно случайно «наткнулся» на него год назад при довольно курьезных обстоятельствах, хотя в общем-то люди — точнее, пралюди — обладали способностью становиться невидимыми десятки тысяч лет назад. Волосатые люди, снежные люди, йети — словом, особи под этими или схожими названиями чисто рефлекторно проделывают подобные вещи и сейчас, поэтому столь редки встречи с ними, поэтому так мало людей их видело. Да и вообще современные люди мало что видят и чувствуют. Не просто не замечают в спешке и суете — у них уже атрофировались многие ощущения, диапазон пяти чувств сузился до ничтожно малой полосы.

Животные не могут становиться невидимыми, зато они легко обнаруживают «невидимку», ведь он никуда не девается, не растворяется в эфире, просто как бы начисто отбивает у другого человека способность не только видеть, но и слышать его. Я бы сравнил это явление с тем, как сильные запахи подавляют тонкое обоняние. Сам же я в таком состоянии воспринимаю окружающий мир интенсивнее,

острее, ярче. И краски словно горят, и звуки раздражающе громки. Можно ли это назвать коллективным гипнозом? Наверное. Меня с некоторых пор не занимает проблема определения разных явлений однозначными символами.

Итак, собак здесь нет. Стараясь ступать тише (боязнь произвести лишний шум почему-то руководит моим поведением, хотя не стараюсь же я прятаться в тень, чтобы меня поменьше замечали), огибаю веранду, поглядывая на собравшихся внутри помещения. Глаза их полуприкрыты, руки лежат на коленях. Женщина плавно перемещается перед ними. Сначала она обращена ко мне правым боком, потом спиной, потом левым боком. Дверь на веранду приоткрыта, и я прекрасно могу рассмотреть женщину. Внешность у нее кавказского типа. То есть, она может быть армянкой, грузинкой, ассирийкой, черкешенкой, но никак не китайкой, монголкой или индианкой. Тем более меня удивляет язык, на котором она говорит, точнее, слова которого она произносит нараспев. Это Санскрит. Для начала неплохо. Из санскрита я знаю несколько сот слов, потому легко понимаю смысл произнесенного женщиной, да и ритм особенный, распевный, с подчеркнутым выделением губных звуков не оставляет места для домыслов, это мантры, словесные заклинания. Лотос на халате и мантры — это знак приобщения к тантризму или просто декорации, за которыми ничего серьезного не стоит? Ну-ка, голубушка, попробуй увидеть меня, если ты относишь себя к сонму приобщенных. Нет, взгляд женщины, мельком брошенный на приоткрытую дверь, на меня, стоящего в створе, не выразил ничего, кроме обычной сосредоточенности человека, занятого чем-то кропотливым и достаточно рутинным.

Все же дело она делает профессионально, я это вынужден признать. Ее подопечные впали в состояние глубокого транса. Вот она подошла к сидящим со скрещенными ногами молодым людям (все они не старше тридцати лет), извлекла из кармана халата блестящий металлический стержень длиной сантиметров сорок, с одного конца слегка заостренный и ткнула им одного, другого, третьего в плечо, спину, шею. Тычки быстры и яростны, словно удары ножом. Стержень, скорее всего, просто

заострен, но не заточен, иначе на открытых частях тела у испытуемых появилась бы кровь. Интересно, останутся ли синяки?

Одного из парней женщины ткнула особенно сильно, словно намеревалась пронзить насквозь — в грудь, чуть пониже ключицы. Если парень что-то чувствовал, он бы непроизвольно дернулся, у него хоть на долю секунды появилась бы болезненная гримаса, ведь все происходит на уровне рефлексов, так что как ни изображай потерю чувствительности, все равно выдашь себя. Но этот, похоже, и в самом деле, ничего не чувствовал. Но — самое главное — на голой груди не осталось следа от удара. После столь сильного воздействия обычно через две-три секунды возникает заметное покраснение. Я тихо отошел от двери. Вот тебе и малое предприятие с «размытыми», неопределенными функциями!

Обогнув здание, я увидел двоих парней, явно охранников, иначе зачем им торчать здесь, ничего не делая. Один находился в беседке, увитой растением с фиолетовыми цветами, другой сидел на скамейке возле въездных стальных ворот. Когда я проходил мимо усадьбы с внешней стороны, охрана не могла меня видеть. Забор очень высок, а скрытые телекамеры только для голливудских боевиков, на это у «Рицы» наверняка нет средств, хотя она может содержать гипнотизершу, читающую мантры. Охранники не замечали меня и сейчас. Я шел прямо на того из них, что сидел на скамейке, смотрел на него, а он смотрел на меня и в то же время мимо меня или сквозь меня. Я подошел и сел рядом с ним. Мне трудно удерживать долго такое состояние. Не знаю, каков мой рекорд — если это можно назвать рекордом — «невидимости», но думаю, что не больше пяти-шести минут. Меня начинает трясти на второй-третьей минуте и чем дальше, тем сильнее, а потом я в течение нескольких часов ощущаю сильную усталость, будто тяжелый груз на себе держал.

Так что пора уходить, иначе эти парни испытают шок, увидела вдруг рядом с собой незнакомого пришельца. В три прыжка я достиг стены, перемахнул через нее, спрыгнул в

густую высокую траву, и уже не заботясь о том, буду замечен или нет, спокойно пошел к автобусной остановке у развилки.

Все это серьезно, все это достаточно серьезно. В данном случае не женщина в халате с тибетским мотивом меня занимала, вернее, не только она. Парень, которого она ткнула толстой спицей в грудь, был одним из троих, поджидавших вечером Рындина возле его дома. Я не мог ошибиться, этого малого я «отключил» вторым по счету, успел рассмотреть, там светло было.

Понятно, это боевики. Проходят специальную подготовку, в том числе и психологическую. Весьма специальную. С привлечением профессиональной заклинательницы, читающей мантры. Впрочем, на месте этой женщины мог бы находиться и шаман с бубном. Или древняя деревенская старушка, читающая заговор. Если уж зубную боль заговаривали, то такой пустяк, как удар толстой вязальной спицей, вообще внимания не заслуживает. В мантрах практически весь эффект достигается за счет ритма, тембра и чередования звуков. Как, собственно, в камланиях и заговорах. Язык, на котором произносится заклинание, в любом случае не играет главную роль.

Зато боевики остаются боевиками. Но ведь какая-то охрана у этой «Рицы» должна быть? И еще омоновец Володя в охране Гладышева. Еще несколько человек? Об этой спецгруппе никто не знал? Нет, те, кому положено, знали. Стоило Рындину немного пошуметь, как ему нанесли визит. В первый раз его, естественно, убивать не собирались, целью было демонстративное запугивание на глазах у прохожих и соседей. А потом, когда он не одумался, его убрали. Похоже, что существует связь между первым нападением на Рындина, его убийством, этим охраняемым коттеджем и женщиной в халате с тибетской вышивкой.

Я сидел у окошка в автобусе, ехавшем в город, смотрел на убранные поля с желтоватой стерней, на одинокое дерево, видневшееся вдалеке, почти на линии горизонта. И вдруг — словно вспышка иного, нездешнего света, словно кадр из какого-то старого фильма мелькнул в сознании. Что же привиделось мне? Поселок, окраина, домики окружают

небольшую асфальтированную площадку, возле которой стоит столб с жестяной табличкой на нем. Автобусная остановка? Где это? Я был там когда-то? Конечно, нет. Попробуем взглянуть на табличку, что там написано? Буквы не хотят складываться в читаемые слова, так бывает во сне, навыки чтения и письма в подсознание не заложены. Но ведь это совсем не сон. Что ж, тогда пройдем дальше, вон в ту улочку, что выходит к автобусной остановке. Панорама послушно сдвинулась, домики, что были впереди, оказались сбоку. И тут, без всякого внутреннего усилия с моей стороны появился дом с красной черепичной крышей. Он так быстро надвинулся на меня, что не оставалось сомнений — этот дом с чем-то связан. Или с кем-то. Я видел его до мельчайших деталей, до трещинок на пожелтевшей стене, до потеков краски на стальных, зеленого цвета воротах. Ворота новые, прочные, а дом староват. Штукатурка в трещинах. Почтовый ящик синего цвета. Номер! Я отчетливо различаю номер дома — сорок восемь. Но где же этот дом стоит, на какой улице? Видение стало рассеиваться, опять почему-то появился дорожный указатель «село Коренное — 5 км». Этот указатель как-то связан с домом номер сорок восемь неизвестно на какой улице?

* * *

Вечером я позвонил жене Рындина. Вдове Рындина. Уже тринадцать дней, как вдове. Я спросил ее, где живут родители покойного мужа. Вопрос мог показаться ей странным, она могла насторожиться, заподозрить меня в чем угодно. Но вдова не стала спрашивать меня ни о чем. Она просто сказала бесконечно усталым, хрипловатым голосом:

— Это здесь недалеко. Километров пятнадцать-двадцать от города. Село Коренное. Улица Короленко, сорок восемь.

— Спасибо, — только и смог сказать я.

В Коренное я поехал на завтра, во второй половине дня. Автобус миновал развилку с дорожным указателем, потом пересек неширокий лесок, поехал по дороге через поле.

Обочина дороги усеяна соломой, слева далеко на горизонте словно мираж, маячили башни многоэтажек.

Село спряталось в низине среди степи. Остановка автобуса оказалась точно такой, какой я «увидел» ее вчера, возвращаясь из Дубков в город. Странная деталь — на табличке в самом деле практически ничего нельзя было прочесть, разве что пытаться по оставшимся буквам догадываться, что там было написано раньше. Не прошло и пяти минут, как я стоял перед зелеными воротами с синим почтовым ящиком.

На клацанье ручки калитки никто не отозвался. Тогда я вошел во двор и постучал в занавешенное окошко. Что же, я даром ехал? Послышались шаги в сенях, щелкнул ключ, дверь приоткрылась, я увидел маленькую кругленькую старушку в черном платке и в телогрейке, надетой поверх черного платья. Старушка очень похожа на Рындина. Точнее, он был на нее похож.

— Добрый день, — сказал я, потом произнес заранее приготовленную фразу: — Я близкий знакомый Жени, работал вместе с ним когда-то.

Старушка еле слышно произносит: «Входите», я прохожу сени, через комнатку с печью, покрытую белым кафелем и попадаю в «залу» со старой мебелью, старым телевизором, с иконой Божьей матери в углу на стене. Фотопортрет Рындина на комодике наискосок по нижнему углу перевязан черной лентой.

— Вот понимаете, — бормочу я, — как получилось, не был на похоронах.

Похоже, мое отсутствие или присутствие на похоронах не имеет значения для маленькой круглой старушки. Она жалуется, что Женю похоронили на городском кладбище, а не здесь. Совсем недалеко ведь было везти, здесь вся родня похоронена, сейчас из села все уезжают, теперь на их закуске на кладбище места всем хватит, ей самой давно пора уже там было лежать, чтобы не доживать до такого дня.

— Мария Федоровна, — осторожно говорю я, — мы с Женей в газете работали вместе. Это было давно, я только

начинал тогда (я помню о разнице чуть ли не в два десятка лет) — я знаю, что он писал, он показывал мне как-то. Много не успел опубликовать. Ну, времена такие были, сами понимаете. У него должно было остаться что-нибудь здесь...

Самое сокровенное Рындин должен был хранить здесь, потому что супруге не по душе были его занятия «писаниной». Я почти убежден в том, что именно так и было. И мои предположения оправдались. Старушка, не говоря ни слова, идет в соседнюю комнату, потом возвращается с двумя общими тетрадами.

— Может, вот это? — неуверенно произносит она.

— Да, Мария Федоровна, — киваю я, едва взглянув на страницы, исписанные аккуратным, но трудночитаемым почерком. — Мария Федоровна, тетради я вам обязательно верну. Просмотрю и верну. Я вам расписку оставлю, что взял тетради.

— Какую еще расписку... Берите, коли надо.

Я готов под землю провалиться. Вот так, представляясь знакомыми умершего, приходят к его родственникам и скорбно напоминают об имевшем якобы место одалживании некоторой суммы денег — неудобно, мол, что так получилось: он умер, а деньги вернуть не успел. И им отдают, как мне эта старушка дает тетради. Но ведь я это делаю ради... Ради кого? Рындину теперь все равно, даже если я отомщу за него, а что касается меня, так я давно понял, что отмщение смысла не имеет. Зачем же я все это делаю? Но что-то внутри заставляет меня отринуть доводы скучной житейской премудрости. Я торопливо прощаюсь со старушкой, имя и отчество которой узнал всего несколько минут назад, тайком взглянув на конверт с адресом, лежавший на этажерке.

* * *

Сев в автобус, я сразу начал поспешно листать тетради Рындина. В них записаны его раздумья. Не так уж и мало. Подавляющее большинство людей такого не оставляют. Некогда. Надо зарабатывать на кусок хлеба или на ломоть

ветчины. Или на серебряное ведро с икрой плюс загородный особняк плюс круиз по Средиземноморью. У них тоже существуют мысли, но это скорее руководство по эксплуатации собственного мозга и тела, а также заповеди типа: «Сидеть лучше, чем стоять, а лежать лучше, чем сидеть».

А Рындин вот оставил эссе. То есть, свой опыт. Опыт взаимоотношений с этим миром. Взаимоотношения его были непростыми. Особенно с людьми. Он со всеми ссорился. Вот, пожалуйста: «... оказывается, я обозвал Куренкова графоманом. Позвонил с развеселой вечеринки, велел срочно приезжать. А он отказался. Мне это очень не понравилось. Я сказал, что он скользкий тип и графоман. Мне это сам Куренков потом рассказывал. Было чертовски неловко. Возможно, я ему еще что-то говорил в подобном ключе. А какие у меня были для этого основания? Он не гений, я не гений. Печатались вместе в коллективном сборнике да еще „пробили“ по одной тонкой книжечке мизерными тиражами. Счет равный. Если бы не одно маленькое „но“ — Куренков на пять лет моложе меня. Так кто же больший графоман?»

Куренков. Куренков... Фамилия мне показалась знакомой.

«... с внешностью дитяти-злодея. Я наблюдал однажды за тем, как Куренков переходил улицу. Тонкие ножки даже по ровному месту словно бы через что-то переступают — щупают, пробуют. Очки поблескивают, глазки из-за них пытливо все и вся изучают».

Однако! Отмечен все же был Рындин печатью таланта, не такой уж он графоман, каким себя считал. Я этого Куренкова считанные разы видел, а фамилию, кажется, только однажды слышал, но сразу узнал, вспомнил. Действительно, пытливо зрит на мир Куренков. Вот ведь Рындин — «через что-то переступают» — и сразу видится тип. Что называется, одним росчерком. Рындин пишет, что Куренков моложе его всего на пять лет, а мне он показался вообще почти что одногодком. Фольклор в данном случае гласит: «Маленькая собачка — до века щенок».

Таких дневниковых или, как их называют, фактографических данных в тетрадях Рындина было немного.

В основном, он заносил туда свои замечания о разных явлениях абсурдной действительности, либо набрасывал сюжеты будущих рассказов. Подобные вещи сейчас интересовали меня во вторую очередь. Важны были сведения, относящиеся к Гладышеву, «Ониксу», «Рице». И вдруг я читаю: именно Куренков является директором малого предприятия «Рица»!

Что-то уж больно многое с ответом сходится... Но это смотря с каким ответом. Если предположить, что Рындин, мягко говоря, не любил Гладышева и Куренкова, каждого по отдельности и вместе взятых, как друзей и как дельцов «новой волны», почему и «бодал» их в своей статье, а они ему за это отомстили, то такая задачка подходит для учеников вспомогательной школы, то есть, умственно отсталых. Тем более, что метод, каким был устранен Рындин, ни для Гладышева и тем паче для Куренкова никак нельзя назвать характерным. Да и на роль управителя преступного синдиката Куренков не тянет, если верить характеристике, данной ему Рындиным: «Уж у этого истерия на бледном челе написана. При каждой встрече кормит меня историями то о встрече с профессором, который измерил его специальным инструментом и сказал, что соотношение параметров свидетельствует о гениальности, то о каких-то мифических друзьях в мифическом московском институте, занимающемся тотальным контролем над космическими вибрациями и выделением избранных среди хомо сапиенс. По каким критериям эта избранность определяется, господин Куренков не сообщил, но очень прозрачно намекнул, что сам он в избранные попал. Следствием успеха в тестировании на предмет определения суперменства и элитарности можно считать факт бесплатной выдачи ему, Куренкову, новых ботинок, кои он и продемонстрировал мне». Тут уж я просто расхохотался. Нет, обладал все же Рындин даром уесть, подкусить. Надо же — ботинки в знак причисления к элите! Я верил, что так на самом деле и было, может, чуть-чуть Рындин только кислоты перебрал в своем изложении. Вырисовывается, вырисовывается портрет антигероя Куренкова. Каждое лыко в строку: «Куренков долго говорил о космических пришельцах, каковыми являются, по его мнению, Гоголь и Лермонтов, особенно подчеркивал свою духовную

связь с последним. Я намекнул ему, что к двадцати шести годам Лермонтов уже написал раз в сто больше, чем сорокалетний Куренков».

Вернувшись домой, я быстро отыскал несколько старых газет с объявлениями об оказании услуг по биолокации и составлении астрологических карт. «Рица» такие услуги оказывала. Значит, куренковская «Рица» держит штат врачей-гадалок, экстрасенсов, астрологов? Очень даже вероятно. Ведь не далее как вчера я наблюдал сеанс коллективной психотерапии. И там все было без «дураков». Увиденное мной на веранде коттеджа никак нельзя поставить в ряд с такими явлениями, когда один шарлатан сует с телеэкрана кукиш, а десятки миллионов легковверных придурков ставят воду и кремы, чтобы «зарядить» их.

Но вот в записях появилось нечто поинтересней язвительных замечаний о Куренкове, у которого «комплекс неполноценности довольно быстро трансформировался в манию величия», как писал о нем Рындин. «В общем, это оказалась секта, неизвестно, сколько таких есть еще. Надо признать, что они готовят материал, то бишь людей, основательно. Могу предположить, что существуют нижние структуры, которые даже основанием пирамиды назвать нельзя, это скорее почва, на которую пирамида должна опираться — выровненная, утрамбованная, выверенная по горизонтали площадка. Члены секты делают взносы, скорее символические. В их обязанности практически ничего не вменяется: два-три собрания в месяц, кое-кто помогает в изготовлении и расклейке афиш. В группе-секте есть староста и пара активистов из числа верующих (или собирающихся уверовать) в Будду. Нетрудно заметить, что староста назначается наставником, проводящим коллективные моления. Назначение старосты и активистов — я с уверенностью могу это предположить, так как начал посещать группу практически с самого начала ее образования — было сделано по результатам тестов. Тесты эти весьма интересны с точки зрения психологии, наверняка над ними работали специалисты. После нескольких занятий наставник диктовал вопросы, мы, то есть желающие приобщиться к таинствам Всепроникающей Мудрости (именно так называется учение),

старательно эти вопросы записывали, потом на них отвечали в письменном виде. Надо сказать, что имеющие самые общие представления о буддизме или даже интересовавшиеся им чуть поглубже, успевшие что-то прочесть или услышать, не могли заподозрить в наставнике неспециалиста. Любопытство неофитов Всепроникающей Мудрости удовлетворялось достаточно исчерпывающим образом и со знанием предмета. Во всяком случае я, при моем уровне компетентности, был наставником удовлетворен».

Да, надо признать, что Рындин умел наблюдать и делать выводы, что его, видимо, и сгубило: «Группы и группки насчитывались наверняка в большом количестве, состав их менялся — за два месяца, в течение которых я посещал четыре группы в разных местах города (одну даже вне города), состав их обновился более чем наполовину».

Собственно, такое явление характерно для многих подобных процессов. Оно знакомо мне по давним посещениям групп каратэ и ушу, где примерно через полгода занятий образуется ядро из пяти-семи самых способных или наиболее упорных учеников. С ними проводятся дополнительные занятия, иногда они даже подменяют инструктора в работе с новичками. Они же выступают в соревнованиях. Наверняка в этом случае старосты и активисты тоже участвовали в дополнительных собраниях. Знал ли Рындин о том, что из некоторых членов сект готовились боевики? Во всяком случае, я мог предположить, что овладение основами Всепроникающей Мудрости было условием хотя и необходимым для зачисления в состав боевиков, но недостаточным. Надо было еще иметь соответствующие физические данные. Я не мог пока определить суть функций боевиков, кроме расправ с неугодными типа Рындина и охраны собраний. Последнее предназначение у меня вызвало — хотя и являлось пока чисто теоретическим — некоторые ассоциаций, исторические аналогии, если угодно. «Зааль шютце», то есть, охрана залов, чем занимались в свое время крепкие и беззаветно преданные идее молодые люди, положила начало военной элите и дала известную аббревиатуру — СС.

Предположения Рындина в этом отношении почти полностью совпадают с моими: «... теперешние претенденты на роль повелителей идут неизбитым путем. Они овладевают душами, точнее психикой масс. И надо сказать, расчет их достаточно точен: в борьбе политических партий за голоса голодных и неуверенных в завтрашнем дне избирателей тратятся силы и средства, а обретенная власть может оказаться чисто формальной, потому как требуется удовлетворение нужд и чаяний миллионов, что является делом крайне трудным, если вообще выполнимым в нынешней ситуации».

Значит, Куренков, носившийся, по свидетельству Рындина, с идеей элитарного управления огромными массами низших существ, стоял во главе или, в крайнем случае, у истоков некой секретной организации? Мне в это не верилось, хотя я и не обладал достаточной информацией о нем. Более верным мне представлялось другое предположение: «Рица» являлась даже не крышей, а крышкой бункера под названием Всепроникающая Мудрость.

* * *

Я видел горы, довольно широкое ущелье, серое небо над ним. Это было необычно, я привык видеть здесь свет. А теперь небо затянуто пеленой, из невидимых туч летел снег. Ущелье заметно сужалось к противоположному концу, просвет там был исчезающе малым и вовсе не из-за перспективы — расстояние до выхода из ущелья составляло не более двух километров.

Надо преодолевать, надо постоянно изменять обстоятельства в свою пользу, иначе потом, вынырнув из сна, я обнаружу мир вокруг себя в лучшем случае таким, каким я его оставил. Но эти «лучшие случаи» — редкость необычайная. Мир имеет стойкую тенденцию меняться к худшему, если этой тенденции не сопротивляться постоянно.

И я пошел по ущелью. Мне понадобился посох — я знал, что очень скоро не обойдусь без него — и посох появился в моих руках. Дубина длиной около полутора метров, толщиной

чуть ли не в руку. Манипулируя такой штукой, можно наделать дел. Используя кое-где посох как шест для прыжков, я преодолевал нагромождения скальных обломков, перескакивал с его помощью через углубления, заполненные рыхлым снегом. Но я знал, что ближе к выходу из ущелья мне встретятся преграды посерьезней, нежели камни и ямы. И верно: не успел я преодолеть треть пути, как с пологого склона слева черными молниями метнулись наперерез тропе несколько черных волков. Интересно, подумалось мне, а что произойдет, если я сейчас опущу руки, не стану сопротивляться? Но я знал, что сопротивляться надо, что все происходящее здесь — не сказочка и не компьютерная игра, об условностях речи быть не может, последствия событий и моих поступков «здесь» скажутся непременно «там», в обычной жизни.

Волки атаковали меня полукругом. Их было пятеро или шестеро — они оказались слишком близко, когда я обратил на них внимание. Здесь меня не может предупредить остро развитое чувство приближающейся опасности, здесь оно спит, здесь правила игры иные.

Первый волк прыгнул на меня сверху, мощно оттолкнувшись от склона и перелетев через большой валун. Концом палки я описал дугу и сильно ударил волка в нижнюю челюсть, сокрушая ее. Я держал палку в обеих руках, проводя левую руку вперед и вверх, а правую возвращая к правому бедру, отчего мой посох обрел скорость вращения как у пропеллера.

Волк отлетел шагов на пять, чтобы шмякнуться на острые камни замертво. Хорошее начало. Второй бросился на меня снизу вверх, навстречу. Я отвел палку назад и, когда волк оторвался от земли, чтобы в следующий момент сомкнуть челюсти на моем горле, ткнул посохом, словно пикой, в его оскаленную пасть, чувствуя, как толстый конец посоха раздирает небо волка, проникает дальше, в глотку. А потом — резкий рывок посоха вверх. Брызгая на темные камни яркo-алым, волк упал у моих ног.

Резко развернувшись вправо, я переломил противоположным концом посоха хребет третьему волку. Двое

оставшихся в живых — все же их было пятеро — черными тенями мелькнули по противоположному склону справа. Я ожидал продолжения атаки, но волки, похоже, совсем расхотели грызть и рвать меня на части. И я продолжил свое движение к выходу из ущелья, которое все больше сужалось. Ветер теперь дул мне прямо в лицо, снег летел все гуще и гуще, пока наконец не превратился в сплошной серо-белый поток. Я брел, опираясь обеими руками на посох, ноги мои скользили по мокрым камням, ветер дул так сильно, что грозил опрокинуть меня и понести назад по ущелью. Но когда я вышел наконец из ущелья, снегопад прекратился и одновременно утих ветер, которому так и не удалось повалить меня.

И появился снова этот дивный, фиолетово-золотистый свет. Долина передо мной была покрыта ярко-зеленой травой, и голубые маки росли в изобилии там. И мой чой-гэргэн стоял у большого камня, наблюдая за моим приближением и не трогаясь с места. Когда я приблизился к нему, чой-гэргэн указал рукой на большой камень. На нем стояла маска-череп. Три пустых глазницы, не две. Вокруг черепа был некий круг, на котором стояли пять черепов поменьше, уже с двумя глазницами каждый. «Они там», — то ли ветер шелестит, то ли говорит кто — я даже не могу понять, на каком языке. Кто они? Мне нужен ответ. Но чой-гэргэн куда-то исчезает...

* * *

К середине ноября я работал оператором газовой котельной, а в группе изучающих Путь Всепроникающей Мудрости прошел испытания, дающие право быть переведенным на вторую ступень. Этих ступеней вообще-то пять, как и в тибетских монастырях для монахов, изучающих богословие. Каждый, выдержавший испытание, должен еще пройти что-то вроде собеседования.

Старостой нашей группы была экзальтированная девица лет двадцати пяти по имени Регина. В чисто физиологическом смысле девицей она, естественно, не являлась, потому как готовность спариваться чуть ли не с каждым вторым

встречным мужчиной читалась во всем ее облике. Судя по всему, я был одним из тех «вторых», на кого пал выбор Регины. Месяца, что я провел в группе, оказалось более, чем достаточно для близкого знакомства с Региной, за исключением разве что общей постели. Она предпринимала самые настоящие атаки, чтобы склонить меня к сожителству, но я с успехом играл роль эдакого ограниченного фанатика, аскета, который спасению души уделяет большую часть своего свободного времени, изнуряет себя трудом и физическими упражнениями (что было чистой правдой), не позволяет себе ни капли спиртного (что являлось правдой в подавляющем большинстве случаев) и не ест мяса (что совсем не было правдой) и так далее. Я старался не переигрывать, давал Регине надежду победить меня в ближайшее время, хотя про себя решил ни в коем случае не заходить столь далеко.

Как-то Регина почти напрямик заявила мне:

— Дальше ограничений будет меньше. Даже совсем наоборот.

— То есть? — изобразил я полное непонимание.

Тогда она популярно изложила учение тантры, поведала о женском начале, о шакти, или женских божествах, об ананде, то есть о плоти божества, о том, что Всепроникающая Мудрость традиционный буддизм не наследует и тому подобное. Ясно, эта темноволосая, высокая девушка уже предвкушала групповой секс с примесью мистики. Я изобразил сдержанный оптимизм и одновременно лицемерно обнадежил Регину скорой возможностью приобщения к плотскому слиянию с божеством в более узком составе.

Я надеялся, что могу после этого рассчитывать на особо доверительное к себе отношение. Действительно, примерно через неделю Регина сообщила мне о том, что я не просто предчувствовал, а уже наверняка знал.

— Ты прошел на вторую ступень и будешь теперь дорамба (термин этот наставники Всепроникающей Мудрости заимствовали из лексикона тибетских богословских

факультетов). Но окончательное решение о переводе будет принято только после собеседования.

— А что это за собеседование? — теперь я уже играл наивного, но в то же время достаточно корыстолюбивого страстотерпца, которому порядком обрыдли тяготы и лишения на избранном пути и который, несмотря на свой фанатизм, все же жаждет каких-то перемен. А как же иначе — я должен был дать понять Регине, что стремлюсь войти рука об руку с ней в мрачновато-радостное здание тантризма.

— Ну, вообще-то я слыхала, что это своего рода психологический тест. Только это между нами, — предупредила она. — Надо быть абсолютно откровенным, ты понимаешь?

— В общих чертах да.

Я соврал насчет «общих черт». Мне было понятно, что это фильтр. Пройти его, значит глубже проникнуть в их организацию. Я не заблуждался относительно того, что этот фильтр — единственный на пути продвижения к вершине пирамиды, и что я вообще когда-нибудь этого верха достигну. Вероятность того, что меня снова «засветят», как после заступничества за Рындина, я считал достаточно большой.

Регина назвала мне адрес, попросив не записывать его:

— Это экстрасенс. У тебя кто-нибудь может случайно увидеть запись, а она дома не принимает.

Ага, значит, ко всему еще и экстрасенс. Живой «детектор лжи», насколько я понимаю. Вот это организация! Интересно, а в спецслужбы так набирают? И еще одна вещь меня заинтересовала: какую позицию в отношении Всепроникающей Мудрости занимает Кей Джи Би, эта всепроникающая служба? Заинтересовался комитет экзотическим учением или у него сейчас руки не доходят в связи с слепапутчевой ситуацией?

Я представил себе район, где живет эта женщина и ощутил, что встреча наша будет не первой. А когда в назначенное время дверь квартиры открылась, я увидел ту самую женщину, которая читала мантры на веранде в Дубках.

Теперь на ней было черное платье с глухим воротом, с длинными рукавами. Дорогое платье. И духами от нее пахло тоже дорогими — запах несильный, ненавязчивый, слегка терпкий.

— Мне назначена беседа с вами, — Регина попросила меня произнести именно эту фразу. Почти пароль, только без отзыва.

— Проходите. Туда, — женщина кивнула на комнату слева от прихожей.

Статуэтка Будды на журнальном столике, покрытом скатертью, края которой украшены вышивкой из левосторонних и правосторонних свастика, полка с книгами в переплетах из некрашеной сыромятной кожи без надписей на корешках. Внешних признаков принадлежности к эзотерическому обществу немного, но и они на человека непосвященного могут произвести должное впечатление.

Хозяйка квартиры жестом указала на низкое кресло рядом с журнальным столиком, предлагая садиться.

— Дайте вашу руку, — произнесла она глуховатым, но достаточно мелодичным голосом.

Я подал левую, она мягко отодвинула ее и взяла правую руку. И тут у меня возникло ощущение, сходное с тем, когда человек, находящийся в своем жилище, вдруг слышит, как кто-то пытается открыть дверь снаружи. Чужая воля пыталась овладеть моей душой. Да, я не ошибся, предположив, что это будет тестирование с применением живого «детектора лжи», но все оказалось куда более серьезным. На следующую ступень в их организации мне не пройти, надо срочно искать другое решение.

Несомненно, она была очень сильным гипнотизером, я сразу почувствовал все возрастающее напряжение во всем теле. И неожиданно, к месту ли, нет ли, вспомнил гоголевского философа Хому Брута с его: «Нет, голубушка! устарела», обращенным к ведьме. Однако Хома все же потерпел временное поражение — сначала ведьма его одолела и оседлала. Я не мог себе такого позволить.

Мне было очень трудно. На стороне моей противницы стоял опыт тех, кого называют колдунами, чародеями, магами, опыт многих веков, который она изучила, приспособила к себе. Не стоило сомневаться в том, что она обладала способностью считывать всю информацию, внесенную в человека, и не только ту, о которой он помнил. Все забытое, спрятанное в недосягаемых, казалось бы, глубинах памяти, все страхи, все воспоминания, начиная с того момента, когда был сделан первый вздох в этой жизни, или еще раньше, когда ему, будущему человеку, передавались радости и тревоги матери.

Ладно, но ведь мне когда-то удалось ее перехитрить. Она ведь не видела меня тогда в Дубках. Или притворялась, что не замечает?

Я взглянул ей в глаза и прочел в них неуверенность. И тут словно кто-то подсказал мне — а, может и в самом деле подсказал? Время словно замедлилось. Я уподобился шахматисту, который может сделать три-четыре хода за то время, пока его партнер делает один. Феномен, известный мне по боевым схваткам, когда противник мог просто не заметить моего движения из-за его быстроты. Я наносил удар, а противник видел, что я стою на месте, однако какая-то невидимая сила поражала его в солнечное сплетение, в подбородок. Я мог сделать шаг по направлению к нему, а ему казалось, что это он сам неверно оценил дистанцию или излишне приблизился ко мне.

Как получилось, что я смог не поддаться этой женщине с внешностью то ли армянки, то ли грузинки, и проникнуть в ее память, получить некоторую информацию от нее? Я ни за что не смог бы объяснить это ни себе, ни кому-либо еще на языке общепринятых символов и понятий. Либо я «самообучился» за очень короткий, просто исчезающе малый для этого отрезок времени, как делают «умные» машины, либо кто-то здорово помог мне.

Женщина смотрела мне в глаза и, похоже, не могла оторваться, даже если бы очень хотела это сделать. И руку она не могла убрать с моей руки, сухую и горячую руку с длинными, гладкими пальцами.

Я смотрел в ее черные глаза. Где-то внутри их была целая вселенная, со своими законами, понятиями, установившимся порядком. Как человек, которому позарез нужно отыскать маленький абзац в толстенной, набранной мелким шрифтом книге, я лихорадочно носился по бескрайним просторам ее мира, отыскивая ответы на мучившие меня вопросы. Многого я так и не смог найти. Или не смог понять смысла того, что нашел.

Не знаю, сколько это продолжалось, только когда я вернулся в обычное свое состояние, то почувствовал бесконечную усталость. Казалось, я не смогу не то что подняться из кресла, но даже вытащить руку из ее руки. Я сделал усилие над собой, потянул руку к себе. И в тот же момент в меня словно влился мощный животворящий поток. Я чувствовал, как с каждой секундой становлюсь все более сильным и свежим. Предметы обретали неестественную четкость, казалось, я в состоянии рассмотреть их внутреннюю структуру, понять, как из атомов составляются молекулы, а молекулы в свою очередь образуют знакомые, привычные вещи.

Я поднялся из кресла. Женщина продолжала сидеть, неподвижно глядя перед собой.

— Мне кажется, я выдержал экзамен, — сказал я.

— До свидания, — чуть слышно прошепестело в ответ.

* * *

Итак, меня давно заметили. Засекли, как радар засекает цель. Их заинтересованный взгляд остановился на мне, когда я впервые зашел домой к Рындиному, и он показал мне оригинал статьи. Я не мог понять, как они позволили мне забрать записи в Коренном, ведь из памяти Рындина было вытащено все, что их интересовало. Выходит, не все. Либо существовал какой-то барьер, не позволивший строптивому литератору выдать им эту информацию, либо кто-то вступился за него и за меня. Моя вылазка в Дубки тоже осталась незамеченной, тут цель осталась вне радиуса действия радара.

Выходит, люди, стоящие на верхних ярусах их пирамиды не всемогущи. Они, конечно, смогли подставить Регину, которая, действуя вполне осознанно, вывела меня на «детектора лжи». Насколько я понимал теперь, такая проверка устраивалась не только отобранным для перевода на высшую ступень совершенства во Всепроникающей Мудрости, но и для особо настырных чужаков. Да, представителям «компетентных органов» к ним соваться нечего. Если они меня смогли распознать, то шустрика, вооруженного знанием основ марксистской диалектики и других неприменимых в жизни теорий, они бы в момент «раскололи». Дама с загадочной восточной внешностью действует куда более эффективней следователей, устраивающих допросы «с пристрастием». У нее вспомнишь и то, чего не знал.

Теперь я кое-что понял. В тот вечер, когда на Рындина должны были напасть, я увидел все, что должно было случиться, и вовремя оказался на месте. Почему же я не почувствовал ничего в день убийства? Мысленно я задал этот вопрос женщине в черном платье и получил ответ, который предполагал получить: информация была заблокирована от меня.

Уже тогда они знали обо мне достаточно много, хотя и не знали всего. Запугав меня, как они полагали, загадочной смертью и обеспечив крупные неприятности из-за разбирательств с милицией и прокуратурой, они надеялись, что отбивают мне всякую охоту соваться дальше.

До встречи с черной женщиной у нее на квартире я мог числить за ними только оборонительные действия да сбор информации относительно моей персоны. Но теперь все резко меняется. Теперь они обязательно попытаются устранить меня физически. Сдается мне, не только я понимаю, что в этом мире дух действенен и могуч лишь до тех пор, пока он существует в теле.

Ждать их пришлось недолго. Через два дня после своего визита к «экстрасенсу-детектору» я дежурил в котельной. Около двух часов ночи они пришли. Разлетелись стекла с противоположной от входной двери стороны. Я, наверное,

просто почувствовал это, потому что из-за гула вентиляторов вряд ли мог услышать звон бьющегося стекла. Я мог бы успеть добежать до входной двери, открыть задвижку. Еще я мог добежать до телефона, висевшего недалеко от входа, позвонить. И тогда через полчаса в стальную дверь постучали бы, а открывший ее изнутри увидел бы двух молодых людей не шибко дюжего телосложения в форменных бушлатах и шапках цвета маренго. Поэтому я никуда не побежал, ни о чем не стал беспокоиться, а просто стоял, наблюдая, как слева и справа ко мне деловито приближаются парни, одетые в одинаковые черные просторные брюки, черные куртки, делавшие их широкоплечими и неуклюжими с виду, и обутые в высокие кроссовки. Они напоминали ниндзя, разве что были без масок-капюшонов, но зато в одинаковых черных вязаных шапочках. Для полноты впечатления не хватало только мельтешения в воздухе метательных звездочек-сякэнов. Впрочем, сякэнам нашлась достойная замена — белой молнией блеснул брошенный слева дротик с утяжеленным концом. Метнувший его был убежден, что поразит меня в голову, потому что бросок производился всего метров с пяти-шести, расстояния, исключавшего возможность отклонения «мишени». Я и не стал уклоняться, а просто поймал дротик, когда он был в нескольких сантиметрах от моего уха.

Итак, за моей спиной была стена, впереди — три ровно гудевших котла, слева и справа набегали шестеро специалистов по нанесению тяжких телесных повреждений, по три с каждой стороны. В руках у них блестели короткие обоюдоострые клинки, бег их был мягок и мощен, как бег диких зверей. Они наверняка участвовали не в одном десятке таких акций. И тренировались не меньше пяти раз в неделю. С ними, как я успел убедиться в «Рице», работали специалисты по психотренингу. Поэтому они всегда действовали невозмутимо и ровно, не поддаваясь ни страху, ни ярости, ни замешательству. Вывести их из состояния равновесия могло только что-то неординарное, доселе не виданное. В данном случае такой казус с ними и произошел. Их единственный противник (или жертва?) взял вдруг да исчез куда-то. Без остатка растворился в пространстве. Впору было смотреть в потолок или отыскивать люк на полу из бетонных рубчатых плит.

Но вот один из них был брошен головой вперед на стальную грудь котла, и только выучка и реакция позволили ему не свернуть себе шею. Второй, увидевший столь непонятный и странный маневр товарища, замер на миг и тут же получил сокрушительный удар по коленному суставу, лишивший его возможности передвигаться. Третий все же увидел исчезнувшего врага, профессионально рубанул клинком этого юркого да вертлявого, но неожиданно для себя ударился головой о стену и затих неподвижно. Четвертый, держа за оба конца тонкую стальную цепь, попытался набросить ее сзади на горло возникшего перед ним чужака, но цепь непонятным образом рванулась куда-то вниз и в сторону, чтобы потом, описав наклонный круг, вылететь из-за спины и обвиться вокруг собственной шеи.

Я потащил его на себя, все туже сжимая стальную удавку, потом отпустил один конец цепи и дернул за другой, чтобы цепь, просвистев в воздухе, намоталась на клинок пятого моего истребителя. Клинок улетел далеко в сторону, а цепь через долю секунды хлестнула по переносице и глазам незадачливого фехтовальщика.

Теперь передо мной оставались только двое гостей. Точнее, один находился сбоку — его я бросил самым первым — а второй замер в боевой стойке, впери в меня немигающий взгляд круглых глаз. Белесые ресницы, светло-рыжие брови под черной шапочкой, шелушащиеся узловатые суставы пальцев. Я так отчетливо вижу его потому, что он, судя по всему, не видит сейчас меня. Он не успевает даже удивиться, когда я, оказавшись сзади и чуть сбоку от него, касаюсь рукой его шеи. Очень легонько касаюсь, но голова его дергается, словно воздушный шарик на ниточке, а через все тело проходит волна крупной дрожи. Он падает на пол и бьется в конвульсиях, потом тело сводит судорога, он замирает, только мышцы лица беспорядочно сокращаются и расслабляются. Белоглазый парализован, и вывести его из этого состояния могу только я.

Сказать, что двое оставшихся в сознании ночных пришельца деморализованы, значит ничего не сказать. На их лицах словно написано: «Нас послали убить человека, хотя и

не рядового, а мы встретили настоящее природное бедствие».

Я подхватил с пола выбитый у нападавших клинок. Знатная вещица — легированная сталь, лезвия с двух боков заточены до остроты бритвы, рукоятка удобная, ребристая. Клинком я указал на дверь.

— Сейчас вы уйдете отсюда. Его и его, — указываю на лежащего под стеной и на парализованного — вынесете. Этого выведете, — по отношению к сидящему на полу и прикрывающему лицо руками, из-под которых сочится кровь. — И скажите тому, кто вас послал: ему со мной не справиться. Особенно чужими руками. Так и скажите. Он поймет, что я имею в виду.

Еще один из нападавших приходит в себя — тот, что был полуудавлен цепью. Он поднимается, опираясь на руки, пошатываясь, потирая шею. Когда он пытается сделать глотательное движение, лицо его искажает гримаса боли.

Я прохожу мимо него, направляясь к двери. Я знаю, я просто чувствую, как он лезет за пазуху и достает дротик — стальной, остро заточенный с утяжеленного конца. Потом резко, без замаха, действуя только предплечьем и кистью, бросает дротик, в мою незащищенную спину, метя между лопаток. Дротик очень тяжелый — наверное, не меньше килограмма — если он воткнется в мое тело, прошив перед этим, словно лист бумаги, старенькую ветхую спецовку и свитерок под ней, то наверняка пронзит насквозь.

Но этого не случается. Я стою, сжимая пойманный дротик в кулаке, а бросивший его пятится назад, беззвучно шевеля побелевшими губами. Вспышка белой молнии, и дротик уже торчит в его бедре, заставляя скорчиться и присесть.

Потом я снова поворачиваюсь и иду к двери. Сзади теперь словно мертвое пространство, в налетчиках больше нет никакой силы, они словно разряжены до нулевого потенциала, жизни в них чуть больше, чем в восковых фигурах.

Я отбрасываю тяжелую стальную щеколду, распахиваю дверь, не спеша возвращаюсь назад. Сцена из театра

абсурда, парад упырей, шествие дефективных призраков: двое передвигаются скачками, двое транспортируют к выходу сначала парализованного, потом оглушенного, самым последним бредет наощупь пострадавший от удара цепью.

Все происходит в полном молчании. Когда они оказываются во тьме, я захлопываю дверь, возвращаюсь на ту сторону, откуда они проникли в помещение. Осколки стекла усеивают почти все пространство под стеной. Целый день, наверное, стеклить придется. Убытков они наделали больших, паразиты, но, надо отдать им должное, окна форсировали с максимальной скоростью. Теперь можно вызывать милицию...

* * *

Проходит неделя, другая. Меня никто не трогает, не тревожит телефонными звонками. В стане Всепроникающей Мудрости лихорадочно ищут решение. Они все чаще стучатся в мое сознание. Как, откуда? Честно говоря, я не знаю, как это назвать, а такие термины, как Единое Информационное Пространство, кажутся мне искусственными, к тому же отдают популярной литературой. Воистину — «мысль изреченная есть ложь». По мне, для определения этого явления подходит метод аналогий. Я бы сравнил себя с большим компьютером, к которому пытаются подключиться несколько других компьютеров, у которых и операций в секунду порядка на два меньше проделывается, и память менее емкая. Только вот ни один из малых компьютеров получать информацию от суперагента самостоятельно не сможет, тогда как ему узнать, что надо, от них несравненно легче. Конечно, нарисованная мной схема грешит механицизмом, но мое сознание отягощено точными науками.

Так вот, они обо мне больше ничего узнать не могут, хотя и пытаются изо всех сил. Зато я однажды получаю возможность увидеть вершину их пирамиды. Мне является видение. Будто я сижу на вершине холма в снегу, скрестив под собой ноги, торс мой обнажен, и вдруг откуда-то снизу, царапая когтями по торчащим из снега верхушкам валунов и скальным обломкам, на меня устремляется огромный черный

волк. Он очень велик, в холке наверное ростом с человека. Во лбу его горят три огромных глаза, пасть раскрыта — черный язык, желтые клыки. Движением руки, обращенной ладонью к волку, я удерживаю его на расстоянии в несколько шагов, он встает на задние лапы, а передние поднимает, словно царапая когтями прозрачную высокую стену.

Потом на месте трехглазого волка я вижу черную женщину, ту, что недавно пыталась «прочесть» меня. Она сидит ниже по склону, в такой же позе, плечи ее опущены, волосы наполовину прикрывают бледное лицо, выражающее бесконечную усталость. А за спиной женщины стоит некто в странной одежде синего цвета с фиолетовым оттенком. Фиолетовый цвет здесь как бы пульсирует, то ярко разгораясь, подавляя и вытесняя синий, то затухая, становясь почти совсем незаметным. Лицо этого человека сначала видится смутно, потом проступают выдающиеся скулы, высокий лоб, длинные, гладко зачесанные волосы, тонкий нос с горбинкой и трепетно раздувающимися ноздрями, аккуратно подстриженные усы и борода. Только глаз его я не могу рассмотреть, они словно прикрыты туманом.

И тут меня охватывает острое чувство тревоги. Я сознаю, что сплю сейчас, даже вижу свое тело, лежащее на постели. Но одновременно вижу и этого человека в сине-фиолетовом, с клубами тумана вместо глаз. Мне что-то подсказывает, оттолкни это видение, сосредоточься на себе. Теперь я вижу только свою спальню, балконную дверь, окно... и тень за ним. Кто-то пытается открыть сначала дверь, потом открывает форточку. Неплохо, неплохо, отстранено констатирую я, четвертый этаж все-таки.

Открываю глаза и мгновенно скатываюсь на пол. А еще через секунду в то место, где я только что лежал, впивается стрела. Вскочив с пола и нажав на ручку балконной двери, я обнаруживаю, что она не поддается. Над перилами балкона мелькает тень, словно большая птица вспорхнула. Неужели стрелок в самом деле прыгнул? Летает он, что ли? Рискуя сломать ручку, я даю на нее. Раздается скрип, треск, дверь открывается. Понятно, ручку пытались заблокировать, обвязав ее со стороны балкона тонкой веревкой, другой конец которой захлестнут за прутья ограждения. Такая же веревка

привязана к перилам. Она свешивается примерно до уровня первого этажа. Стрелок успел скрыться, соскользнув вниз по веревке. Визвожвшись по ней же на мой балкон, он первым делом проверил, нельзя ли попасть в комнату естественным образом, то есть через дверь, а когда обнаружил, что нельзя, обеспечил себе возможность отхода с помощью веревки. Я поднял ее наверх, смотал. Капроновая, не пропадать же добру.

Возвращаюсь в комнату. Стрела торчит в постели. Я сделал для себя сон явью, а теперь явь становится похожей на сон. Не самый приятный сон. Стрелу удастся легко вытащить, хотя она вошла глубоко, прошив матрац насквозь. Конец стрелы не зазубрен, стрела представляет из себя стальной прут диаметром миллиметров в пять. Воткнулась она куда надо, на этом месте была моя грудная клетка. Пробую пальцем остро заточенный конец, потом нюхаю стрелу. Нет сомнений, ее смачивали какой-то жидкостью. Сколько же еще попыток они предпримут?

* * *

Утро после ночного визита у меня звонит телефон, очень рано звонит, в половине седьмого. Незнакомый голос спрашивает Горюнова Николая Семеновича. Я отвечаю незнакомцу, что ему повезло и он попал как раз на Горюнова. Тогда человек на том конце провода представляется: следователь городской прокуратуры Ищенко. Эта фамилия мне знакома, моментально вспоминаю мужчину в синем костюме и розовом галстуке. Ищенко просит меня приехать к нему сегодня по неотложному делу, напоминает адрес.

На этот раз Ищенко в другом костюме, сером. И галстук подобран в тон. Но, несмотря на безупречный внешний вид, Ищенко весьма озабочен. Он начинает нашу беседу с вопроса, где я был вчера вечером. Я пожимаю плечами, говорю, что гулял неподалеку от дома, потом читал допоздна. Не говорить же ему о ночном госте, посетившем мой балкон в пять часов утра. Неужели они каким-то образом узнали об

этом? Да нет, это невозможно. Тогда почему он задает такой вопрос?

Ищенко смотрит на меня в упор и говорит:

— Вчера примерно в половине одиннадцатого вечера был убит Виктор Сергеевич Гладышев. Вы его знали.

— Разумеется, — киваю я, — работал даже у него одно время, я вам уже говорил об этом.

— Он был убит в подъезде своего дома. Предположительно с применением спецприемов.

Ага, вот в чем дело.

— Честное слово, это не я, — ни тени улыбки не может заметить на моем лице Ищенко, хотя я отнюдь не скорблю по поводу гибели господина Гладышева, скорее даже наоборот: выражения типа «собаке — собачья смерть» приходят мне сейчас на ум. — Не знаю, будет ли принято в счет свидетельство моей матери, но кроме нее подтвердить мое алиби может еще один мой знакомый.

Ищенко глубокомысленно изучает мою в общем-то простецкую физиономию. Наконец он отводит взгляд, открывает ящик стола и достает фотографии, сделанные при вспышках «блица». Труп Гладышева. На лице явные следы ударов. Висок, похоже, проломлен. Зрелище достаточно тягостное. Быстро они успели «отшлепать» снимки. Судя по всему, Ищенко этой ночью не спал. Хотя он гладко выбрит, и одеколоном приличным благоухает, и пробор у него безупречен, но глаза покрасневшие, с кругами под ними.

— Левый висок у него наверняка проломлен, — констатирую я, отодвигая фотографии и рискуя навлечь на себя подозрения.

Гамма чувств, как выразился бы романист, отражается на лице Ищенко. Потом он качает головой и достает из стола красную книжечку с золотистым гербом и надписью «Удостоверение».

— Вам это знакомо? — спрашивает он.

— Наверное. В «Ониксе» у всех такие были. Точнее, у многих, — поправляюсь я. — У меня во всяком случае было такое.

— Было, — повторяет Ищенко и раскрывает книжечку, крепко держа ее в согнутых скобочкой пальцах.

Оказывается-, это мое удостоверение.

— Правильно, — соглашаюсь я, — все сходится.

— Что сходится? — нечто, похожее на торжество, замечаю я во взгляде Ищенко.

— Что я работал в «Ониксе» и у меня было такое удостоверение.

— И куда оно делось?

— Я его сдал, когда увольнялся. Хотя мог бы и оставить себе.

— Что значит: «Мог оставить?»

— Ну, если бы дорожил памятью об этой фирме. Или захотел где-либо еще использовать — вон какая «ксива» солидная, — я откровенно валяю дурака, пытаюсь при этом понять, для чего мое удостоверение понадобилось Ищенко.

— Так вы оставили у себя удостоверение или нет?

— Нет, конечно, — серьезно отвечаю я. — Сдал, уходя.

— А кому вы его сдали?

— Той даме, что его выдавала. Должности ее я не знаю, не интересовался, фамилии тоже. Имя и отчество помню, отдел помню.

Ищенко выдерживает паузу.

— Это удостоверение было найдено неподалеку от тела Гладышева.

Очень даже может быть.

— Конечно, — словно рассуждаю я вслух. Гладышев мужик здоровый был, с ним пришлось повозиться. Я запыхался, растерял там массу своих вещей: расческу, кошелек, ключи от квартиры, вот это удостоверение тоже.

Расческу, ключи и кошелек я подобрал, а удостоверение не нашел, поскольку подъезд был слабо освещен.

— Я, знаете ли, на работе нахожусь, Николай Семенович.

— А я — нет. Но, поскольку вы находитесь на работе, могу сейчас вам сообщить — или заявить, как хотите — следующее: факт возвращения мной удостоверения может подтвердить бухгалтер «Оникса». Она при этом присутствовала. Кроме того, вчера около десяти вечера мне домой звонил один мой знакомый. Заметьте, не я ему звонил из телефона-автомата возле дома Гладышева, а он мне.

— А откуда вам известно, что около дома Гладышева есть телефон-автомат?

— Да ничего мне не известно, — откровенно скучным голосом произношу я, — должен ведь где-то там быть автомат.

Этот в меру упитанный мужчина предпочитает пищу животного происхождения, ненадежен, как партнер, достаточно ленив, умеет переложить работу и ответственность на других, изменяет жене и не любит холодной воды при мытье. Вот бы такую характеристику представить его начальству. Реакция была бы однозначной — то ли пьяный ее составлял, то ли человек «со сдвигом». А зря, эти черты как нельзя лучше характеризуют Ищенко. Ладно, что ерундой мысли занимать, начальство у него наверняка еще более безответственное, чем он сам. Все же неплохо придумали эти рыцари тьмы: сначала убрать чем-то не потрафившего им Гладышева и подбросить мое удостоверение, а к утру меня тоже вычеркнуть из списка живых. Мертвые, как известно, за свою репутацию постоять не могут. Но я умудрился выжить, да еще и алиби какое-то могу представить. Усложнил я своей сверхчувствительностью да сверхвыживаемостью, служебную жизнь Ищенко.

Ищенко тем временем, кажется, понял, что, задавая вопрос насчет телефона-автомата, выглядел недостаточно гибко мыслящим. Поэтому он спросил меня уже в совершенно иной тональности:

— А вот скажите — много у Гладышева было недругов?

— Очень трудно найти таких, кто относился бы к нему хорошо. В прошлый раз я говорил вам, что тоже был недоволен директором «Оникса». Как и несколько бывших охранников вроде меня.

— Вы не исключаете возможность, что ему могли отомстить, свести какие-то счета?

Я никакой возможности не исключаю, даже той, что лежи я сейчас прищипленный стальным стержнем к деревянной кровати, следовательно Ищенко приложил бы все усилия для того, чтобы не найти стрелявшего.

Наша беседа закончилась тем, что Ищенко попросил меня не уезжать из города некоторое время. То есть, на неопределенный срок мой статус оставался неопределенным. Не имея до сих пор никаких дел с правоохранительными органами, я, тем не менее, не питал никаких иллюзий относительно того, что они «во всем разберутся» и оставят меня в покое ввиду моей абсолютной непричастности к убийству директора «Оникса».

Поэтому верхом наивности было бы рассказывать Ищенко о ночном налете на котельную, о стрельбе из арбалета в форточку, об организации под названием Всепроникающая Мудрость. Любой, выдавший набор подобных сведений, автоматически попал бы в разряд полоумных, к которым нельзя относиться серьезно и — что очень удобно — на которых можно списать все.

* * *

Куренков поставил свою машину в гараж метрах в двухстах от дома, не забыв включить сигнализацию, и теперь не спеша шествует по тротуару, покрытому слоем смерзшейся снежной крупы. Я вспоминаю подмеченную Рындиным особенность: словно через что-то переступает.

Я выхожу из своего укрытия, отмечая, как турецкая дубленка Куренкова словно начинает играть синеватым отливом, а его норковая шапка блестит неестественно сильно. Это означает, что я «растворился» в воздухе для Куренкова.

Мы едем с ним в лифте на шестой этаж, он рассеянно смотрит в угол, где стою я, а мне интересно, что случится, если кто-то войдет и наткнется на меня. Такой вариант мне еще не случалось проверить. Потом вместе с Куренковым захожу в его квартиру. Точнее, он входит, а я проскальзываю у него за спиной. Потом он щелкает выключателем, и прихожая, оклеенная обоями лимонного цвета, становится похожей на освещенную изнутри волшебную шкатулку. Уютно устроился директор «Рицы», живет в нем тяга к прекрасному. Куренков снимает свою роскошную дубленку, вешает ее на изящный хромированный крючок, шапку аккуратно кладет на полированную полку. Протирает платочком запотевшие с мороза очки.

А когда надевает их снова, то обнаруживает перед собой долговязого типа в потасканной куртке, потертых беловатых джинсах, альпийских ботинках-вибрамах и вязанной шапочке. Маленький округлый подбородочек Куренкова начинает трястись с такой частотой и амплитудой, что меня подмывает придержать его рукой, чтобы не отвалился от вибрации.

— Ладно, Куренков, кончай дрожать, — советую я ему и стаскиваю с головы шапочку. — Я твой добрый домовой, каждый день тебя вижу, а ты меня — нет. Надо же когда-то появиться, тем более, что существование я тебе обеспечиваю приличное.

По дерганью его обезьяньей лапки я догадался, что он хочет сунуть ее в карман дубленки и что-то извлечь оттуда.

— Ну, что тут у тебя? — упреждаю я порыв Куренкова. — Газовый пистолет: Не надо тебе баловаться этим, честное слово. Еще себе навредишь.

Газовый пистолет перекочевал в карман моей куртки.

— Отдам, когда уходить буду, не беспокойся. Да не трясись ты так, ведь мы с тобой знакомы. Я у Гладышева в его фирме охранником служил, чуть ли не телохранителем был. Вспоминай.

Куренков и в самом деле вспоминает. Когда я предлагаю ему пройти поговорить, он непринужденно пожимает плечами и ведет меня в комнату, похожую на кабинет: стол с лампой,

книжные полки, небольшая тахта, портативный телевизор на стенном кронштейне.

— Так что тебе угодно? — бодрым баритончиком вопрошает Куренков. Если судить по голосу, может показаться, что он полностью овладел собой. Но я-то знаю, что это не так. Страх от него исходит волнами. Но стремление казаться лучше и значительнее, чем он есть на самом деле, заставляет Куренкова преодолевать даже панический страх.

— Мне угодно, господин зицпредседатель, встретиться с вашим главарем. С вашим духовным наставником, у которого замашки обыкновенного советского «пахана». Вы еще не канонизировали его, не возвели в ранг бодисатвы?

— Я не понимаю, о ком ты говоришь?

— Ладно, Куренков, сейчас поймешь. Давай вспомним, как возникла «Рица»? Ты числился в друзьях Гладышева. И у тебя был папа, начальник первого отдела крупного НИИ. А Гладышеву для создания своей фирмы нужна была поддержка «компетентных органов», могущих подтвердить его лояльность делу правящей партии и политике рабоче-крестьянского государства, его гражданскую чистоту, если угодно. А где эту чистоту взять? Ведь господин Гладышев несколько лет назад проходил по делу об одной финансовой махинации. Сначала вроде был обвиняемым, потом как-то в свидетели выделился. Итак, в обмен на «добро» Гладышеву возглавить дело, имеющее отношение к идеологии — «Оникс» все же как издательство начинался — ты получил место директора дочерней фирмы.

Потом твоего папашу отправили на пенсию, НИИ ваше наполовину разогнали, а отдел с непонятными функциями, который ты возглавлял, прикрыли в первую очередь. Зато осталась «Рица». Была у тебя тяга к оккультным наукам, точнее, этакий рассеянный интерес. Общался ты с прорицателями, экстрасенсами, целителями и прочими магами. Но это все от праздности у тебя происходило, я тебя уверяю. Глубоко проникнуть в их науку ты не способен, даже если бы они тебя посвятили. И вот на определенном этапе тебе предложили отойти в сторону. Они занимались биолокацией в жилищах и служебных помещениях,

составляли астрологические прогнозы для деловых людей, исцеляли, но и они же определяли всю политику «Рицы». Тебе хорошо платили за ничего-неделанье, что тебя очень устраивало, ведь последние двадцать лет жизни ты только тем и занимался, что ничего не делал. Верно я говорю, Куренков?

— Ну-ну, продолжай, я слушаю. — Этот наглец уселся поудобнее, достал сигарету, щелкнул хромированной зажигалкой и смачно затянулся.

— А что продолжать... В конце-концов возникла под крышей «Рицы» организация откровенно экстремистского толка, если выражаться казенным языком. Идея господства над всеми, да? Мудрость проникает везде, но по-настоящему мудрых очень и очень немного. Ты-то себя, конечно, к мудрым относишь. Потому что хорошо себя ведешь, нос ни во что не суешь. Твои хозяева — потому что в действительности они твои хозяева, ты сам это прекрасно понимаешь — тебя не трогают. А Гладышев то ли деньги с ними не поделил, то ли власть. И в результате скончался от тяжких телесных повреждений. Не жалко друга-товарища?

Хилые плечи Куренкова, покрытые роскошным серым свитером, поднялись и опустились.

— Не жалко, — констатировал я очевидный факт. — Тебе важно, что ты в порядке. Ты и дальше будешь в порядке, призвание у тебя такое. Поэтому бессмысленно взывать к твоему разуму, а совести у тебя, как известно, никогда не было. Но я взываю к твоей осмотрительности, этого у тебя в избытке. Я, конечно, один не справлюсь с ними — ты понимаешь, о ком я говорю. Их можно уже назвать явлением планетарным. Но я сделаю все, что в моих силах, тем более, что жизнь моя не кончится после завершения существования на земле. Кто-нибудь еще последует моему примеру — возможно, даже в этой жизни — потом еще кто-то и еще...

— И все останется, как прежде, — Куренков потянулся изящной своей ручкой за хрустальной пепельницей. — Будут воровать, блудить, убивать, пить, жрать, размножаться. Будет мир на земле, и в человецех благоволение, одним словом.

— Не тебе решать, как должно быть. А потом, я к тебе не на диспут пришел. Мне нужен ваш антипредтеча местного масштаба. Я могу тебе описать его внешность, если хочешь... Хотя могу допустить, что ты его и не видел. Тебя ведь не во все дела Всепроникающей Мудрости посвящают? Правда, тебе присвоили степень цограмба, четвертую ученую степень, принятую в буддийских монастырях. Но это все юмор для идиотов, ты ведь понимаешь. Все религии вообще туфта, потому что люди узурпируют право говорить от имени Бога, наставляя других в том, о чем сами не имеют никакого понятия. В общем, вот что, Куренков, передай вашему «бодисатве», что я хочу встретиться с ним. Где угодно и когда угодно. А все попытки расправиться со мной только укрепляют меня, как ни странно это звучит.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — нагло заявил Куренков.

Я вздохнул.

— Вам всем нужно чудо, только тогда вы верите. Что ж, получай.

Я коснулся его левой щеки, чувствуя, как дернулись под моими руками дряблые мышцы. Куренков сейчас почувствовал нечто, похожее на удар электротоком. Левая сторона его лица искривилась, нижняя губа отвисла, довершая создание уродливой гримасы, голова склонилась влево, подчиняясь судорожному сокращению мышц шеи. Он попытался коснуться лица и шеи левой рукой, но и рука неестественно согнулась, пальцы скрючились.

Вот теперь Куренков был объят неподдельным ужасом.

— У тебя осталась правая рука, — сказал я. — Можешь написать вашему сатане областного масштаба. Можешь позвонить ему, языком ты еще ворочаешь. И мозги у тебя функционируют, теперь даже лучше, чем прежде, поскольку появился стимул. А лечить тебя пусть попытаются твои экстрасенсы и маги. О результатах можешь сообщить мне по телефону, номер которого вашей шайке известен.

Я швырнул газовый пистолет на тахту и покинул квартиру. Когда я выходил из лифта на первом этаже, со мной едва не

столкнулась маленькая хрупкая женщина в шапке из чернобурки, в такой же, как у Куренкова, черной дубленке. Его жена возвращалась домой.

* * *

В это место я попадаю, когда мне надо по-настоящему отдохнуть от всего. Но где же оно? Я спросил об этом себя и в ответ в моем сознании прошелестело слово «занскар». Вслед за ним я услышал внутри себя и другое слово — «хималайя», что на санскрите означает «обитель снегов». Последнее могло означать только название горной системы Гималаев. Когда объединились эти два слова? Не помню, не знаю. Может, через несколько секунд, может, через несколько дней.

Я сходил в городскую библиотеку, порылся в каталогах, отыскивая в географическом разделе слова сходного звучания, и нашел-таки книгу одного француза о Занскаре, затерянном королевстве в Гималаях. Оказалось, что долина Занскар самое недоступное место в том районе. Расположен Занскар в индийском штате Джамму и Кашмир, но населяют его потомки тибетцев, пришедших туда довольно давно, еще в восьмом веке. Говорят они на одном из диалектов тибетского языка.

Каким ветром принесло мне сведения об этом Занскаре? Ведь я ни разу до этого не встречал слово «Занскар» написанным на каком-либо из языков, никогда не слышал его. Возможно, когда-нибудь я узнаю это. А так, сколько ни смотри на окрашенную коричневым точку на карте все равно нельзя увидеть те места так, как я вижу их во сне — ярче и четче, чем наяву.

А окружающая меня явь сейчас приобрела мрачные тона. Положение мое довольно сложное, поскольку Ищенко сильно напрягаться не будет, ему достаточно нескольких неоспоримых фактов. Меня запросто могут арестовать и попытаться «выбить» нужные показания. Попытаться-то они могут, да кто ж им даст... Все равно, игра на их поле и в их игру мне не нравится. Надо «достать» настоящих убийц

Гладышева. Тем более, что Ищенко не связан напрямую с Всепроникающей Мудростью. Я чувствую это.

Я прикрыл глаза, мысленно представил себе фотографию убитого. В кабинете Ищенко я рассмотрел снимок очень подробно — тот, крупным планом. Слегка вдавленный левый висок, немного крови, заплывший глаз, ссадины. Удар был не очень точным, он задел и рассек скулу, но достаточно сильным, чтобы сломать височную кость. Ясно, нанесен был твердым предметом. Ну-ка, где сам предмет? Обочина шоссе, тополя, огни многоэтажек. Нужны более точные координаты. Стоп, крытый павильон, прилавки. Надо хорошенько запомнить это место. Я вижу его очень четко. Какая-то схема: пять автобусных остановок. Потом я вижу дорогу, словно на вертолете над ней пролетаю. Так вот откуда пять остановок, от площади Освобождения! Все сходится: Гладышев жил в достаточно удаленном от центра районе, добраться туда можно от площади Освобождения. Эта площадь вообще служила перекрестком нескольких магистралей. Правильно, вот она, площадь. Скульптурная группа — бородатый в круглой шапочке с обушком в руках и другой, с усами и в кепке, сжимающий винтовку. Представители освобождающегося пролетариата. Дорога к микрорайону, где жил Гладышев, идет вниз от площади. Пять остановок, значит.

Нет сомнения, я на правильном пути. Павильон — вот главный ориентир, его легко можно найти. А оружие убийства с противоположной от павильона стороны шоссе, в том месте, где за высокими тополями ночью видны огни многоэтажек...

* * *

На следующее утро я поехал туда чуть ли не первым автобусом, когда еще царила сплошная темень. От площади Освобождения в переполненном салоне установилось такое давление, при котором процесс дыхания даже у меня был ощутимо затруднен. Пассажирами были в основном женщины. Ясно, на работу спешат. В том районе большой хлопчатобумажный комбинат. На пятой остановке меня просто вынесли.

Павильон я обнаружил сразу. Что-то вроде большой беседки. Летом здесь устраивался небольшой овощной базарчик. Теперь посмотрим то место, где растут высокие тополя. Они тут на большом протяжении вдоль обочины растут, в темноте не разглядеть, где кончаются. Но для меня темень помехой служить не может, потому что я чувствую — искать надо вон там, на отрезке метров в пять у обочины...

Я дождался, пока чуть-чуть рассвело. Черные иссохшие стебли, засыпанные снизу грязным, похожим на серую пыль снегом. Где-то здесь. Следов на откосе не было. И не должно быть, эту штуку наверняка бросали с той стороны дороги. Вот она сверкнула в свете отдаленных бетонных башен и без звука упала туда, в сплетение стеблей полыни, репейника, чертополоха. Где-то здесь...

Соскользнув по крутому откосу вниз и немного покружив среди ломающихся с треском высоких стеблей, я через несколько минут удовлетворенно созерцал углубление в снегу. Ровная поверхность и темная дыра. Не с самолета же это бросали. Присев на корточки и погружая руку в перчатке в снег, я повторял с пониманием привычно свершившегося чуда: «Нет, не с самолета».

Правильно, кастет. Зазубрины широкие и сглаженные, но если приложить ими как следует, результат будет впечатляющим. Как в случае с Гладышевым. Почему не просто удар тренированными, «набитыми» костяшками? Да потому, что это было бы равносильно оставлению визитной карточки. Их карточки. В органах не такие уж лопухи, чем били, наверняка смогут определить. Итак, свою визитную карточку они оставлять не захотели, оставили мое удостоверение. У меня руки нисколько не напоминают руки каратиста, глупый этап с впечатляющими «копытами» на первых суставах указательного и среднего пальцев давно пройден. А раз я не смог приложить в висок Гладышеву голый рукой, я обязан был это сделать, вооружившись кастетом. Расклад примитивный, но верный, на тот случай, если бы я находился сейчас в морге с проникающим смертельным ранением грудной клетки. А поскольку я жив, и мне почти предъявлено обвинение в убийстве с применением холодного оружия, я его должен представить, это самое оружие. Я

спрятал кастет в полиэтиленовый мешочек, сунул его во внутренний карман куртки и выбрался на дорогу.

Ожидание автобуса, идущего обратно в город, длилось долго, наверное, минут двадцать. Стоявшие вместе со мной на остановке парень и девушка совсем заоченели, тщетно пытаясь укрыться от пронизывающего насквозь ветра за узкой стенкой уродливого строения. Да, ребята, я бы мог научить вас побеждать холод окончательно и бесповоротно, но для этого вам пришлось бы кое от чего отказаться, например, от сотни или полторы часов в месяц бесцельного времяпровождения, столь привычного и любимого вами..

Но вот автобус подошел, народу в нем оказалось совсем немного, я даже свободное место отыскал. Итак, при мне орудие убийства, оно «мечено» державшим его. На нем, конечно, отсутствуют отпечатки пальцев, нет на кастете и микрочастиц перчаток, надетых на руки убийцы, они, скорее всего, сменились пылинками с шоссе и пыльной пылини. Но эта вещь навечно связана с державшим ее. Как связана она с Гладышевым, и с некоторыми другими... Ага, я вижу лицо с широким, приплюснутым носом, редковатыми светлыми, серыми глазами, густыми пшеничного цвета бровями. Похоже, это тот, кто мне нужен...

* * *

Парень высокий, в черной свободной куртке, в черной вязаной шапочке — мне сразу вспоминаются ночные визитеры в котельной. Плечи его широки, в каждом движении чувствуется гибкость, раскрепощенность. Он входит в подъезд уверенно — еще бы, он и в чужих домах никого не боится, а уж в своем и подавно, — поднимается на площадку перед лифтом.

— Давно я тебя ждал, — я опускаюсь с площадки между первым и вторым этажами и вижу, как он меняется в лице. Растерянность мелькает только на мгновение, и то это скорее можно назвать презрительным недоумением. Вслед за ним лицо парня обретает холодное и враждебное выражение. —

Считай, что дождался, — спокойно цедит бесконечно уверенный в себе атлет, когда я оказываюсь напротив него.

Сейчас он поднимает правую руку к плечу — при моей «замедленной съемке» процесс поднятия растягивается на целую вечность — потом начинает делать поворот бедрами, раскручивая с ускорением корпус справа налево, чтобы в тот момент, когда мышцы руки на короткий миг обретут твердость стали, уткнуться костяшками в челюсть незнакомого дурака, утверждающего, что он-де дождался.

Но странные происходят вещи: кулак продолжает движение в пустоте и уже по дуге, потому что рука попала в какое-то жесткое колесо, которое, проворачиваясь все быстрее, заставляет самоуверенного бойца перевернуться в воздухе и шмякнуться спиной на бетонный пол. Удар так силен, что, несмотря на попытку в самый последний момент сгруппироваться, мой противник на несколько секунд теряет сознание.

Я склоняюсь над ним, беру в свои руки его запястья — мощные, широкие, с упругими, выскальзывающими из-под пальцев сухожилиями — и своей волей заставляю его задержаться на какое-то время на полу, а после не вскакивать резко на ноги, упруго перекатившись на колесом согнутой спине, но подняться спокойно, не отвергая мою помощь и глядя помутневшим взглядом мне в глаза.

— Приехали, — тихо говорю ему я.

Он послушно кивает.

— Кто у тебя сейчас дома? — так же тихо спрашиваю я.

— Это... Ленка, — язык его заплетается.

— Жена?

— Подруга, — он мотает головой, будто стараясь вытряхнуть из нее мгновенно наступившее опьянение. Но в его крови нет и капли алкоголя.

— Подруга, — повторяю я. — Пойдем, Саша. Ты ведь на третьем этаже живешь, лифт тебе не нужен.

Я веду его за руку, словно маленького мальчика, хотя он на голову выше меня и килограммов на двадцать тяжелее. Поднявшись на третий этаж, он настороженно замирает, словно опять пытается прогнать непонятно откуда взявшийся хмель.

— Ну-ну, Саша, — я подталкиваю его в спину. — Где твоя квартира? Вот эта, одиннадцатая, правильно. Открывай, — моя правая рука ложится на его мощный загривок, великан Саша слабеет, едва держится на подгибающихся ногах.

Не дождавшись, когда он вынет ключ, я нажимаю на кнопку звонка. Через десяток секунд дверь распахивается. На пороге стоит высокая светловолосая девица в длинном махровом халате, из-под которого выглядывает яркой расцветки майка.

— Он немного устал, — объясняю я этой самой Лене, глядя ей прямо в глаза, ломая сопротивление недоверчивого взгляда...

* * *

Меня ничуть не волнует, что девушка, сидящая за деревянным барьером, запомнит мое лицо. Но аккуратно обшитый материей деревянный ящик с адресом, написанным крупными печатными буквами, я подаю ей рукой, одетой в перчатку. Ей это не кажется странным? Как и то, что я отправляю посылку по почте в город, расположенный всего в двадцати километрах отсюда, куда через каждые полчаса отправляется рейсовый автобус. Нет, она спокойно берет посылку, шлепает на ее швы сургучные печати, отчего в спертom воздухе распространяется резкий запах, потом садится, выписывает мне квитанцию, отсчитывает сдачу, которую я забираю, уже сняв перчатку, а то еще подумает, будто у меня какое-то кожное заболевание.

Я не спеша выхожу из помещения почтамта, разглядывая квитанцию, на которой написаны только город и фамилия получателя — Ищенко. Дня через три-четыре он получит посылку. На дне аккуратного ящика из толстой фанеры лежит

явка с повинной, написанная рукой Александра Лукаша, на ней — завернутый в полиэтиленовую пленку кастет. Опись вложения от меня не потребовали.

* * *

Я выхожу на обычное свое место для медитаций, но не на полянку, поскольку сейчас она выглядит совсем неуютно. Голые ветви деревьев, голые кусты, сухая промерзшая листва припорошена снежной крупой. Там дальше, по берегу пруда растет камыш. Место низкое и ровное, а среди камышовых зарослей есть небольшой островок с деревом — старой дикой сливой, со скрюченным стволом. Сине-серое небо, свинцового цвета вода в незамерзшем пруду, бело-желтый камыш, черное дерево.

Молись о лучших днях,
На зимнее дерево сливы
Будь сердцем похож.

Впрочем, весна — время капризное. А надеяться, значит ждать милости от случая. Но щемяще прекрасен Басё.

Выйдя на островок с корявым деревом, я не спеша снимаю с себя ветронепроницаемую капроновую куртку яркосинего цвета с красными полосами, стаскиваю свитер, из-за пояса брюк достаю трофей, добытый в мае этого года — обрез охотничьего ружья, заворачиваю его в куртку, кладу под дерево.

Ледяной ветер старается одолеть меня хотя бы на несколько секунд, но попытки его тщетны. Я трясущими кистями рук, чувствуя, как через кончики пальцев в мое тело начинает вливаться тепло. Оно течет по рукам, перетекает на лопатки, стекает вниз по позвоночнику горячим ручьем. Когда-то достичь такого состояния стоило мне больших усилий, теперь на это тратятся секунды, все происходит автоматически. Сейчас я сажусь под дерево и буду долго сидеть в позе лотоса.

Но долго посидеть мне не удастся. Я чувствую чье-то приближение. Если бы этот кто-то шел по тропе через поле метрах в тридцати от меня, откуда я незаметен, а видно только хилую крону дерева, ощущения были бы иными... Нет, на этот раз идут ко мне.

Глаза мои полуприкрыты, я сижу лицом к камышам и немного боком к тропе, ведущей от шоссе через поле, но, даже не открывая глаз, не поворачивая лица, я вижу, как в мою сторону направляются четверо. Я вижу себя, сидящего под деревом дикой сливы, свинцовую рябь пруда слева, черную полупрозрачность лесополосы и их, идущих сюда. Есть еще время подумать над тем, как они меня отыскивали столь быстро, минут через двадцать после выхода из дома. Ну что ж, не мне одному быть таким чутким.

Я сую руку за спину, нащупываю обрез и поворачиваю его таким образом, чтобы сразу схватить в случае необходимости.

Вот они сворачивают с тропы, идут между камышей, я уже хорошо различаю их. Да, все правильно, их четверо. И двое из них знакомы мне потому, что я уже видел их раньше. Это здоровяк, с которым я встретился в мае и чей обрез лежит сейчас у меня за спиной, и молодой парень, один из трех боевиков, нападавших на Рындина. Сейчас здоровяк одет в синюю джинсовую куртку, а молодой боевик в черную кожанку.

— Мы давно знакомы друг с другом, — бородатый, пожалуй, излишне театрален. Даже не театром от него веет — цирком. Объявление номера с говорящей головой или чтением мыслей. — Тебя вели, словно бычка на веревочке, ты это понимаешь?

Я-то понимаю, что вели, но и ты понимаешь, что антре твое совсем не производит того эффекта, на которое оно рассчитано.

— Ты весь на свету, как рыбка в аквариуме. Мы знаем о каждом твоём шаге. — Ну как же, в чистом поле отыскивали. Блеф, господа, блеф.

— Так что лучше тебе не трепыхаться, а вести себя спокойно. Иначе мы просто выплеснем тебя вместе с водой. — это еще вопрос, нужна ли такой рыбке вода.

Я открываю глаза пошире и спрашиваю:

— Ребята, а вы на сходняках в своем кружке мужеложство и скотоложство тоже практикуете?

До бородатого вожака вопрос доходит сразу, до сопровождающих его с явной задержкой. Он выхватывает руку из кармана куртки. В руке, естественно, пистолет. Но на две десятых секунды раньше завершения его движения в моих руках оказывается обрез, который укоризненно смотрит своими двумя дулами на бравого пистолетчика. Если бы не это, в меня полетели бы пули.

— Знакомая штука, правда, толстый, — участливо спрашиваю я здоровяка. — Наша прежняя встреча была случайной, но полезной. Кража шкурок оказалась чистой воды инсценировкой, но режиссером был покойный Гладышев, задумавший таким образом избежать налогообложения. Видишь, как все скучно и пошло. А теперь уходи, начальник. Шакалов своих тоже прихвати.

Он раздумывает, я его хорошо понимаю. Уход по моему приказанию — это полная капитуляция. Но у него просто нет выбора. У них один ствол, у меня два ствола, последний козырь бит.

— Все равно, дни твои сочтены, — злобно вещает здоровяк.

— Веско, веско, — одобрительно киваю я ему головой. — Долго, наверное, репетировал. — Он не удостоивает меня взглядом, поворачивается и уходит вместе со своей командой.

Я слежу за ними до тех пор, пока они не поднимаются на дорогу — их головы и плечи видны мне отсюда. Потом кладу обрез на прежнее место. Теперь уж точно им не остается ничего, кроме последнего штурма. Струи тепла опять растекаются по спине, по рукам, по груди. Вот одна из вещей, которую, не; купишь ни за какие деньги, не выхлопочешь

благодаря связям и знакомствам. Но чувство превосходства чуждо мне. Если я иногда и испытываю к людям нечто подобное, то это скорее что-то вроде жалости к растерявшимся, недоумевающим, уставшим от борьбы за существование. Так было и в случае с Рындиным...

* * *

Я уже собираюсь лечь спать, когда раздается телефонный звонок. Нельзя сказать, что он звонит неожиданно. Звонка-то я как раз ждал.

— Да, — говорю я.

Голос включается сразу.

— Ты должен явиться завтра в пять вечера ко входу в краеведческий музей, если не хочешь осложнений, — тон у этого говорящего робота приказной.

— Я никому ничего не должен, чучело, — ответил я насмешливо.

— Ты сам хотел этой встречи. Рано или поздно она должна состояться.

Вот тут я с ним согласен. Оттягивать встречу нет никакого смысла.

— А может, лучше все-таки позже? — интересуюсь я, но ерничество мое осталось без внимания.

— Я все сказал. Завтра в пять вечера у входа в краеведческий музей.

Щелчок, гудки.

Может, у них что-нибудь серьезное еще осталось в запасе? Надо идти.

* * *

На следующий день я отправляюсь к месту встречи намного раньше пяти вечера, еще засветло. Места мне мало

знакомые, а в темноте больше шансов попасть в ловушку. Здание краеведческого музея расположено около городского парка, который с большим основанием можно назвать национальным парком — уж больно он неустроен. У одного из входов поставили несколько аттракционов, заасфальтировали подходы к ним, а остальная территория представляет собой просто лес площадью в несколько квадратных километров. С противоположной от музея стороны к нему прилегает поселок, который считается частью города.

Сюда можно добраться только трамваем. Я схожу на одну остановку раньше, у самую входа в парк. Закатное солнце, пронзительная синева неба, на которой ветви деревьев кажутся нарисованными черной тушью. Мороз всего градуса два или три и ветра практически нет, идеальная погода для прогулок. На широкой асфальтированной площадке гуляют молодая мама, молодой папа и их карапуз в ярком оранжевом комбинезоне. Чуть подальше — какой-то старик в старомодном пальто и черной шляпе. Эта публика не имеет никакого отношения к вызвавшему меня на randevу, тем более, что до музея отсюда с полкилометра. Я иду не спеша, рассматривая через просветы между деревьями дома на противоположной стороне улицы. Два трамвая прошли за то время, что я шел через парк.

Вход в музей размещался с противоположной стороны от той, с которой я подошел. Я обогнул здание по кругу, не слишком углубляясь в лес, чтобы видеть все подходы к зданию, и стараясь в то же время не высовываться. На обозримом пространстве вблизи музея по этой стороне улицы не было никаких построек, за исключением здания непонятного назначения, напоминающего склад. Часы показывали без четверти четыре. До условленной встречи еще час пятнадцать минут. Стремительно темнело.

Холод меня не пугал. Но было бы глупо торчать на улице. Вход в музей был только один, можно проскользнуть незамеченным, лишь бы дверь оказалась не запертой. Я вообразил грозящую мне опасность, ощутил привычную крупную дрожь, сотрясающую все тело, увидел резко очерченные кроны деревьев, здания, окаймленные яркой

синеватой полоской, словно сзади на них падали сполохи электросварки.

Когда я поднимался по ступенькам, дверь распахнулась и навстречу мне стала торопливо спускаться женщина в черной кожаной куртке, длинной черной юбке и черных замшевых сапогах. Только меховая шапка на ней была светлая. А что, если слегка прикоснуться к этому богато одетому созданию, источающему запах дорогих духов? Такая мысль возникла лишь на мгновение у меня и я тут же ее подавил. Нельзя ни на миг расслабляться, у меня еще не было возможности проверить, как долго я могу удерживать свое «невидимое» состояние. Я осторожно потянул на себя ручку двери, дверь плавно, без скрипа приоткрылась, ровно настолько, чтобы я мог проскользнуть в тепло и полумрак вестибюля. Так же осторожно и медленно я прикрыл дверь. Справа от входа была устроена загородка из дерева и стекла. Там сидела за столом женщина в милицмейской форме.

Пройдя по вестибюлю и оглядываясь через каждые два-три шага на женщину за стеклом, я поднялся на второй этаж. Здесь было тихо и безлюдно. Снаружи уже зажгли фонари, и тьма за окнами сгустилась.

Я не ощущал никакой опасности в радиусе нескольких десятков метров вокруг себя. Тогда зачем они меня сюда вытащили? Тускло блеснул в падающем с улицы свете циферблат наручных часов. Без двадцати пять. Совсем темно. Если они посчитали меня настолько глупым, что понадеялись на мое появление со стороны трамвайной остановки... Нет, после всего, что произошло, они просто никак не могут надеяться захватить меня врасплох. Ладно, может быть они и не планировали никаких козней до пяти вечера. Я приду, меня встретят... Стоп! Где-то поблизости появился источник опасности. Но где? В этом здании? Исключено — я не слышал, чтобы кто-нибудь входил в него. Значит, вошли в тот странный двухэтажный дом или появились на улице рядом с музеем.

Пора идти. Я опять ввел себя в состояние, когда предметы обретають четкие очертания с голубоватой каемкой

по контуру, ощутил привычную в таких случаях дрожь и пошел вниз.

Уже начав спускаться по лестнице, я услышал, как слева от меня, в другом крыле здания, хлопнула дверь. По коридору шел мужчина в темном пальто-плаще, черной широкополой шляпе. Я подождал его, он рассеянно взглянул сквозь меня, на лице его — показавшемся мне знакомым — не отразилось никаких изменений настроения, оно сохраняло выражение хмурой озабоченности.

Я спустился вслед за ним по лестнице, а когда он, войдя в полосу света из загородки охранницы, выпростал запястье из длинного рукава пальто и взглянул на часы, я понял, что это не просто рассеянный жест заработавшегося человека. Он ждал меня!

Мужчина кивнул охраннице, пробормотав что-то, толкнул входную дверь, а потом, оказавшись снаружи, осторожно прикрыл ее. Тут я понял, откуда мне знакомо его лицо. Это был ясновидящий Владимир Скубенко, его прогнозы публиковались в городской газете. Сомнений нет, меня ждать мог только он.

Страхивая с себя странное состояние, как покрывало (может быть, сказки о шапках-невидимках имеют в своей основе опыт чувственных ощущений тех, кто их носил?), я тоже открыл дверь и негромко окликнул его:

— Кого-то ждем, маэстро?

Он вздрогнул, испуганно оглянулся. Свет от фонаря позволил мне рассмотреть выражение крайней растерянности на его лице. Странно, он должен был почувствовать мое присутствие раньше, раз считается ясновидящим.

— Наверное, вы ждете меня. А теперь мы должны будем пройти вон в тот домик, верно?

Он пытался овладеть собой, этот маг-экстрасенс, один из наследников масонов, розенкрейцеров, черных буддистов или кого там еще. Самым глупым решением для него сейчас был бы ошарашенный кивок. И он, надо отдать ему должное, не сделал этого. Он промолчал, оставаясь неподвижным. Я

пожал плечами, прошел мимо него и направился по тропинке, ведущей к странному домику. Окна его были черны, они выделялись на фоне серых стен, освещенных светом фонарей вдоль дорожки, идущей от крыльца музея куда-то вглубь парка.

Скубенко молча шел следом. Я резко остановился и, обернувшись к нему, спросил:

— Ведь вы — Скубенко, один из предсказателей «Рицы»?

Оракул Скубенко смутился. Я прекрасно понимал его. Ты прыгаешь в высоту на два метра и думаешь, что достиг совершенства, потому что окружающая тебя масса двуногих прыгает всего на метр с небольшим. И вдруг появляется человек, который с запасом берет два пятьдесят. Тут есть от чего смутиться. Тем более, что Скубенко не был шарлатаном, кое-чего он достиг в избранной им области. Однако он переоценил себя, как переоценил себя тот, с кем мне предстояло сейчас встретиться.

Я уверенно толкнул тяжелую дверь, пересек неосвещенный тамбур, потом столь же уверенно открыл следующую дверь. В помещении, куда я попал, окон не было. Горели светильники, развешанные на стене против двери. Стены были задрапированы материей темно-фиолетового цвета. И череп глядел со стены тремя пустыми глазницами. Я подмигнул ему, как старому знакомому. Под черепом располагался моельный барабан с надписями на неведомом языке. Из боковой двери вышел другой мой знакомый по видениям, в брюках, блузе и полусапожках синего цвета с фиолетовым отливом.

— Забавно, — сказал я вместо приветствия, — вчера вы в который раз пытались меня запугать, а сегодня пытаетесь удивить до смерти. Не выйдет, господин Калиостро.

— Вы одиноки, — спокойно ответил он, — а нас много. И у нас неограниченное влияние на все земные власти.

— Да, могу догадаться, что с земными властями у вас полный порядок, — согласился я. — В ваш орден — или как там его называть — наверняка уже приняты высшие чины КГБ, утратившего; правда, значительную часть своего влияния

на общество. И уж точно в нем есть финансовые воротилы, которыми вы вертите, как хотите, несмотря на всю их хитрость и наглость. Вы пытаетесь внедрить членов своей секты в советы разных уровней и у вас это неплохо получается. А уж насчет масс — тут вы лупите по площадям, используя масс-медиа, тиражирующую вашу идеологию. Но к чему столь замысловатый путь? У ваших предшественников вроде Гитлера, Бери и Чаушеску методы управления этими самыми массами были гораздо проще.

— И чем все они кончили? Ведь вы прекрасно знаете, что перечисленные вами личности были только марионетками в руках более могущественных сил. Так что речь идет не просто о подчинении стад двуногих. Требуется абсолютная вера масс в указанный им путь, абсолютная преданность, если хотите — их преклонение перед высшими существами.

— А вы, значит, один из тех, кто должен указывать путь, перед кем следует преклоняться? Высшее существо?

— Это мое предназначение, — очень серьезно ответил фиолетовый. На всех уровнях бытия существуют повелители и исполнители их воли.

— А откуда вы знаете, что у вас такое предназначение — повелевать? Разве вы видите всю сложность мироздания? Мне кажется, что даже для самых совершенных из носящих телесную оболочку, для самых просветленных душ вершины истины скрыты в сплошной мгле, а путь к ним долог до бесконечности. Один человек может лишь в том иметь преимущество перед другим, что набрел на тропу, продвижение по которой хоть немного приблизит его к вершине, вместо того, чтобы стоять в растерянности перед отвесной и гладкой скалой.

— Доходчивый образ, — скривил губы фиолетовый, — только на самом деле все обстоит гораздо сложнее.

— Но не для того же вы меня сюда вызвали, чтобы объяснять мне, как все обстоит на самом деле?

— Разумеется.

— Следовательно, вы хотите указать мне мое место в созданной вами иерархии?

— Она не нами создана. А место там вы займете достойное.

— Да откуда вы знаете, как все устроено? Почему вы и вам подобные узурпируете право решать, кого следует «нейтрализовать», а кого — переместить на «другой уровень бытия»? И почему это, как правило, те, у кого нетрадиционный образ мышления или нежелание подчиняться. А если я откажусь занять предначертанное место? — мне был интересен его ответ на последний вопрос.

— Тогда у вас будут сложности?

— Какие? Вы мне их пытались создать много раз, а результат — нулевой.

— Я сейчас говорю не об этой жизни.

— Послушайте, это уже наглость. Самая обычная, пошлая, примитивная наглость, — в голосе моем не было и тени раздражения или злости. — Я хочу разобраться с вами до конца. Думаю, что одному из нас придется покинуть этот мир.

— Ничего не имею против, — спокойно ответил он.

И сразу оказался рядом со мной. Что ж, прикосновение его руки к определенной точке тела оказалось бы смертельным для обычного человека, а случайное попадание напоминало бы удар электротоком. Но я не был обыкновенным человеком. Я отвел его руку в сторону круговым блоком, одновременно повернувшись на носках так, чтобы оказаться сбоку и даже чуть сзади от него. Мое вращение даже для него оказалось слишком быстрым, поэтому я смог беспрепятственно нанести ему удар коленом под ребра с правой стороны. Любой другой после такого удара согнулся бы пополам и неподвижно лег на пол. Здесь этого не произошло. Мой фиолетовый противник просто отлетел к стене, но не так, как перемещается человек, которого сильно толкнули, то есть, теряя равновесие и падая, а оставшись почти полностью выпрямленным и словно

скользя по льду. Колено мое в момент удара ощутило упругое сопротивление, как если бы я ударил им огромный, тугой мяч из толстой резины. Фиолетовый и повел себя, как мяч. Он просто оттолкнулся от стены и снова полетел на меня, словно выброшенный катапультой, едва касаясь ступнями пола.

Наконец-то я обрел достойного противника. Я не просто пропустил его мимо себя, сделав полный оборот на месте в течение доли секунды, но и швырнул фиолетового к противоположной стене, даже не прикоснувшись к нему. Он как бы влетел по касательной в вихрь энергий и полетел дальше, ускоренный этим вихрем. Последовал новый отскок от стены, повторный бросок на меня и, естественно, еще одна «перепасовка». Это очень напоминало игру в сквош, где он выполнял роль мяча, а я — игрока.

Окруженные толстым, упругим слоем силового поля, мы могли сейчас, словно замотанные в невидимые коконы, бить друг друга о стены, наносить друг другу удары палками, стальными прутьями и даже ножами без видимых последствий. Казалось, «боевая ничья» была предрешена. Но я видел, что имею перед ним преимущество в скорости, в быстроте, и использовал это преимущество.

Рванувшись к фиолетовому по прямой, я сделал полтора оборота вокруг собственной оси и оказался за его спиной. Руки мои, словно крылья птицы, пошли с двух сторон к его голове. Сейчас я должен был просто пробить его защитную оболочку, проломить этот невидимый «скафандр». Однако руки мои встретили бешеное сопротивление, хотя в этот раз оно не было таким ровным и упругим, как раньше, а пульсировало, словно я прикасался к огромной артерии. Я напрягся, чувствуя себя воронкой, в которую вливается энергия космоса, и ощутил, что сопротивление падает. Все электроприборы в радиусе нескольких десятков метров вокруг наверняка были сейчас обесточены, все живые существа должны были испытывать в этом радиусе сильную вялость.

Наконец я преодолел сопротивление до такой степени, что ощутил уши противника под своими ладонями, и понял, что фиолетовый мессир стал обычным, не очень сильным

человеком, которому легко можно скрутить шею. И я сделал это, резко проведя левую руку вперед, а правую назад.

Он существовал на этой земле по тем же законам, что и другие люди, хотя во многом превосходил их. Конечно, он мог делать такое, о чем другие и думать не смели. Он мог лить на тело серную кислоту и не получать ожогов, ходить босиком по раскаленным углям, двигать предметы, не прикасаясь к ним, находиться под водой более десяти минут. Но его тело не могло жить со сломанными шейными позвонками.

Послышался хруст, через несколько секунд я ощутил, что держу в руках голову трупа. Тогда я разжал руки. Тело, обтянутое переливающейся материей странного, сине-фиолетового цвета, рухнуло на пол. Это не было сказкой, это было скучной реальностью. Не ударили молнии, не рассыпались в прах стены заколдованного замка, в данном случае неказистой постройки полувековой давности, не превратилось в пепел или в огонь тело побежденного колдуна.

Я смотрел на его лицо с выдающимися скулами, с аккуратно подстриженной густой бородкой, с тонко вырезанным, благородных линий носом и думал, что даже имени его не успел узнать. И тут слуха моего достиг то ли стон, то ли подавленный всхлип. Подняв взгляд, я увидел в дверном проеме Скубенко.

— Ваш антибог умер, — устало сказал я.

Взгляды наши встретились. Их взаимопроникновение длилось долго, казалось, целую вечность.

— Вы о нем позаботитесь? — наконец спросил я.

— Да, — поспешно ответил Скубенко. — Вам не о чем беспокоиться. Вам совершенно не о чем беспокоиться...

Вадим Гетманенко

НИНДЗЯ СУДЗУКИ

Каждое утро, еще до восхода солнца, мастер Судзуки надевал заплечный мешок с камнями, прикручивал к икрам ремнями металлические пластинки и начинал забираться вверх по склонам Фудзиямы. Заросли могучих узловатых кленов и старых сосен облепили Гору, как остатки волос круглую плешь старика Рокудзо. Люди говорили, что некогда в этих зарослях укрывался Согоро Сакура, предводитель разбойников, осмелившийся воевать с самим сёгуном! С тех пор прошло не менее ста весен — давно уже нет ни Сакуры, ни его товарищей.

Сегодня Судзуки в одиночку петлял по тропе между деревьев, где еще стояли сумерки. Обычно его сопровождали трое сыновей-погодков. Но сегодня они, вместе с братом жены Сокавой, отправились ранним утром на побережье, продать там несколько мешков риса. На вырученные деньги они должны были купить у рыбаков мелкой сушеной рыбешки, водорослей и соленых окуней, которыми любили полакомиться в семье мастера.

Сильные ноги Судзуки легко несли его мускулистое тело. В свои сорок лет он мог поспорить с любым юношей в беге, плавании и борьбе. Судзуки остановился и приступил к упражнениям. Удары его были стремительны. В прыжке с разворотом он сбил ногой несколько веток на уровне головы и, приземлившись, сделал выпад вперед, нанося удары кулаками и локтями. Затем, взмахнув руками, резко выдохнул воздух. Постояв немного, он восстановил дыхание, а потом побежал назад, в сторону деревни.

Мысли мастера неслись так же проворно, как и его ноги. Он думал о сыновьях. Старшего — семнадцатилетнего Иокаву, он учил приемам рукопашного боя. Тот по праву старшего брата показывал младшим то, что постиг от отца. Всех троих он орал с собой по утрам на эти прогулки по склонам Фудзи, только без мешков с камнями. Еще Судзуки

заставлял мальчиков часами неподвижно сидеть на татами и «смотреть в себя» — чувствовать и видеть внутренним взором свое сердце и легкие, желудок и печень... Сам мастер мог усилием воли остановить сердце или принудить его работать в бешеном темпе. Судзуки мог одним махом перепрыгнуть через бамбуковую изгородь на две головы выше его, мог проползти в колючем кустарнике, ни разу ни поцарапавшись...

Мастер почти ничего не рассказывал сыновьям о своей юности. Они слышали несколько раз от него только то, что мальчиком и юношей он провел несколько лет высоко в горах, у какого-то Учителя. И что он встретил их мать в долине, когда спустился навсегда с гор. Судзуки вспомнил, как его средний Кумата и младший Ямото украшали ветками сосны и папоротника миниатюрную гору счастья Хорай, с лангутом на самой верхушке. Это было так красиво — алый лангуст на фоне зеленого папоротника...

Судзуки услышал какой-то шум впереди себя. «За ручьем — недалеко от деревни», — определил он. Предчувствие чего-то плохого охватило его, когда, выбежав на поляну, он увидел бегущего ему навстречу старого Осаку, своего соседа. Осака размахивал руками и что-то кричал. Мастер со всех ног устремился к нему. Подбежав, Судзуки подхватил падавшего Осаку. Вид его поразил мастера. Через все лицо старика тянулся кровоточащий набухший рубец. Широко раскрыв рот, Осака хватал им воздух и никак не мог надышаться. Судзуки присел рядом на корточки и терпеливо ждал, пока тот придет в себя.

— Беда, Судзуки-сан. Беда...

— Говори...

С каждым словом, произнесенным Осакой, лицо мастера становилось все более суровым. Под конец казалось, что сидел уже не человек, а обломок скалы, обтекаемый потоком слов вперемежку со слезами...

Навьюченный мешками с рисом, мул неспешно перебирал жилистыми ногами, не обращая никакого внимания на погонщика. Путь до побережья неблизкий. Мальчики весело смеялись, наблюдая как дядюшка Сокава всю дорогу воевал бамбуковой палкой со своим мулом. В полдень, когда путники порядком устали, а солнце стало немилосердно палить, дядя предложил устроить привал. Перекусить, отдохнуть, а когда солнце станет менее жгучим, вновь отправиться в путь.

Дядюшка кряхтя сел на траву, снял с ног соломенные сандалии и полотняные носки с большим пальцем, отделенным от остальных — таби. Мальчики освободили мула от его ноши, привязали к тутовому дереву. Кумата достал из мешка циновку и, расстелив на траве, разложил рисовые лепешки, редьку и зелень, пока Ямото с Иокавой бежали к ручью за водой. После трапезы Сокава задремал в тени. А Ямото и Кумата, вооруженные бамбуковыми палками, устроили сражение с Иокавой. Он ловко отражал атаки братьев и сам делал выпады, обозначая удары в их уязвимые места.

Братья так увлеклись игрой, что не заметили приближавшуюся по дороге кавалькаду всадников. Они сопровождали дорогую коляску, украшенную яркой материей. Судя по убранству и почтительному отношению спутников, в ней сидел знатный вельможа. Услышав ржание лошадей, мальчики наконец остановились, с удивлением и любопытством разглядывая процессию. Вельможа показал на них пальцем и что-то сказал. Тотчас один из всадников отделился от группы и поскакал к братьям.

— Эй, оборванцы! Господин Оката желает говорить с вами! Ну, живо! — поигрывая плеткой и наезжая лошадью, самурай заставил мальчиков почти бегом приблизиться к коляске. Подойдя к ней, они склонились в поклоне. Такой роскоши им еще не приходилось видеть. Вся одежда Окаты, начиная от шнурка, закрепленного в прическе, до сандалий на кожаной подошве переливалась и сверкала. Широкие шаровары в складку из дорогой ткани были оторочены золотом. Кимоно и черная верхняя накидка ослепляли блеском вкрапленных в ткань драгоценных камней. Сбоку из-

под складок кимоно торчала рукоятка меча с огромным изумрудом.

Вельможа окинул их взглядом и спросил вдруг резким дребезжащим голосом:

— Кто вы такие и где научились столь искусному владению бамбуковой палкой? — Он прищурился, вперив взгляд в мальчиков. Лицо, похожее на лисью мордочку, вытянулось, и сходство со зверьком еще больше усилилось. Иокава как старший из братьев уже открыл рот, чтобы ответить, как за спиной раздался голос дядюшки Сокавы:

— Милостивый господин, я Сокава из селения Токэду, а это мои племянники, сыновья мастера Судзуки...

То, что произошло дальше, было удивительно не только для мальчиков и их дяди, но и для спутников вельможи. Едва Сокава произнес имя зятя, как Оката буквально подпрыгнул в своей коляске:

— Как ты сказал, старик?!

— Судзуки, господин...

Вельможа откинулся на сиденье бледный, как полотно, и, не глядя ни на кого, тихо сказал:

— Мальчишек и старика связать и отправить ко мне в город. Да смотреть за ними в оба, чтобы не сбежали. А мы поворачиваем и едем в это Токэду.

Братья не успели опомниться, как слуги соскочили с коней и набросились на них. Иокава, ловко увернувшись от хватавших его рук, бросился бежать, но его догнали, сбили с ног и, связав руки, за длинный конец веревки, как собачонку, подвели к лошади и привязали к седлу.

Старый Сокава рванулся к вельможе и, пытаясь поймать его ногу и поцеловать, умолял отпустить их. Его грубо оттолкнули, вытянули вдоль спины плеткой, повалили на дорогу и связали.

Коляска Окаты и часть его свиты, поднимая пыль, удалялись в сторону Фудзиямы.

Воины подтянули веревки, которыми были связаны пленники, к лошадям и неспешно поскакали в противоположную сторону, не обращая внимания на крики, слезы и мольбы старика.

* * *

Жители Токэду были вытащены из своих хижин и согнаны на постоялом дворе. Воины Окаты, наместника сёгуна — владыки Японии, не церемонились с крестьянами. Окружив толпу с пиками наперевес, они ждали приказа своего господина.

Оката приподнялся в коляске, вглядываясь в лица. Воцарилось тягостное молчание. Взгляд наместника скользнул по толпе, изредка останавливаясь на ком-нибудь.

— Его здесь нет, Банзан. Найди его — и убей. У змеи смертельный укус, когда она жалит, защищая своих детенышей.

— Да, Оката-сан, — самурай, к которому обращался вельможа, склонил голову и тут же, повернувшись к толпе, крикнул:

— Слушайте, жители Токэду, тот, кто покажет, где скрывается разбойник и бунтовщик Судзуки, получит награду — десять кобан золотых монет. Если же крестьянин даст убежище бунтовщику, то будет убит вместе с семьей, а дом его предадут огню.

По толпе пронесся легкий гул. Солдаты придвинулись к крестьянам, угрожая пиками.

— Возьми воинов и найди его дом, — незаметно шепнул Оката Банзану. Самурай поклонился, вскочил на коня и с несколькими всадниками поскакал по деревне.

Наместник между тем сошел с коляски и, подойдя к крестьянам, выбрал самого неказистого, ткнув его в грудь рукояткой плетки, произнес:

— Вот ты, раб, как тебя звать?

— Осака, мой господин, — обреченно выдавил из себя крестьянин.

— Скажи мне, Осака, знаешь ли ты бунтовщика Судзуки?

— Да, мой господин...

— И ты сможешь показать, где он скрывается?

— Я не знаю, повелитель, — Осака задрожал и упал в ноги наместнику.

— Ах ты, подлое животное! Ты знаешь Судзуки, но не покажешь, где он скрывается?! — Гнев исказил лицо Оката. Он взмахнул плеткой и изо всей силы стал хлестать по сгорбленной, покорной спине Осаки. Видя, что удары не возымели желаемого действия, наместник схватил Осаку за волосы и стал таскать его по земле, норовя попасть плетью по лицу. Наконец, это занятие ему надоело, он пнул ногой парализованного страхом и болью крестьянина и коротко бросил:

— Отпустите их. Обшарьте все дома в окрестности. Он где-то рядом: Задерживайте всех подозрительных и ведите ко мне. Если будут сопротивляться, убивайте. Сэйдзо, Мацумон, проверьте постоянный двор и дом. Задайте корма лошадям. Я хочу отдохнуть.

Два самурая из его охраны дали распоряжение солдатам, и в сопровождении своего господина прошли в дом.

В большой комнате на дощатом паласе для гостей были расстелены новые татами с подушками. В мисках дымилось угощение. Кувшины были полны сакэ — хризантемной водкой.

Офицеры наместника почтительно опустили на циновки рядом с Окатой, дожидаясь, когда вельможа начнет трапезу, чтобы последовать его примеру. Но Оката, облокотившись на подушку, словно не видел угощения. Уставившись лисьими глазами на кувшин с сакэ, наместник впал в оцепенение.

* * *

Судзуки не проронил ни слова, выслушав рассказ Осаки. Затем велел крестьянину возвращаться домой. Оставшись один, мастер тихо прошептал: «Снова ты на моем пути, Оката! Опять творишь черные дела. Кто-то из нас должен умереть!» Он высыпал из мешка камни, размотал полотно вокруг ног и, отбросив пластины, легко побежал по склону горы, но не в сторону селения, а туда, где был его тайник. Наступила ночь.

Ниндзя неслышно крался в темноте вдоль изгороди постоянного двора. Оттуда слышались голоса солдат. В руках он сжимал «медвежью лапу» — страшное оружие буддийских монахов — несколько железных крючьев, насаженных на длинную бамбуковую палку. Ее Судзуки достал из лесного тайника, откуда же он вынул черный матерчатый шлем с прорезью для глаз и черные объемные шаровары с такой же рубашкой, под которой скрывалась легкая кольчуга. Рукоятка короткого меча в ножнах торчала из-за спины. Вдруг совсем рядом послышались шаги. Из-за поворота появились двое воинов наместника. Решение пришло мгновенно. Откинув «медвежью лапу», в высоком прыжке Судзуки нанес смертельный удар ногой в грудь одному воину — тот даже не успел вскрикнуть. Почти одновременно ребром ладони по горлу, еще не встав на ноги, ударил второго. Приземлившись, мастер метнулся в темноту к изгороди, от освещаемой луной тропинки. Все было тихо. Солдаты лежали в неестественных позах. Мастер подошел к ним и, встав на одно колено, приложил пальцы к горлу одного, потом и второго. Они были мертвы. Схватив их за ноги, он оттащил в сторону и сбросил в канаву. Затем, перемахнув изгородь, змеей проскользнул по двору вдоль конюшни, подпрыгнув, ухватился за деревянный парапет, подтянулся и влез на крышу. Из дымохода слышались пьяные голоса.

— Я отрежу ему уши и посажу на кол, а его выроdkов утоплю в отхожем месте. — После этих слов раздался оглушительный хохот.

— Это он-то потомок князей, ха-ха-ха. Когда горела его лачуга, приходилось подбрасывать дров — лачуга была совсем пустой и могла потухнуть, только драные циновки и несколько глиняных горшков...

Вдруг за домом раздался крик. Несколько солдат выбежали во двор, держа в руках факелы...

Судзуки наклонился к дымоходу.

— Они мертвы, господин... У одного сломана шея. У другого огромная вмятина на груди.

— Грязные собаки, ищите же его!

— Он где-то здесь. Я чувствую. Банзан, подними всех людей, проверь каждый куст. Усильте караул вокруг дома.

Факелы мелькали по всей деревне. Оттуда доносились крики и плач.

Нужно было что-то предпринять. Оставаться дальше здесь было опасно. Пока солдаты рыщут в округе, можно попытаться вырвать жало — достать Окату. Судзуки поднял голову и взглянул на усеянное звездами небо: «Простите меня, мои дети, моя покойная жена. Я не хочу проливать кровь, но у меня нет выбора. Чтобы отомстить за своих родителей, братьев и сестер, чтобы выволить из беды моих мальчиков, я должен убивать. Пусть рука моя будет твердой, а сердце подобно камню». С этими словами Судзуки оторвался от кровли и, сделав сальто, очутился перед дверью в дом. Руки его сжимали рукоятку меча. Мгновение — и он выскользнул из ножен. Еще мгновение — и солдат, охранявший вход, так и не поняв, что произошло, упал с рассеченным животом. Тихо, по-кошачьи, Судзуки вошел в раскрытую дверь.

* * *

Вконец обессиленных мальчишек заперли в каком-то подвале, сыром и темном, с ворохом гнилой соломы в углу. По дороге старику стало плохо, и он упал. Братья пытались поднять его, но сил не хватало, да и руки были связаны. Самурай, видя, что старик не подымается, ударил его копьем. Так старого Сокаву и бросили, окровавленного, посреди дороги. Наверное, и мальчики не выдержали бы гонки на привязи за лошадьми, если бы не тренировки с отцом.

Измученных, почти в бессознательном состоянии, их провели по окрестностям ночного города узенькими улочками вдоль торговых рядов. Эдо спал, редкие прохожие шарахались, увидев вооруженных всадников, тянувших за собой связанных юношей. Многочисленные лавки прочно закрывали на ночь, опасаясь разбойных людей. Их подвели к большому дому с темными окнами, окруженному высоким забором. Большим молотком, подвешенным у ворот, самурай, командовавший конвоем, стал громко, не церемонясь, стучать по дереву. Ворота открылись после того, как их оглядели в смотровое окошко. Их принял, судя по одежде, слуга, вооруженный коротким мечом. Пиная братьев, он провел их через большой, мощный булыжником двор, по ступенькам длинного темного коридора в доме и затолкал в комнату с маленьким зарешеченным окошком под потолком.

Всю ночь мальчики спали, как убитые, не чувствуя саднивших, в кровь сбитых ног, затекших связанных запястий. Утром обитая железная дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался давешний проводник. На вид ему было лет шестьдесят, но был он поджар и мускулист, а из-под седых косматых бровей поблескивали живые веселые глаза. На злодея он похож не был. Стражник достал из-за пояса нож и, подойдя к каждому брату, прорезал веревки. Затем также молча повернулся и вышел, задвинув со скрежетом дверной засов. Братья молча смотрели на закрывшуюся дверь. Первым нарушил молчание Ямото.

— Здесь, наверное, крысы водятся.

— А ты еще заплачь, — огрызнулся Кумата.

— Поесть бы, — прошептал Ямото и грустно посмотрел на Иокаву.

— Тихо, кто-то идет, — шикнул на братьев Иокава и настороженно посмотрел на дверь, потирая на запястьях рубцы от веревок.

Дверь вновь отворилась, и снова зашел бровастый. В руках он держал глиняную миску, до краев наполненную рисом, и кувшин. Поставив все это на пол, страж удалился. Ямото и Кумата рванулись к еде.

— Стойте, подождите, — вдруг сказал Иокава. Братья недоуменно посмотрели на него. Иокава стал разматывать пояс вокруг талии. С внутренней стороны к поясу было пришито множество мешочков и кармашков. Старший брат подошел к миске с рисом и стал что-то щепотками бросать туда.

— Травка?

— Да. Отец дал в дорогу.

После еды братья спали, как убитые, усталость и травка Иокавы сделали свое дело.

Их никто не трогал. Кроме бровастого стража, к ним никто не приходил. Так прошли три дня, потом еще столько же. Но все оставалось по-старому: утром и вечером плошка риса и кувшин воды. По нужде они ходили в деревянную бочку, которую раз в сутки в сопровождении бровастого один из братьев выносил и опорожнял в сливную яму во дворе. Это был единственный момент в их заключении, когда им было разрешено покидать место своего непонятного заточения. Выходя по очереди во двор, братья старались запомнить все, что можно было увидеть по дороге до ямы, а потом сообща обсудить планы побега: Иокава сразу сказал братьям, что здесь что-то нечисто. Их не отвели в городскую тюрьму. Раз. Старший брат загибал пальцы. Их держат взаперти и не пускают даже на прогулку. Два. Выводят только в сумерки, когда двор почти пустой. Три. Их сносно кормят: Четыре. И вот уже шесть дней, как к ним никто, кроме слуги, не приходит.

Иокава победоносно сжал пальцы в кулак и сказал: «А если нас держат здесь незаконно, значит, мы можем попробовать бежать отсюда». Но легко сказать: бежать! А как это сделать? Вырваться из подвала с каменными мощными стенами невозможно. Маленькое окошко с толстыми железными прутьями — единственное отверстие, откуда в подвал попадал свет. Братья загрустили. Они понимали, что отец их ищет. Может быть, даже ходит где-то рядом, но как он определит, что они здесь, в доме наместника?

Надо сказать, что братья не забывали уроков своего отца. Каждый день своего заточения они занимались физическими

упражнениями. Иокава рассказывал братьям, на какие точки тела нужно нажимать, чтобы стимулировать работу того или иного органа или, наоборот, несильным ударом вывести человека из строя. В эти секреты отец посвящал только его.

Прошел еще один день. Вечером, как обычно, кто-нибудь из братьев должен был отправиться к сливной яме. Была очередь Иокавы.

Когда вышли из подземелья во двор, Иокава обратил внимание, что рядом с дверью, ведущей в их темницу, нет солдата, караулившего вход. Несколько стражников расположились около ворот, еще двое прогуливались рядом со стеной, казавшейся огромной и неприступной. Иокава повернул голову и посмотрел в дальний конец двора. Там стена была увита старыми ветвями дикого винограда, мертвой хваткой цеплявшегося в щели и выщербины между камнями. «По веткам можно быстро добраться до верха и...» Иокава с опаской глянул на сопровождавшего его бровастого — не читает ли он его мысли?

* * *

Вряд ли жители Токэду смогли бы узнать теперь мастера Судзуки. В обносках, широкой соломенной шляпе, закрывавшей половину лица, с узелком на короткой бамбуковой палке на плече его можно было принять и за крестьянина, отправившегося в город искать защиты у сёгуна, и за разорившегося деревенского лавочника, приехавшего в Эдо просить в долг у богатых родственников.

Судзуки толкался в разношерстной, кричащей толпе рыбного рынка, прислушиваясь к разговорам, стараясь не упустить ни малейшего намека или случайно оброненной фразы, дающей хоть тоненькую ниточку, ведущую к сыновьям.

Неделю назад на постоялом дворе в Токэду Судзуки с трудом удалось уйти от солдат Окаты. Проникнув неожиданно в дом и разделавшись со стражей, Судзуки ворвался в комнату, где находился Оката и его самурай. Оглушенный ударом ноги в голову, самурай не оказывал сопротивления.

Оката же, выхватив меч, сумел отразить несколько выпадов мастера. Услышав на крыльце топот многочисленной свиты Окаты, Судзуки последний раз взмахнул мечом и выпрыгнул в окно.

На него устроили настоящую облаву. Солдаты обшарили леса в предгорий Фудзиямы, днем и ночью патрулировали все окрестные дороги. Лесами и перелесками, одному ему ведомыми охотничьими тропами, мастеру удалось уйти от врагов.

В Эдо он жил уже три дня. Ночевал у дальнего родственника жены, старого глуховатого лавочника, державшего овощную лавку на улице Суда-тё. Торговал он в основном редькой и красным перцем, которые скупал у крестьян на равнине Мусаси.

Мастер узнал, где расположен дом Окаты. Он обошел кругом его огромные каменные стены, не найдя в ограде ни одного существенного изъяна, которым он мог бы воспользоваться, чтобы проникнуть в дом наместника. Да и там ли сыновья? Порой его одолевали сомнения: может, зря он теряет здесь время, пытаюсь найти лазейку в крепость Окаты. Судзуки сумел узнать, что наместника вот уже десять дней нет в городе.

Мастер выбрался из толчеи рыбного рынка на улицу Фуна-тё. И почти тут же ему пришлось отскочить от лошади, во весь опор скакавшей по мощеной булыжником дороге. Всадник размахивал плетью, освобождая путь богатой коляске. В ней сидел Оката. Не глядя на расступившихся перед ним людей, наместник сидел нахохлившись, как большая хищная птица.

Судзуки, прижавшись к стене, проводил взглядом кавалькаду всадников, следовавших за коляской, и быстрым шагом, почти бегом, последовал за ними.

Ворота открылись, пропуская во двор всю процессию. Судзуки в толпе зевая, глазевших на богатого и влиятельного князя, успел разглядеть большой двор, дом, солдат, стену, увитую диким виноградником... Ворота захлопнулись, и мастер опять остался за этой злосчастной стеной.

Как только начало темнеть, Судзуки поднялся к стене, в том месте, где со стороны двора должен был расти виноград. Подождав, когда улица опустеет, мастер, как опытный скалолаз, цепляясь за малейшую щель между камнями, полез вверх. Он был в легком коротком кимоно и легких кожаных сандалиях. С одной стороны из-за пояса у него торчала бамбуковая палка, с другой — рукоятка короткого меча. Быстро вскарабкавшись на стену, мастер прильнул к ней, оглядывая двор. Все подходы к дому освещались факелами. О том, чтобы пробраться к дому незамеченным, можно было и не мечтать. Судзуки тихо соскользнул на толстые узловатые переплетения винограда и затаился, наблюдая за домом.

Прошло немало времени, прежде чем он заметил какое-то движение около главного входа. Несколько солдат с факелами шли в дальний конец дома. Двое из них скрылись в едва приметную дверь в стене, остальные остались стоять у входа. Через некоторое время солдаты вышли, сопровождая каких-то людей. По мере того, как эта группа приближалась, мастера охватывало волнение, когда же они вышли на освещенную факелами площадку, Судзуки узнал своих сыновей.

Все последующие события развивались стремительно. На крыльцо из дома в сопровождении слуг вышел Оката. Судзуки заметил, что руки у мальчишек не связаны. «Они не боятся их, глупцы». Сердце его билось ровно. Голова была ясной, руки крепко сжимали бамбуковую палку.

Оката, ухмыляясь, смотрел на приближающихся к нему юношей. Он уже собирался махнуть рукой солдатам, чтобы те бросили на землю строптивых мальчишек, которые при виде наместника не встали на колени.

Все вздрогнули, когда тишину разорвал боевой клич Судзуки. На мгновение все замерли. Этого было достаточно, чтобы братья, услышавшие клич отца, резкими ударами рук и ног расчистили себе дорогу и бросились со всех ног в его сторону.

Судзуки гигантскими прыжками бежал им навстречу. Не останавливаясь, мастер крикнул сыновьям, чтобы они убегали: «Ждите меня в лавке Мокасито».

Опомнившиеся солдаты бежали вдогонку и наперерез братьям. Но мальчишки, как обезьяны, уже карабкались на стену по веткам винограда.

Бамбуковая палка мастера мелькала с невероятной быстротой, отражая удары мечей и копий и нанося сокрушительные удары по обступившим его солдатам. Мастер, как зверь, метался по двору, пытаясь пробраться к стоящему на крыльце разъяренному Окате.

— Оставьте его, я сам. — Солдаты расступились, образовав круг, в котором в боевой стойке, готовый к нападению, стоял Судзуки.

Оката сбросил накидку и с мечом в руках соскочил с крыльца.

Они ходили по кругу, изучая друг друга. Один, готовясь нанести сокрушительный удар, другой, готовый отразить его. Вдруг Оката с криком бросился на противника. Казалось, он мечом разрубит Судзуки от плеча до поясницы. Но меч только со свистом рассек воздух. Оката шел на Судзуки, ловко орудуя большим двуручным мечом. Мастер старался увертываться, не пытаясь нанести палкой удар. На очередном замахе Окаты он, опережая, ребром ладони нанес резкий удар по запястьям наместника. Меч отлетел в сторону и упал неподалеку. Не давая опомниться, мастер подпрыгнул и ударил Окату ногой в лоб. Удар был настолько силен, что наместник упал на спину и, вдруг захрипев, задержался в конвульсиях. Подбежавшие к нему слуги бросились поднимать его. Из спины наместника торчал меч, на который он, упав, напоролся... Больше ждать было нечего. Воспользовавшись замешательством солдат, Судзуки бросился бежать. Вдогонку ему полетели копья. Но мастер бежал так быстро, что ни одно копьё не достигло цели.

* * *

Немало труда стоило Судзуки и его сыновьям выбраться из переполошенного города. Не раз приходилось им применять ловкость и хитрость, чтобы проскочить через

заставы и пикеты воинов сегуна, напуганного смертью своего наместника.

И вот, идя по лесной тропе с котомками за плечами, братья слушали удивительный рассказ мастера Судзуки.

— Мой отец и ваш дед был богатым самураем. Жили мы в Киото. Когда мне исполнилось шесть лет, меня отдали в школу бу-дзюцу, обязательную для каждого молодого самурая. Там нас, молодых самураев, обучали не только воинским искусствам, но и музыке, живописи, сложению стихов и многому другому. Оката уже заканчивал школу. Обычно младшие выполняют в школе всю черновую работу по заданию старших учеников. Но Оката всегда старался унижить или ударить исподтишка. А я не мог переносить этого.

Меня часто отпускали домой к отцу. И вот однажды ночью, когда я был дома, я услышал крики и шум на половине отца. Я побежал туда и увидел, что слуги наши все перебиты, мои сестры и братья лежат в луже крови, заколотые мечами, а какие-то люди в масках складывают ценности, бывшие у нас, в свои мешки. Я увидел, как один из этих людей стоит над окровавленным телом отца, вытирая меч. Он был без маски. Когда он обернулся, я узнал Окату. Он тоже увидел меня. Я хорошо знал расположение комнат в доме и мог свободно ориентироваться в темном саду. Я убежал от убийцы. В школу мне возвращаться было нельзя. Домой тоже — Оката, опасаясь разоблачения, все равно бы убил меня. Поэтому я ушел из города. Бродил по селениям, живя на подаяния, пока однажды меня не подобрал Учитель. Он стал мне вторым отцом. Он обучил меня искусству быть сильным и ловким, уметь владеть любым оружием. Он учил меня всему тому, чему учит ниндзя своих детей. Потом я спустился в долину, где встретил вашу мать.

Судзуки и его сыновья быстро, не обременяя себя больше грузом воспоминаний и не думая о будущем, уходили в глубь лесов острова Хонсю...

* * *

Судзуки посадили в клетку. И чернь радостно бесновалась вокруг, закидывая последнее пристанище ниндзя нечистотами. Он сидел, поджав под себя ноги, в позе лотоса. Казалось, никто и ничто не могло ввергнуть его в панику. Он не был ослеплен страхом. С молоком матери каждый из его названных братьев по клану готовил себя к смерти.

Судзуки знал, что его предали, иначе он не сидел бы в металлической клетке зверя. Прислуга даймё (князя) сплошной стеной окружила клетку. Им хотелось зрелища. Они жаждали затравить бешеного зверя, бросающегося на прутья, окровавленного и хрипящего в бессильной злобе. Такого уже не боятся. Страх вызывал ниндзя безмолвный. С гордо поднятой головой, бесстрашно глядящий в толпу, готовый принять любую смерть. Судзуки помнил, как заканчивали жизнь его братья по ремеслу. Сиогаму живым медленно сжигали на костре. Дзюмпей умер, когда с него стали сдирать кожу.

Интерес дворни к плененному ниндзя пропадал. Толпа постепенно редела, пока возле клетки не осталось ни одной живой души. Но Судзуки, казалось, не заметил этого. По-прежнему, словно изваяние, он сидел все в той же позе.

Как бы ни хотелось ему отвлечься от мирской суеты, но мысли вопреки желанию возвращались к событиям недавнего времени.

Услугами их клана пользовался один из самых богатых и влиятельных самураев Хонсю Гомикава. Он платил хорошие деньги за сведения о воинских силах своих соседей, о расстановке при дворе сёгуна и о многом другом. Ниндзя удачно выполняли его поручения. Такое сотрудничество устраивало обе стороны. Но Судзуки всегда с недоверием относился к Гомикаве, способному одной рукой протягивать чашу с сакэ, а в другой держать кинжал, чтобы при удобном случае всадить его в горло гостя. Правда, Гомикава не был исключением. Вероломством и жестокостью отличались все самураи. И в борьбе за власть в ход шли все доступные средства: убийства из-за угла, отравления, похищения и прочие приемы дьявольского арсенала.

Пока ниндзя только собирали информацию, все шло неплохо. Но как только Гомикава стал требовать от воинов их клана расправ с врагами, ниндзя стали преследовать неудачи. Сначала странной смертью погиб Дзиндай — двоюродный брат Судзуки, опытный и ловкий воин, в совершенстве владевший маскировкой и перевоплощением. Он мог стать актером из театра Кабуки, бедным забитым крестьянином или зажиточным самодовольным купцом. Дзиндай так умело прятался в редкой листве дерева, что его не увидел бы самый глазастый воин.

Дзиндай должен был выследить и убить даймё Санхэя, одного из самых сильных недругов Гомикавы. Он долго готовился. Несколько раз под видом странствующего монаха разведывал местность, изучал подходы к замку князя, искал уязвимые места в его охране. Дзиндай сумел под покровом ночи проникнуть в замок, убрать часовых. Но его ждали. Было ловко подстроено так, что ниндзя пошел по ложному следу и попал в каменный мешок, и Санхэй сам поливал его из котла кипящей смолой. Ниндзя метался в узком пространстве, закупоренный, как в бутылке, в четырех стенах.

Следующей жертвой предательства стал самый молодой воин-ниндзя Синкэ, недавно приобщенный к таинству тантрической магии. Ему были раскрыты секреты мантр — священных звуков и мудр, знаков, открывающих путь к познанию себя и вселенной. Синкэ, несмотря на молодость, многое умел. Он уже считался непревзойденным мастером меча. Любой самый опытный самурай, с детства не расстающийся с мечом, позавидовал бы молниеносной технике владения этим оружием молодого ниндзя. Синкэ не сумел пустить в дело свой меч: его забросали копьями и стрелами при ярком свете факелов, которые вдруг по команде одновременно зажглись, осветив самый дальний уголок двора князя, не хуже дневного света.

Какова цена предательства?! Этот вопрос был самой мучительной пыткой для Судзуки. Кто предавал их? И вдруг ниндзя застонал, громко, с надрывом. Стон попеременно с хрипом вырывался из груди. Каким он был наивным. Сколько раз он убеждался в низости и подлости самураев, в лживости

кодекса самурайской чести. И вот, как маленькая глупая рыбка, попался на крючок.

Только сам Гомикава мог предавать своих лазутчиков, сговорившись за их спиной со своими врагами. Только страх перед кланом ниндзя заставил его сделать это.

Мысль о том, что он не последний преданный воин, причиняла почти физическую боль. И чем больше он думал о себе и своих товарищах, тем сильнее хотел жить.

Сколько помнил себя Судзуки, он всегда отличался от сверстников. Он хотел быть таким, как все, но был другой, совсем иной, чем они. Судзуки чувствовал, что это был его единственный, но и страшный недостаток. Для любого мальчишки из клана ниндзя ничего не стоило забить до смерти кошку или метким выстрелом из рогатки подбить на лету птаху. Маленький Судзуки всегда мучительно переживал, если ему приходилось убивать или калечить животных. Но он не показывал вида, скрывал и носил это в себе. Уже семи-восьмилетним мальчиком он мог смеяться, когда хотелось плакать, и мог заливаться горячими слезами, когда смех, казалось, лез из ушей. Он жил днем такой, как все, и жил ночью, беззащитный маленький ниндзя с вопросами, которые не задашь суровому Учителю, с болезненными неразрешимыми сомнениями, которые и сейчас не давали покоя ему, мужчине-воину, прошедшему все мыслимые испытания.

Какова цена предательства? Да разве кто-нибудь из ниндзя задавал себе такой вопрос? Нет. Наверняка, нет. Неужели он рожден именно для того, чтобы стать профессиональным наемным убийцей? Почему ниндзя, а не поэт или художник?

Он вырос и стрелял уже не из рогатки по воробьям, а из лука отравленными стрелами в людей. И сердце его все реже откликалось на чужую боль. И по ночам он не просыпался от неясного, смутного чувства вины за то, что сделал больно или мог причинить боль.

Громкий смех совсем рядом вывел Судзуки из оцепенения. Перед клеткой стоял князь Санхэй и незнакомый

самурай. Говорил, в основном, князь, самурай же слушал, раскрыв рот, не отрывая взгляда от Судзуки — так смотрят на невиданных, диковинных зверей.

— Посмотрите на него. Он силач — каких мало. Я специально заказал кузнецу такие толстые прутья, чтобы исключить любую возможность для бегства.

— Неужели это знаменитый ниндзя Судзуки?

— Да, друг мой! Знаменитый кровожадный Судзуки, который убил не одну сотню людей. Судзуки — дьявол, Судзуки — тень — так его называют люди.

— Как же вам удалось поймать тень? — В голосе молодого самурая послышалась ирония.

— О-о, это секрет, мой юный друг. И Санхэй самодовольно засмеялся, потирая ладони.

Санхэй был уже немолод. Потасканный, похотливый старик — мог бы сказать при первом знакомстве с Санхэем юнец и глубоко бы ошибся. Несмотря на возраст и потасканный вид самурай был способен фехтовать, не переставая, несколько часов подряд. Так же, как пить вино и развлекаться с женщинами. Судзуки хорошо знал этот тип самураев. Лживые и коварные, они были способны на любое предательство, а если представлялся случай проявить мастерство, то люди, подобные Санхэю, его не упускали.

— Как вы думаете, Санхэй-сан, он слышит нас?

— Не только слышит, но и представляет уже, как ломает вам хребет, а мне шею, — засмеялся князь и добавил, глядя на Судзуки:

— Ты ведь знаешь, как умер Дзиндай? Жаль, что ты не видел. Это было чудесное зрелище. Мы хорошо посмеялись в ту ночь. Он орал, как недорезанная свинья, когда я поливал его смолой. — Санхэй пристально смотрел на Судзуки, стараясь уловить хоть что-то похожее на страх или растерянность на его лице. Но Судзуки с каменным спокойствием уставился в одну точку мимо самураев, словно сидел не в камере смертника, а на воле среди друзей.

— Я приготовил сюрприз на завтра. Думаю, что он понравится нашему другу — и самурай кивнул головой в сторону Судзуки. Они ушли, о чем-то разговаривая, больше не взглянув на ниндзя.

* * *

Это был зверь-красавец. Великолепный экземпляр амурского тигра, привезенного Санхэю в подарок корейскими купцами. Размеры его внушали священный трепет. Он воплощал стихию, которая может согнуть самого сильного, заставить испытать страх самого смелого. Вес животного был не меньшим, чем у двоих вместе взятых мастеров сумо. Сверкающие белизной клыки могли сравниться крепостью с алмазом. Ходил он медленно и величаво, как знатный самурай-вельможа. Но медлительность его была обманчивой. Зверь мог в любую минуту совершить гигантский прыжок и одним ударом лапы лишить жизни жертву.

Тигр был голоден. Он стелился по дну ямы, настороженно поглядывая и принюхиваясь к людям, глядевшим сверху на него. Зверь волновался. Несколько раз оскалив пасть, он издал грозный рык.

Наверху, в специально оборудованном ложе сидел князь с друзьями. Они наблюдали за тигром.

— Ну что, друзья, вы насладились видом этой кошечки? Пора открывать представление.

Толпа восторженно загудела и заулюлюкала, когда Санхэй распорядился начинать. Воины приволокли какого-то человека в лохмотьях и вопросительно посмотрели на своего господина. Тот утвердительно кивнул, и человек от резкого пинка кубарем полетел в яму. Тигр словно ждал этого. Он рванулся к добыче и начал яростно раздирать зубами и когтями жертву.

Один из самураев поморщился.

— Санхэй-сан, Вы обещали зрелище, а это... — он не нашел нужных слов и махнул рукой.

— Друзья, — это только прелюдия. Уверяю вас, что зрелище еще впереди. Это было мясо для завтрака — и самурай снова засмеялся.

Насытившись, зверь отошел в сторону, прилег, уже не обращая ни малейшего внимания на зрителей, и стал облизывать себя, как обычная кошка. Это вызвало бурный восторг у публики. И тут сначала один, а затем и вся толпа стала вопить, выкрикивая чье-то имя.

— Чего они хотят, князь?

— Ждут продолжения, хотят увидеть в яме ниндзю. И Санхэй объяснил свой сатанинский план. Тигр сыт и поэтому прежде, чем убить пленного Судзуки, он будет играть с ним, как кошка с мышкой. Единоборства быть не может — слишком неравны силы, но ведь и ниндзя кое на что способен. Так что зрелище ожидается не хуже, чем в театре Кабуки.

Руки ниндзя были связаны. Его подвели к яме и, быстро перерезав веревки мечом, подталкивая сзади копьями, заставили прыгнуть в яму. Публика ахнула, когда ниндзя, сделав вдруг акробатический кувырок, встал на ноги. И только оказавшись внизу, Судзуки понял, какой сюрприз приготовил для него самурай. Видя, что зверь даже не смотрит в его сторону, Судзуки вдруг успокоился. Он уже не слышал, что делается наверху. Судзуки разглядывал тигра и восхищался его мощью, красотой и уверенностью. И вдруг Судзуки почувствовал неожиданный прилив сил, словно часть жизненной энергии зверя перешла к нему.

Между тем, наверху поведение ниндзя вызывало суеверный трепет и беспокойство.

— Санхэй, а ведь проклятый ниндзя не боится зверя. Я знаю повадки тигров. Они чувствуют страх. Где страх, там легкая добыча и еда...

— Вижу, — буркнул князь, — сейчас мы разозлим животное, и от нашего друга ничего не останется. Тигр слопаёт его и не подавится.

Тем временем Судзуки присел, поджав под себя ноги, и сосредоточился. Пальцы переплелись в замысловатый знак.

Это была первая мудра — Сосредоточения. Пальцы причудливо переплетались, образуя знаки Силы, Крепости и Мощи. Невидимости и неуязвимости. И наконец, правая рука с обращенной наружу ладонью поднялась перед грудью отстраняющим движением. Левая — ладонью вверх на уровне живота. Это была мудра Бесстрашия. Замерев на мгновение, Судзуки вдруг резко вскочил. Он был молод, силен, полон энергии. Ниндзя был готов к схватке.

В зверя полетели комья глины и камни. Поднятый со своего ложа, тигр начал волноваться. Наконец, он обратил внимание на человека. Это была добыча. Иначе человека в яме он не воспринимал. Но что-то смущало зверя. Он не чувствовал трепета жертвы, ее обреченности. Это волновало и настораживало. Человек не кричал, не убегал, не забивался в самый дальний угол.

Он стоял в страшной позе и ждал. Зверь, взбудораженный криками и болезненными ударами камней, смотрел на человека.

— Ну, киска, прыгай, — доносилось сверху, — возьми его, возьми...

Длинный и толстый, как корабельный канат, хвост тигра заходил ходуном, колошматя землю. Зверь подсел, прижимаясь к земле, уши его прижались к продолговатой красивой голове. Прыгнул он неожиданно, сильно оттолкнувшись задними лапами. Все произошло в одно мгновение: прыжок и красивый, грациозный полет зверя с хищный оскалом. Ниндзя прыгнул почти одновременно с тигром. Он знал, что тигр в прыжке не может изменить траекторию. Все его действия рассчитаны на быстроту и внезапность. Значит, для того, чтобы драться с тигром, нужно опережать его во всем. Сальто под брюхом было великолепным. Зверь приземлился на пустое место — добыча ускользнула. Громкое злое рычание сотрясло воздух. Развернувшись, тигр прыгнул еще раз. Ниндзя ласточкой отпрыгнул в сторону, совершив кувырок через голову, и снова вскочил на ноги. Они ходили по кругу. Взбешенный зверь и человек, каждый раз опережающий зверя на незаметное глазу

движение. Тигр, сделавший два безрезультатных прыжка, не торопился.

Глядя на зверя, поджимавшего уши и не решающегося броситься на него, Судзуки понял, что победил. Ему не нужен был острый меч, чтобы поразить зверя. Он знал уже, как ударит и, проткнув шкуру, доберется до внутренностей зверя.

Как он плакал мальчишкой, когда Учитель до невыносимой боли, до крови заставлял его и других учеников колошматить пальцами высохшие, прошлогодние фасолины до тех пор, пока пальцы не покрывались твердым, как броня, наростом. Эти тренировки были обязательными для ниндзи на протяжении всей жизни.

Рванувшись вперед, Судзуки прыгнул и, перелетев через зверя, оказался у него за спиной. Ударом кулака сверху (с такой силой бьют молотобойцы по наковальне), ниндзя перебил хребет зверя. Тот, скуля и хрипя от боли, поволок парализованные задние лапы, норовя развернуться и достать передней лапой человека. Судзуки, воспользовавшись беспомощностью зверя, нанес еще один удар прямой ладонью растопыренными пальцами. Он, как вилами, пропорол шкуру зверя и почти по локоть вогнал в него руку. Тигр несколько раз дернулся в предсмертных конвульсиях и затих.

Судзуки стоял рядом с мертвым зверем, не испытывая радости от победы. Ему, как в детстве, хотелось плакать от жалости к тигру.

Тишина стояла и наверху.

— Великий Будда, этого не может быть, — прошептал один из самураев, — он расправился с тигром, как со слепым котенком. Это не человек!

Не отвечая, Санхэй крикнул воинам, чтобы те разогнали толпу, а затем, обратившись к гостям, повелительно произнес:

— Друзья, я прошу вас пройти в дом.

Никто не возражал. Оглядываясь на одинокого ниндзю, стоящего над поверженным зверем, самураи ушли.

Санхэй в сопровождении воинов подошел к яме:

— Послушай меня, Судзуки. Я знаю, ты гордый и смелый человек. Не в моих правилах отпускать пленного ниндзю, но было бы обидно, если бы ты умер после победы над тигром. Я хочу сказать тебе, что вас предал Гомикава. Он послал ко мне человека с требованием заплатить за свою жизнь. Гомикава сказал, что ниндзя из вашего клана готовятся убить меня...

— Он сам заплатил за твою голову...

Санхэй на мгновение замер:

— Это правда, Судзуки?

— Да, Санхэй, наш клан служит Гомикаве... — Хитрая, подлая лиса. Нечто подобное я и думал... Ты будешь жить, Судзуки, и ты убьешь Гомикаву!

Судзуки склонил голову в знак согласия.

* * *

Гомикава слыл самураем просвещенным. В юные годы он изучал не только воинские искусства, но и музыку, стихосложение, живопись. Да и сам Гомикава считал, что лучше его в Японии никто не владеет мастерством и изысканностью чайной церемонии. В саду его замка «чайный» домик занимает центральное и самое видное место.

Даже бродячие актеры кукольного театра всегда могли найти у знатного самурая достойное отношение, приют и ночлег.

В отличие от многих жилищ самураев-даймё, построенных в традициях древней японской архитектуры из дерева, замок Гомикавы был каменным.

Большое количество комнат, залов, переходов и всевозможных помещений делало замок похожим на огромный лабиринт. Правда, все это было как бы игрушечным и непостоянным. Время от времени весь внутренний интерьер в доме самурая полностью менялся. Там, где раньше были комнаты, появлялись коридоры или залы. Двери, стены,

перегородки исчезали в одном месте и появлялись в другом. Делалось это с помощью конструкций скользящих дверей и стен. Они изготовлялись из деревянных решеток, оклеенных с наружной стороны рисовой бумагой, пропускающей свет. Внутренние же скользящие перегородки оклеивались плотной, задерживающей свет бумагой с обеих сторон.

Убранство комнат было более чем скромным. Пол застилался ковром из рисовой соломы — татами, на котором несколько подушек для сидения и небольшой столик составляли обычную мебель. Даже жаровня с углями или очаг для обогрева устанавливались не везде. В холодное время года можно было продрогнуть не только в хижине крестьянина, но и в замке даймё.

Покровительствуя людям искусства, Гомикава лукавил, когда заявлял, что не ищет в этом личную выгоду. Ну, во-первых, слух о даймё Гомикаве как о меценате и попечителе талантов заслонял его истинное лицо вероломного интригана, а частое общение с бродячими актерами, художниками и поэтами позволяло ему быть в курсе событий как в аристократических самурайских кругах, так и в самом низу — среди городской бедноты и крестьянства.

Небольшая актерская труппа Нингё дзёрури — театра марионеток была без лишних расспросов пропущена по навесному мосту в замок Гомикавы. Время было вечернее, и актеров не стали представлять князю. Знакомство отложили на следующий день, а служителей изящного отвели в комнаты для гостей.

Надо сказать, что актеры в период правления сегуната Токугава занимали довольно привилегированную ступеньку на социальной японской лестнице. Некоторые из актеров за свою игру удостаивались даже княжеского титула — даймё, остальные приравнивались к нижним слоям самурайского сословия. Конечно же, даймё не мог выступать перед простолюдинами. Поэтому в Японии существовала своя театральная иерархия. Театр Но был привилегией самураев, а театр Кабуки, например, считался зрелищем для простолюдинов. Так сложилось к началу 17 столетия.

Бродячие актеры нингё дзёрури, волею случая забредшие во владения знатного самурая, производили впечатление людей тихих и непритязательных. Скарб их умещался в одной повозке, в которую был запряжен старый, тощий мул, обошедший со своими хозяевами, наверное, всю Японию. Слуги самурая, хотя и не оказывали того уважения и почтения, какое заслуживают самураи, но и не смели выразить открытое пренебрежение к незнатным гостям, зная об отношении своего господина к людям этой профессии.

Актеров накормили, и слуги, пожелав хороших сновидений, внесли в комнату жаровню с углями, которую поставили в специальное углубление в полу. Как только двери за слугами закрылись, актеры стали готовиться ко сну.

До недавнего времени в бродячем театре было пятеро мужчин, но в Киото к ним присоединился еще один актер, которого поначалу взяли учеником, однако видя, что он далеко не новичок в актерском деле, признали равноправным членом труппы.

Звали нового актера Сотагава. В отличие от своих товарищей Сотагава не лег поближе к пылающим жаром углям, а устроился недалеко от дверей.

Когда в комнате раздались сначала робкие похрапывания, а затем залиvistые трели уснувших актеров, Сотагава бесшумно встал со своего ложа, прислушался, затем легко, словно тень, выскользнул из комнаты.

Сотагава шел так, как не может ходить ни один актер, даже самый талантливый и одаренный. Так могли ходить только «черные дьяволы» — ниндзя.

* * *

Судзуки не узнавал расположения комнат в замке Гомикавы. В этих переходах и тупиках впору было запутаться. Ниндзя притаился, услышав шаги стражников, всю ночь охраняющих внутренние покои сюзерена.

Не испытывая больше судьбу, он вернулся в комнату своих товарищей. Актеры все так же похрапывали вокруг мерцающих в темноте углей.

Судзуки лег на циновку, завернулся в плащ и тут же заснул.

Судзуки изменил внешность по всем правилам маскировки. Начал он с лица. Широкие густые брови, небольшая бородка и усики, тени под глазами ничем не напоминали прежнего Судзуки. Ходить он стал, припадая на левую ногу, якобы поврежденную еще в детстве. Плечи его были постоянно опущены, руки висели плетью; преображались они, становились ловкими только во время представления, когда необходимо было быстро манипулировать куклами-марионетками.

Ниндзя не боялся, что его узнают. Даже родной брат, считал он, не признал бы его в новом обличьи. Поэтому Судзуки действовал так, а не прорывался через редуты самурайской стражи, рискуя быть убитым, не достигнув цели.

Санхэй предлагал ниндзе деньги за убийство его бывшего хозяина, но Судзуки гордо отверг это предложение, сказав, что его кровное дело — отомстить за товарищей.

Разговор с Санхэем происходил с глазу на глаз. Никто не должен был узнать, что Судзуки жив и выпущен на свободу. Для всех он после схватки с тигром продолжал томиться в подвалах Санхэя.

Наутро дворян, солдаты, окрестные крестьяне уже знали о приезде «кукольников». Двор в замке заполнился людьми, ожидающими представления.

Гомикава был не в духе. Поэтому, мельком взглянув на актеров, он благосклонно кивнул, выразив надежду, что труппа порадует его хорошей игрой.

На сооруженном в глубине двора деревянном помосте, основанием для которого послужила повозка артистов, дворян помогла актерам поставить ширму. К полудню все было готово. На самом почетном месте перед сценой восседал Гомикава в окружении своих вассалов. Солдаты и

крестьяне, допущенные в замок на представление, радостно галдели в ожидании интересного и редкого зрелища.

Один из самураев даймё Гомикавы улыбнулся, рассказывая своему соседу какую-то занимательную историю. Вдруг Гомикава вздрогнул и, повернувшись к самураю, вкрадчиво спросил: — Уважаемый Хатикуро, что за историю рассказываете своему соседу? Нам хотелось бы всем услышать ее и посмеяться вместе с вами...

— Я не думал, что это будет вам интересно, почтенный Гомикава. Но если вы желаете... Я рассказывал уважаемому Искаку о представлении, состоявшемся у даймё Санхэя.

— Да? Это очень интересно. Даймё Санхэй — мой старинный друг. И меня интересует все, что происходит в его замке.

— Дело в том, что даймё Санхэй сумел захватить в плен знаменитого ниндзю Судзуки, посланного убить почтенного даймё...

В окружении Гомикавы слышался громкий шепот и возгласы удивления. Гомикава поднял руку, призывая самураев к тишине.

— Очень любопытно. Продолжайте, Хатикуро-сан.

— Так вот, даймё Санхэй придумал злодею удивительную казнь...

— Я не сомневался в изобретательности моего друга. И что же он выдумал?

— Даймё, продержав ниндзю несколько дней в железной клетке, бросил его в яму с тигром...

— Ха-ха-ха. Санхэй не лишен чувства юмора... И что оставил от этого дьявола-ниндзи тигр? Или сожрал его полностью?

— В том-то и дело, уважаемый Гомикава, что тигр ничего не сделал с проклятым Судзуки... Говорят, что ниндзя расправился с грозным зверем, как с паршивым котенком. Он сломал тигру хребет и рукой пропорол ему шкуру, не получив при этом ни одной царапины!

Гомикава сидел бледный, как смерть. Самураи, слушавшие рассказ, в удивлении притихли.

— Санхэй убил дьявола Судзуки?

— Этого никто не знает. Но, говорят, что ниндзю казнили страшной казнью. Такого опасного человека даже в железной клетке не удержишь.

— Значит, казнили? Да, наверное, казнили. Зачем Санхэю церемониться с наемным убийцей?!

Самураи закивали головами, соглашаясь с князем.

— Ну что же, мы не жаждем кровавых зрелищ. Велите актерам начинать представление!

Как только раздались звуки сямисэна, публика притихла. За ширмой раздался громкий голос рассказчика и певца. Под аккомпанемент сямисэна он запел песню, в которой говорилось о бедном самурае, полюбившем девушку. На сцене появились кукловоды с большими, в две трети человеческого роста, куклами. Двое актеров вели одну куклу. Артисты были одеты в черные костюмы с прорезью для глаз. На фоне черной ширмы-занавеса их было почти не видно. Зрители так увлеклись любовным диалогом «самурая» и его девушки, что не замечали ничего вокруг. Все взгляды были прикованы к сцене.

— Странные у них наряды. Они напоминают одеяния ниндзя, — проворчал Гомикава.

— Уверяю вас, почтенный Гомикава, что под этими одеждами безобидные бродячие артисты... Представление подходило к концу. Сямисэн пискнул в последний раз и замолк. Зрители выражали свой восторг по-разному: криками, смехом, хлопками. Вся труппа вышла на сцену, кланяясь и благодаря зрителей за радушный прием.

Один из актеров, одетый в черное, во время поклона сделал почти неуповимое движение, и в тот же миг Гомикава, собравшийся встать со своего ложа, опрокинулся на спину, судорожно цепляясь за окружающих его самураев. В горле у Гомикавы торчала звездочка — сакэн. Даймё был мертв.

— Закрывать все ворота. Никого не выпускать. Схватить актеров, — раздавались отрывистые команды Хатикуро.

Воспользовавшись общей неразберихой, Судзуки нырнул в толпу, надеясь проскочить в ворота. Но ворота уже закрывались. «В замок», — мелькнула мысль. Судзуки побежал в сторону замка. У входа стояли трое воинов с мечами. Не останавливаясь, ниндзя бежал прямо на них. Видя это, один из воинов, стоящий дальше двери, замахнулся мечом. В этот же момент Судзуки ребром ладони ударил по запястью и, развернувшись — пяткой в грудь, одновременно уходя корпусом от колющего удара меча второго воина. Схватив выроненный меч, ниндзя метнул его в третьего стражника, буквально пригвоздив воина к стене. Путь был свободен. Распахнув дверь, Судзуки забежал в дом и, легко перепрыгивая по нескольку ступеней, ринулся наверх.

Немногие из приближенных знатного самурая знали о его связи с кланом ниндзя, и никто, кроме самого даймё, не знал о потайном ходе в стене в спальнях покоях Гомикавы. Через этот ход ниндзя приходили к самураю с донесениями или за очередным заданием. Ход вел в подземелье, а оттуда — за крепостной вал в ров с водой, окружавший замок-крепость со всех сторон. Лаз находился в метре от воды, замаскированный густыми зарослями колючего кустарника. Открыть же этот лаз можно было только изнутри. Гомикава сам встречал в назначенное время «гостей» и сам провожал их обратно, закрывая «дверь».

Поэтому Судзуки так рвался в замок. А теперь «летел» по лестницам и коридорам, пытаясь найти спальню даймё. Он уже слышал топот многочисленной стражи за спиной, крики стражников где-то впереди. Ниндзя обкладывали, как волка, со всех сторон. Но в тесных лабиринтах замка Судзуки чувствовал себя уверенно. Напасть одновременно на него могли только двое-трое воинов. А в рукопашной схватке ниндзя не сомневался в исходе поединка. Внезапно в стене образовался проход, и оттуда выскочил самурай, держа в руках копье. Судзуки увернулся и, перехватив древко, рванул его на себя. Самурай, споткнувшись, носом «пропахал» каменный пол. Не теряя времени, ниндзя забежал в комнату, из которой только что

выскочил самурай с копьем, и застыл от неожиданности — это были спальня покои Гомикавы. Судзуки подбежал к стене и, прижавшись к ней, стал перебирать руками. Наконец, пальцы попали в небольшое углубление. Стена поддавалась, и огромная каменная дверь стала уходить, вращаясь вокруг оси. Вбежав в проход; ниндзя быстро «закрыв» за собой «дверь».

Судзуки не торопился, привыкая к полумраку подземелья. Далеко вниз вели ступени, освещаемые неровным светом, прорывавшимся из незаметных отверстий под потолком — секрет архитектора, проектировавшего замок князя. Он так и не увидел, наверное, воплощения своих мыслей и идей. «Гомикава не любил оставлять в живых свидетелей своих тайн и секретов», — подумал ниндзя.

Судзуки прислушался. Все, что происходило в спальня комнате самурая, хорошо было слышно за стеной.

— Он забежал сюда, я видел.

— Ищите, ищите, он где-то здесь.

— Обшарьте все коридоры...

«Они не могут знать о потайном ходе. Гомикава никогда не посвящал в свои тайны». Успокоившись, Судзуки стал спускаться в подземелье.

План его был прост. Дождаться темноты и потом, переплыв через ров, уйти из замка. Конечно, Судзуки предполагал, что ночью самураи полностью оцепят замок и снаружи, но ниндзя надеялся на свою ловкость, изворотливость и силу.

Достигнув подземелья, Судзуки не спеша направился по знакомому коридору в сторону лаза. Отодвинув с помощью специального механизма огромную глыбу, ниндзя выглянул наружу. На той стороне рва в нескольких местах Судзуки заметил стражников, притаившихся в дозоре.

Когда стемнело, Судзуки осторожно вылез наружу и бесшумно нырнул в воду. Проплыв под водой несколько футов, ниндзя вынырнул почти у противоположного берега с таким расчетом, чтобы оказаться недалеко от скрытого

дозора. Судзуки вылез из воды и, сливаясь с берегом, стал бесшумно карабкаться по торчавшим из земли корням.

